

МО
С
К
О

B
A
Z
A
R

С
К
И
Й

BAZAR

№ 4 (10) 2013

Журнал Московского Салона Литераторов www.mossallit.ru

*Tous les genres sont bans,
hors le genre ennuyeux.*

*Все жанры хороши,
кроме скучного.*

Журнал выходит в рамках
проекта «МОССАЛИТ»,
руководитель проекта
Ольга Грушевская

Главный редактор
Светлана Сударикова

Редактор-корректор
Ирина Чижова

Художественный редактор
Ольга Грушевская

Редакционный Совет
Анна Народицкая
Зинаида Кокорина

Для писем
mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ

Колонка главного редактора

С Новым годом!

На Новый год папа всегда покупал натуральную ель. Она, как правило, была не такой пушистой, как современные датские ёлочки, но пахла так, что, переполняя комнату, смолистый хвойный дух переливался в коридор, проползал на кухню и даже забивался в ванную комнату. Добыть ёлку было не так-то просто: сначала полагалось отследить открытие ёлочного базара, затем отстоять длиннущую очередь и, наконец, отхватить драгоценный трофей. Бывало ведь и так, что отхватить не удавалось, поэтому приходилось брать ель тогда, когда она появлялась на базаре, иногда задолго до 31 декабря. Балкона у нас не было, и поначалу связанная ёлка висела за окном на улице, а где-то числа 27-го её доставали, ставили в воду, и она, постепенно расправив ветви, наконец превращалась в неизменный атрибут советского Нового года. Потом ёлку наряжали. Это было целое действо, в котором принимала участие вся семья. Игрушки хранились на антресолях в нашей коммунальной квартире. Они лежали в двух больших потрёпанных картонных коробках, аккуратно завернутые в бумагу или вату. Хорошо их помню: огромные шары, набитые изнутри мишурой, блестящие ёлочки, домики, целый набор игрушек под названием «Сказки Пушкина», от которого сейчас осталась только «голова богатыря». И ещё разные шары, сосульки, шишки, и, конечно же, гирлянды. Их было две. Одна в виде разноцветных фонариков, другая – колокольчиков. Часто игрушки падали и разбивались, и тогда из осколков я изготавливала различные поделки – они и становились моим подарком родителям на Новый год.

Когда игрушки и гирлянды были развешены, на верхушку водружалась блестящая красная звезда, на ветки падала мишура, и все это покрывалось дождиком, который при каждом движении воздуха – прошёл ли кто или дверь открылась – дрожал и блестел, отражая разноцветные огни гирлянды. Под ёлку укладывали вату, служившую снегом, и ставили Снегурочку и деда-мороза из папье-маше. Было очень красиво. Я могла смотреть на ель часами, и когда приходило время разбирать ее, всегда тайком от родителей утирала слезы.

Помню, однажды, мне было лет десять, мы с папой в очередной раз достали с антресолей коробки, и тут я к своему ужасу обнаружила в коробке с игрушками огромных черных тараканов. Они разбили там целый посёлок, великолепно обустроившись после прошлого Нового года, завели семьи и теперь вольготно проживали. Недолго думая, папа схватил коробки и вынес на улицу. Мы жили на 2-м этаже, и коробки на целую ночь оставили около подъезда. Мороз был градусов 30, не меньше. На следующее утро (заметьте, коробки никто не взял, они так и стояли никем не тронутые, в целостности и сохранности) мы принесли коробки домой. Окаменелый тараканий выводок лежал кверху лапками. И что вы думаете! Через час эти твари оклемались и разбежались кто куда! Вот это живучесть!

Дорогие друзья! Желаю вам в новом году быть такими же морозоустойчивыми, жизнелюбивыми, отчаянными и смелыми, как эти замечательные насекомые! И тогда никакие природные явления не будут вам страшны, и даже самые страшные ураганы

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

обойдут ваш дом стороной! А испытания на деле окажутся всего лишь очередным приключением!

От имени редакции «Московского Базара» поздравляю вас с Новым годом и Рождеством! Удачи вам, творчества, радости и созидания. С праздником, дорогие друзья!

Ваша Светлана Сударикова

**Генри Мослер. Рождественское утро.
1918 г.**

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ПРОЗА

НАДЕЖДА ГУСЕВА (МОССАЛИТ, Москва)

- ПРЕАМБУЛА К РАССКАЗУ КУПРИНА «БЕДНЫЙ ПРИНЦ»

АЛЕКСАНДР КУПРИН

- БЕДНЫЙ ПРИНЦ

ВИКТОРИЯ ЛУКИНА (Харьков)

- МУР-МУРР, АЖУР-БОНЖУР

ВСЕВОЛОД КРУЖ (МОССАЛИТ, Москва)

- ТО, ЧТО ТЫ ХОЧЕШЬ

- ПРЕДОК-ХРАНИТЕЛЬ

КАРЕН АГАМИРЗОВЕВ (Карелия)

- БУМАЖНАЯ ЛУНА

ЯН КАУФМАН (МОССАЛИТ, Москва)

- КНЯГИНЯ МАРИЯ АЛЕКСЕЕВНА

ОЛЬГА ГРУШЕВСКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- РОЖЕСТВЕНСКИЙ ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ «ЛЕНТА МЁБИУСА»

6

10

16

22

26

31

33

37

ВОСПОМИНАНИЯ О НОВОГОДНИХ ПРАЗДНИКАХ

ВИКТОР ЖУК (Москва)

- ДЕТСКИЕ НОВОГОДНИЕ ПРАЗДНИКИ И ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ НОВОГО ГОДА

39

ПОЭЗИЯ

ТАТЬЯНА АКСЁНОВА-БЕРНАР (Москва)

ГЕОРГИЙ БОЙКО (Москва)

ИГОРЬ СУРИКОВ (Москва)

АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

НАДЕЖДА ГУСЕВА (МОССАЛИТ, Москва)

48

53

58

62

66

ВОСПОМИНАНИЯ О НОВОГОДНИХ ПРАЗДНИКАХ

ИРИНА ЧИЖОВА (МОССАЛИТ, Санкт-Петербург)

- НОВОГОДНИЕ ЧУДЕСА В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ СЕМЬЕ

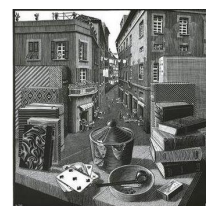

73

ПУБЛИЦИСТИКА

ОЛЬГА ГРУШЕВСКАЯ

- ЦИКЛ «ПОРТУГАЛЬСКАЯ ЭЙФОРИЯ»: История 2. «ВИНО ИЗ ГОРОДА ПОРТУ»

75

ВОСПОМИНАНИЯ О НОВОГОДНИХ ПРАЗДНИКАХ

ИГОРЬ СУРИКОВ (Москва)

- ДВА НОВОГОДНИХ ПРАЗДНИКА
- ШЕЛ ПО УЛИЦЕ МАЛЮТКА

96

97

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ВИКТОРИЯ ЛУКИНА (Харьков). Из серии «Сказки старого Сома»

- РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ
- ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПРОРУБЬ

98

102

ЗИНАИДА КОКОРИНА (МОССАЛИТ, Королев)

- НОВОГОДНИЕ СТИХИ

107

СВЕТЛАНА БЕРСЕНЕВА (Москва)

- БЕСПОРЯДОК. Рассказ

109

ВОСПОМИНАНИЯ О НОВОГОДНИХ ПРАЗДНИКАХ

ЯН КАУФМАН (МОССАЛИТ, Москва)

- МОЯ НОВОГОДНЯЯ ВСТРЕЧА В ПЕРВЫЙ ГОД ВОЙНЫ

110

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведет АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- ВСЯКОМАНИИ, или С НОВЫМ ГОДОМ!

112

ВОСПОМИНАНИЯ О НОВОГОДНИХ ПРАЗДНИКАХ

КОНСТАНТИН СУХАНОВ (Москва)

- ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ: НОВЫЙ ГОД В 1948

115

НОВОГОДНИЕ ПРЕДСКАЗАНИЯ

АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- С НОВЫМ ГОДОМ!

117

В оформлении журнала использованы
репродукции картин М. К. Эшера,
рисунки О. Зирка, А. Народицкой, В. Лукиной.

На обложке репродукция картины
Великой княгини Ольги Романовой «Новогоднее угощение», 1935 г.

ПРОЗА

Надежда Гусева
(Моссалит, Москва)

ПРЕАМБУЛА К РАССКАЗУ А. КУПРИНА «БЕДНЫЙ ПРИНЦ»

Всё, что связано с новогодним праздником, ёлкой и Рождеством, окрашено в нашем восприятии детской непосредственностью. Особенно дни ожидания счастья, ещё не сбывшегося, но которое обязательно сбудется. И взрослый с радостью отпускает на волю опыт набитых за свою жизнь шишек и синяков, чтобы всей грудью вдохнуть свежего воздуха чистой надежды, незамутнённой романтики и мистических сюрпризов.

Именно такой сюрприз произошёл со мной теперь, вернее, со мной и с моим мужем.

Итак, с чего всё началось?

Новый 2014 уже не за горами, и мне позвонила редактор журнала Светлана Сударикова и передала просьбу руководителя Моссалита Ольги Грушевской написать статью о том, у кого из классиков русской литературы звучит в творчестве тема новогоднего настроения. Есть Жуковский, есть Гоголь и кого ещё сами найдёте, подбодрили меня.

Ответила, что попробую. И начала думать.

Ну, Гоголь с его бесподобной «Ночью перед Рождеством» каждый год в канун этого праздника появляется на телеэкране, и добавить к этому нечего. Шедевр - он и есть шедевр.

А вот на полке стоит подзабытый Жуковский. Внимательно перечитываю его «Светлану». Думаю, многие помнят начало:

*Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали,
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали.*

И далее богатая фантазия автора со всеми подробностями неторопливо повествует о вторжении в жизнь героини таинственных потусторонних сил в стиле ушедшей в прошлое красивой песенной баллады. К тому же, как указывают критики, содержание баллады не лишено влияния стихотворения «Ленора» немецкого поэта Готфрида Бюргера. Ох уж эти критики, вечно свою ложку дёгтя подмешают. Ну, всё равно нужно что-то другое.

У русских классиков наверняка есть то, что не может устареть, потому и классики. Но как найти?

Между тем вернулся с работы мой сверхначитанный (особенно в свете дня сегодняшнего) муж. Он как ходячая энциклопедия. Чтение в детстве с фонариком под

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

одеялом, а уж после в полную волю, при наличии хорошей памяти сделали своё дело. Задаю своей энциклопедии на ножках конкретный вопрос по поводу новогоднего настроения. Получаю по-военному чёткий ответ:

– Ищи у Куприна.

И, слегка перекусив, он, как всегда, молча устраивается в кресле и погружается в чтение, практически недоступный контакту.

А я достаю заключительный том собрания сочинений писателя из шести толстых книг в тёмно-бирюзовом переплёте, 1957 года издания. В последнем томе перечень всех названий. Подходящего к теме не нахожу.

– Что делать? – опять пытаю я свою палочку-выручалочку, приходится даже применить испытанный приём и потрясти его за плечи.

– А тебе зачем?

Объясняю про статью в новогодний номер нашего «Московского Базара», про то, что, кроме новых рассказов и стихов, журнал выполняет культурно-просветительскую задачу, в частности не забывает богатого русского литературного наследия, как в данном случае.

Он долго смотрит на меня, очень внимательно слушая и будто что-то глубоко обдумывая, и молчит.

– Так как мне найти у Куприна про Новый год? – напоминаю я.

В ответ, глядя с каким-то хитрым прищуром, он вдруг ошарашивает меня странным предложением:

– Перечитай все его рассказы. И для серых клеточек мозга полезно, и вообще.

– Не поняла. Шутишь?!

Я смотрю на мужа и, честное слово, не узнаю его, замечаю несвойственный ему, появившийся вдруг эдакий адреналиновый блеск в глазах. Дело в том, что он у меня, в противовес моей чрезмерной порывистости, человек солидный, никогда не теряющий твёрдой почвы под ногами. К примеру, в случае любого экстрима, когда большинство теряется, он, напротив, мгновенно приводит толпу в чувство, быстро действуя, и народ подчиняется, и ни у кого не возникает сомнений в его праве на это, потому что он сам остаётся спокойным, уверенным и без всякого блеска в глазах. В то же время при запланированных выступлениях он легко увлекает аудиторию неторопливым, но более чем убедительным красноречием с фактами в руках, вернее, в голове. А сейчас он будто выходит из своего привычного образа. Говорит быстро:

– Многие рассказы известны всем: «Поединок», «Гранатовый браслет», «Белый пудель», «Анафема», «Гамбринус»...

– Стой, стой, про этого вот «Гамбринуса» я не в курсе, – возражаю ему, уже подумывая, не измерить ли супругу для начала температуру.

– Как можно, даже Лев Толстой читал его вслух своей семье, будем читать вместе, – продолжает он говорить в абсолютно не свойственной ему манере.

В нашей семье обычно я люблю читать вслух. Я даже губу прикусила, подумав: «Наверно, моя надёжа и опора переутомилась на работе, да и спит мало».

Однако настойчивый просветитель, не сбавляя воодушевления, продолжает:

– Вот теперь в литературе многие, взяв пример с Джойса с его знаменитым потоком сознания, забивают головы читателям блужданиями своего альтер эго, пишут длинно и невнятно. А нужен порядок, и в первую очередь в головах. Вокруг хаос и полнейший, извини меня, бардак. Бардак и ненависть. А нужны любовь и дело. Любовь к ближнему и знание того дела, которым занят. И обо всём этом легко найти у Куприна. Можно взять любой том, и ты убедишься.

Он буквально подсказывает к книжной полке. Это уж вообще ни в какие ворота не лезет. И он действительно берёт том наугад, открывает наугад и читает:

«Я бродяга и страстно люблю жизнь. Я был токарем, наборщиком, сеял и продавал табак, махорку-серебрянку, плавал кочегаром по Азовскому морю, рыбачил на Чёрном – на Дубининских промыслах, грузил арбузы и кирпич на Днестре, ездил с цирком, был актёром – всего и не упомню. И никогда меня не гнала нужда. Нет, только безмерная жадность к жизни и нестерпимое любопытство... я хотел бы на несколько дней сделаться лошадью, растением или рыбой, или побыть женщиной и испытать роды; я бы хотел пожить внутренней жизнью и посмотреть на мир глазами каждого человека, которого я встречаю».

– Вот! Ведь это Куприн о себе словами своего героя говорит. Что и требовалось доказать. А куда я попал? А попал я в «Яму».

– Друг мой, здоров ли ты? – осторожно спрашиваю я и трогаю его вполне холодный лоб.

Тут муж, снова внезапно меняясь, возвращается в своё обычное состояние – затихает полулёжа в кресле, не удостоив меня ответом о здоровье. Такая вот обычная, измученная к вечеру полуфлегма. Но пусть лучше так.

Я тоже успокаиваюсь и снова вспоминаю о своей задаче. Беру первый том, решаю для начала полистать вступительную статью о самом писателе, когда и где родился. Название статьи «Поток жизни», надо же, отмечаю про себя, как будто в противовес только что упомянутому потоку сознания Джойса. А родился А. И. Куприн 8 сентября 1870 года в захолустном городке Пензенской губернии Наровчатке, пыльном, унылом, безводном, каждый год почти наполовину выгоравшем от пожара. Его отец был мелким уездным письмоводителем. Но это не помешало писателю открыть нехитрую прелесть того места, которое, казалось, и полюбить-то не за что. Но тайна любви к своей земле заключена в неувядаемых воспоминаниях человека, близких и понятных каждому, потому что с них и начинается родина. Это могут быть и могучие вязы с шумом тяжёлой листвы под внезапным тёплым ливнем, и выставляемые из изб под дождь фикусы, и запах прибитой дождём дорожной пыли, и масса милых сердцу других мелочей, у каждого своих. Это всё понятно, но он, кажется, эмигрировал, а почему? Иду в конец статьи, вот то, что надо. Куприн сомневался в подлинно народной сущности Октябрьской революции и в 1919 эмигрировал во Францию. Там он тяжело тосковал по России и, в сравнении с прошлым творчеством, написал совсем немного. Вернулся в Москву тяжело больным весной 1937 года, а в августе 38-го умер. «Даже цветы на родине пахнут по-иному», – оставил он запись перед самой смертью. Сочувствую не очень складной судьбе русского писателя.

И снова возвращаюсь к зимней теме.

– Ты не можешь всё же вспомнить хотя бы, о чём тот рассказ про Новый год? – снова терблЮ я недавнего пламенного трибуна, внезапно угасшего.

– А? Что? Ты о чём?

Медленно и чётко повторяю вопрос.

– Помню. Там к смертельно больной девочке привели живого слона, исполнив её самое сильное желание, и она выздоровела, чтобы самой придти к нему в гости. Это похоже на новогоднюю сказку.

– Скорее, святочная история, – вставляю я свои две копейки.

– Есть и ещё что-то новогоднее...

– А название?

– Не помню.

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

– Ладно, – говорю, – может, рассказ о девочке называется «Слон»? Пробегаю указательным пальцем колонку названий до «С». Ура, есть такой «Слон». Четвёртый том, стр. 183.

И тут в соответствии с темой снова врубается мистика, как видно, занявшаяся теперь мной. Судите сами. Я беру в руки книгу и вместо указанной страницы уверенно открываю страницу 383. Справа начало рассказа «Бедный принц». Понимая, что это не «Слон», отчего-то начинаю читать. С первых строк речь идёт о мальчике и новогодней ёлке, а чуть дальше отрывки из песенных колядок и кантиков, прославляющих рождение Христа. Рассказ короткий. Проглатываю его с наслаждением, к своему стыду, впервые. Вот оно настроение, живое, подлинное, без лишних слов. Оно сразу захватывает сочувствием и даже любовью к мальчику, вплоть до того, что каким-то непостижимым образом ты оказываешься весь в нём, в его печалих и радостях. И даже чувствуешь вкус снега во рту Дани. Вот это да! Надо, чтобы и другие получили удовольствие от встречи с бедным принцем.

Закончив чтение, захлёбываясь, рассказываю окончательно успокоившемуся мужу, как я перескочила на 200 страниц вперёд, попав ровно туда, куда надо.

– Как же это всё так замечательно вышло, совершенно автоматически, ведь это самая настоящая мистика, моей рукой руководили, ты понимаешь это? А кто?

– Да уж, видно, сам Куприн захотел напечататься в вашем журнале, – уверенно говорит муж, абсолютно далёкий и даже обычно шарахающийся как от чумы от какой-либо загробной мистики.

– Вот именно, иначе никак не объяснить, – обрадовалась я его согласию. – Тем самым, кроме всего прочего, бессмертный дух писателя (а кто ж ещё?!) подтвердил, что чудеса под Новый год – дело привычное!

Так что, дорогие друзья, читайте рассказ А. И. Куприна «Бедный принц». И верьте в чудо. Удачи всем в новом 2014 году!

Надежда Гусева

Виктор Васнецов. Снегурочка.
1899 г.

ПРОЗА

Александр Куприн

БЕДНЫЙ ПРИНЦ

I

«Замечательно умно! — думает сердито девятилетний Даня Иевлев, лёжа животом на шкуре белого медведя и постукивая каблуком о каблук поднятых кверху ног. — Замечательно! Только большие и могут быть такими притворщиками. Сами заперли меня в тёмную гостиную, а сами развлекаются тем, что увешивают ёлку. А от меня требуют, чтобы я делал вид, будто ни о чём не догадываюсь. Вот они какие — взрослые!»

На улице горит газовый фонарь и золотит морозные разводы на стёклах, и, скользя сквозь листья латаний и фикусов, стелет лёгкий золотистый узор на полу. Слабо блестит в полутьме изогнутый бок рояля.

«Да и что весёлого, по правде сказать, в этой ёлке? — продолжает размышлять Даня. — Ну, придут знакомые мальчики и девочки и будут притворяться, в угоду большим, умными и воспитанными детьми... За каждым гувернантка или какая-нибудь старенькая тётя... Заставят говорить всё время по-английски... Затеют какую-нибудь прескучную игру, в которой непременно нужно называть имена зверей, растений или городов, а взрослые будут вмешиваться и поправлять маленьких. Велят ходить цепью вокруг ёлки и что-нибудь петь и для чего-то хлопать в ладоши; потом все усядутся под ёлкой, и дядя Ника прочитает вслух ненатуральным, актерским, «давящим», как говорит Сонина няня, голосом рассказ о бедном мальчике, который замерзает на улице, глядя на роскошную ёлку богача. А потом подарят готовальню, глобус и детскую книжку с картинками... А коньков или лыж уж наверно не подарят... И пошлют спать.

Нет, ничего не понимают эти взрослые... Вот и папа... он самый главный человек в городе и, конечно, самый учёный... недаром его называют городской головой... Но и он мало чего понимает. Он до сих пор думает, что Даня маленький ребёнок, а как бы он удивился, узнав, что Даня давным-давно уже решил стать знаменитым авиатором и открыть оба полюса. У него уже и план летающего корабля готов, нужно только достать где-нибудь гибкую стальную полосу, резиновый шнур и большой, больше дома, шёлковый зонтик. Именно на таком аэроплане Даня чудесно летает по ночам во сне».

Мальчик лениво встал с медведя, подошёл, волоча ноги, к окну, подышал на фантастические морозные леса из пальм, потёр рукавом стекло. Он худощавый, но стройный и крепкий ребёнок. На нём коричневая из рубчатого бархата курточка, такие же штанишки по

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

колени, чёрные гетры и толстые штиблеты на шнурках, отложной крахмальный воротник и белый галстук. Светлые, короткие и мягкие волосы расчёсаны, как у взрослого, английским прямым пробором. Но его милое лицо мучительно-бледно, и это происходит от недостатка воздуха: чуть ветер немного посильнее или мороз больше шести градусов, Даню не выпускают гулять. А если и поведут на улицу, то полчаса перед этим укутывают: гамаши, меховые ботики, тёплый оренбургский платок на грудь, шапка с наушниками, башлычок, пальто на гагачьем пуху, беличьи перчатки, муфта... опротивеет и гулянье! И непременно ведёт его за руку, точно маленького, длинная мисс Джеренс со своим красным висячим носом, поджатым прыщавым ртом и рыбьими глазами. А в это время летят вдоль тротуара на одном деревянном коньке весёлые, краснощёкие, с потными счастливыми лицами, уличные мальчишки, или катают друг друга на салазках, или, отломив от водосточной трубы сосульку, сочно, с хрустением жуют её. Боже мой! Хотя бы раз в жизни попробовать сосульку. Должно быть, изумительный вкус. Но разве это возможно! «Ах, простуда! Ах, дифтерит! Ах, микроб! Ах, гадость!»

«Ох, уж эти мне женщины! — вздыхает Даня, серьёзно повторяя любимое отцовское восклицание. — Весь дом полон женщинами — тётя Катя, тётя Лиза, тётя Нина, мама, англичанка... женщины, ведь это те же девчонки, только старые... Ахают, суетятся, любят целоваться, всего пугаются — мышей, простуды, собак, микробов... И Даню тоже считают точно за девочку... Это его-то! Предводителя команчей, капитана пиратского судна, а теперь знаменитого авиатора и великого путешественника! Нет! Вот назло возьму, засушу сухарей, отолью в пузырек папиного вина, скоплю три рубля и убегу тайком юнгой на парусное судно. Денег легко собрать. У Дани всегда есть карманные деньги, предназначенные на дела уличной благотворительности».

Нет, нет, всё это мечты, одни мечты... С большими ничего не поделаешь, а с женщинами тем более. Сейчас же схватятся и отнимут. Вот нянька говорит часто: «Ты наш принц». И правда, Даня, когда был маленьким, думал, что он — волшебный принц, а теперь вырос и знает, что он бедный, несчастный принц, заколдованный жить в скучном и богатом царстве.

II

Окно выходит в соседний двор. Станный, необычный огонь, который колеблется в воздухе из стороны в сторону, поднимается и опускается, исчезает на секунду и опять показывается, вдруг остро привлекает внимание Дани. Продышав ртом на стекле дыру побольше, он принакает к ней глазами, закрывшись ладонью, как щитом, от света фонаря. Теперь на белом фоне свежего, только что выпавшего снега он ясно различает небольшую, тесно сгрудившуюся кучку ребятишек. Над ними на высокой палке, которой не видно в темноте, раскачивается, точно плавает в воздухе, огромная разноцветная бумажная звезда, освещённая изнутри каким-то скрытым огнём.

Даня хорошо знает, что всё это — детвора из соседнего бедного и старого дома, «уличные мальчишки» и «дурные дети», как их называют взрослые: сыновья сапожников, дворников и прачек. Но Данино сердце холодеет от зависти, восторга и любопытства. От няньки он слышал о местном древнем южном обычае: под рождество дети в складчину

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

устраивают звезду и вертеп, ходят с ними по домам — знакомым и незнакомым, — поют колядки и рождественские кантики и получают за это в виде вознаграждения ветчину, колбасу, пироги и всякую медную монету.

Безумно-смелая мысль мелькает в голове Дани, — настолько смелая, что он на минуту даже прикусывает нижнюю губу, делает большие, испуганные глаза и съёживается. Но разве в самом деле он не авиатор и не полярный путешественник? Ведь рано или поздно придётся же откровенно сказать отцу: «Ты, папа, не волнуйся, пожалуйста, а я сегодня отправляюсь на своём аэроплане чрез океан». Сравнительно с такими страшными словами, одеться потихоньку и выбежать на улицу — сущие пустяки. Лишь бы только на его счастье старый толстый швейцар не торчал в передней, а сидел бы у себя в каморке под лестницей.

Пальто и шапку он находит в передней ощупью, возясь бесшумно в темноте. Нет ни гамаш, ни перчаток, но ведь он только на одну минутку! Довольно трудно справиться с американским механизмом замка. Нога стукнулась о дверь, гул пошёл по всей лестнице. Слава богу, ярко освещённая передняя пуста. Задержав дыхание, с бьющимся сердцем, Даня, как мышь, проскальзывает в тяжелые двери, едва приотворив их, и вот он на улице! Чёрное небо, белый, скользкий, нежный, скрипящий под ногами снег, беготня света и теней под фонарем на тротуаре, вкусный запах зимнего воздуха, чувство свободы, одиночества и дикой смелости — всё как сон!..

III

«Дурные дети» как раз выходили из калитки соседнего дома, когда Даня выскочил на улицу. Над мальчиками плыла звезда, вся светившаяся красными, розовыми и жёлтыми лучами, а самый маленький из колядников нёс на руках освещённый изнутри, сделанный из картона и разноцветной папиросной бумаги домик — «вертеп господень». Этот малыш был не кто иной, как сын иевлевского кучера. Даня не знал его имени, но помнил, что этот мальчуган нередко вслед за отцом с большой серьёзностью снимал шапку, когда Дане случалось проходить мимо каретного сарая или конюшни.

Звезда поравнялась с Даней. Он нерешительно посопел и сказал баском:

— Господа, примите и меня-а-а...

Дети остановились. Помолчали немного. Кто-то сказал сиплым голосом:

— А на кой ты нам ляд?!

И тогда все заговорили разом:

— Иди, иди... Нам с тобой не велено водиться...

— И не треба...

— Тоже ловкий... мы по восьми копеек сложились...

— Хлопцы, да это же иевлевский паныч. Гаранька, это — ваш?..

— Наш!.. — с суровой стыдливостью подтвердил мальчишка кучера.

— Проваливай! — решительно сказал первый, осипший мальчик. — Нема тут тебе компании...

— Сам проваливай, — рассердился Даня, — здесь улица моя, а не ваша!

— И не твоя вовсе, а казённая.

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

— Нет, моя. Моя и папина.

— А вот я тебе дам по шее, — тогда узнаешь, чья улица...

— А не смеешь!.. Я папе пожалеюсь... А он тебя высекет...

— А я твоего папу ни на столечко вот не боюсь... Иди, иди, откуда-то пришёл. У нас дело товариское. Ты небось денег на звезду не давал, а лезешь...

— Я и хотел вам денег дать... целых пятьдесят копеек, чтобы вы меня приняли... А теперь вот не дам!..

— И все ты врешь!.. Нет у тебя никаких пятьдесят копеек.

— А вот нет — есть!..

— Покажи!.. Всё ты врешь...

Даня побренчал деньгами в кармане.

— Слышишь?..

Мальчики замолчали в раздумье. Наконец сиплый высморкался двумя пальцами и сказал:

— Ну-к что ж... Давай деньги — иди в компанию. Мы думали, что ты так, нашармака хочешь!.. Петь можешь?..

— Чего?..

— А вот «Рождество твое, Христе боже наш»... колядки ещё тоже...

— Могу, — сказал решительно Даня.

IV

Чудесный был этот вечер. Звезда останавливалась перед освещёнными окнами, заходила во все дворы, спускалась в подвалы, лазила на чердаки. Остановившись перед дверью, предводитель труппы — тот самый рослый мальчишка, который недавно побранился с Даней, — начинал сиплым и гнусавым голосом:

Рождество твое, Христе боже наш...

И остальные десять человек подхватывали вразброд, не в тон, но с большим воодушевлением:

Воссия мирови свет разума...

Иногда дверь отворялась, и их пускали в переднюю. Тогда они начинали длинную, почти бесконечную колядку о том, как шла царевна на крутую гору, как упала с неба звезда-красна, как Христос родился, а Ирод сомутился. Им выносили отрезанное щедрой рукой кольцо колбасы, яиц, хлеба, свиного студня, кусок телятины. В другие дома их не пускали, но высылали несколько медных монет. Деньги прятались предводителем в карман, а съестные припасы складывались в один общий мешок. В иных же домах на звуки пения быстро распахивались двери, выскакивала какая-нибудь рыхлая, толстая баба с веником и кричала грозно:

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

— Вот я вас, лайдаки, голодранцы паршивые... Гэть!.. Кыш до дому!

Один раз на них накинута огромный городской, закутанный в остроконечный башлык, из отверстия которого торчали белые, ледяные усы.

— Що вы тут, стрекулисты, шляется?.. Вот я вас в участок!.. По какому такому праву?.. А?..

И он затопал на них ногами и зарычал зверским голосом.

Как стоя воробьёв после выстрела, разлетелись по всей улице маленькие христославщики. Высоко прыгала в воздухе, чертя огненный след, красная звезда. Дани было жутко и весело скакать галопом от погони, слыша, как его штиблеты стучат, точно копыта дикого мустанга, по скользкому и неверному тротуару. Какой-то мальчишка, в шапке по самые уши, перегоняя, толкнул его неловко боком, и оба с разбега ухнули лицом в высокий сугроб. Снег сразу набился Дани в рот и в нос. Он был нежен и мягок, как холодный невесомый пух, и прикосновение его к пылавшим щекам было свежо, щекотно и сладостно.

Только на углу мальчишки остановились. Городовой и не думал за ними гнаться.

Так они обошли весь квартал. Заходили к лавочникам, к подвальным жителям, в дворнички. Благодаря тому, что выхоленное лицо и изящный костюм Дани обращали общее внимание, он старался держаться позади. Но пел он, кажется, усерднее всех, с разгоревшимися щеками и блестящими глазами, опьянённый воздухом, движением и необыкновенностью этого ночного бродяжничества. В эти блаженные, весёлые, живые минуты он совершенно искренно забыл и о позднем времени, и о доме, и о мисс Джернерс, и обо всём на свете, кроме волшебной колядки и красной звезды. И с каким наслаждением ел он на ходу кусок толстой холодной малороссийской колбасы с чесноком, от которой мёрзли зубы. Никогда в жизни не приходилось ему есть ничего более вкусного!

И потому при выходе из булочной, где звезду угостили тёплыми витушками и сладкими крендельками, он только слабо и удивлённо ахнул, увидя перед собою нос к носу тётю Нину и мисс Джернерс в сопровождении лакея, швейцара, няньки и горничной.

— Слава тебе, господи, нашёлся наконец!.. Боже мой, в каком виде! Без калош и без башлыка! Весь дом с ног сбился из-за тебя, противный мальчишка!

Славильщиков давно уже не было вокруг. Как недавно от городского, так и теперь они прыснули в разные стороны, едва только почуяли опасность, и вдали слышался лишь drobный звук их торопливых ног.

Тётя Нина — за одну руку, мисс Джернерс — за другую повели беглеца домой. Мама была в слезах — бог знает, какие мысли приходили ей за эти два часа, когда все домашние потеряв головы бегали по всем закоулкам дома, по соседям и по ближним улицам. Отец напрасно притворялся разгневанным и суровым и совсем неудачно скрывал свою радость, увидев сына живым и невредимым. Он не меньше жены был взволнован исчезновением Дани и уже успел за это время поставить на ноги всю городскую полицию.

С обычной прямоот Дани подробно рассказал свои приключения. Ему пригрозили назавтра тяжёлым наказанием и послали переодеваться.

Он вышел к своим маленьким гостям вымытый, свежий, в новом красивом костюме. Щёки его горели от недавнего возбуждения, и глаза весело блестели после мороза. Очень

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

скучно было притворяться благовоспитанным мальчиком, с хорошими манерами и английским языком, но, добросовестно заглаживая свою недавнюю вину, он ловко шаркал ножкой, целовал ручку у пожилых дам и снисходительно развлекал самых маленьких малышей.

— А ведь Дане полезен воздух, — сказал отец, наблюдавший за ним издали, из кабинета. — Вы дома его слишком много держите взаперти. Посмотрите, мальчик пробежался, и какой у него здоровый вид! Нельзя держать мальчика все время в вате.

Но дамы так дружно накинулись на него и наговорили сразу такую кучу ужасов о микробах, дифтеритах, ангинах и о дурных манерах, что отец только замахал руками и воскликнул, весь сморщившись:

— Довольно, довольно! Будет... будет... Делайте, как хотите... Ох, уж эти мне женщины!..

**Александр Бучури. Рождественский базар.
1906 г.**

ПРОЗА

Виктория Лукина
(Харьков)

МУР-МУРР, АЖУР-БОНЖУРР...

Конец декабря ознаменовался снегопадами. Непогода развешивала по небу снежные гардины, каруселила и хороводила ими, заставляя хлопать и трепетать на ветру, словно паруса замёрзшей бригантины. Позёмки застилали белыми дюнами трамвайные пути, буксовали неповоротливые троллейбусы, и рычали от бессилия маршрутки, а пешеходы, подгоняемые метелью, дышали клубами пара и торопились по крахмальному насту домой, в тепло предпраздничных кухонь, где пеклись коржи для наполеонов, томились на печи будущие холодцы, и росла опара для пирогов.

Ночью город затих, и только семиголосье седых снеговеев звенело в морозной круговерти, да летало на семи ветрах предчувствие новогоднего волшебства, и загадочно глядело на землю седьмое небо – то самое, на котором живёт счастье.

* * *

Тишину нарушил визг тормозов, и на обочине дороги появилось странное транспортное средство – полярный медведь, на носу у которого, точь-в-точь как лобовое стекло, поблёскивали широкие защитные очки. Медведь был лохматым и с огромными лапищами, под каждой из которых крутилось колесо. Он проехал ещё несколько метров, почти касаясь пузом земли и наконец остановился. Хлопнула дверца, и на снег выпрыгнул не менее странный пассажир – длинный, сутулый, в ярко-рыжем парике и красном полушубке с короткими рукавами. Его полосатые чёрно-белые шаровары надулись на ветру, а лаковые длинноносые башмаки заскрипели от мороза и стали скользить. Чудак взмахнул руками и шлёпнулся на спину.

- И это уже в который раз! - простонал он. - Помоги-ка!

Медведь, подцепив когтями ворот полушубка, дёрнул вверх.

- Спасибо, дружище! Я стараюсь - ты же видишь, но разве может шут подменить Деда Мороза? – рыжий вытянул из кармана фиолетовый серпантин и пустил его по ветру. - А ведь я его предупреждал: грипп сейчас не тот, одними калинами-малинами не изведёшь, таблетки нужно было принять! А теперь все клоуны, иллюзионисты да домовые пошли на замену.

Медведь закрыл лапой свой чёрный нос:

- Меня могут увидеть! Фокусничай поскорее, нам ещё дюжину перекрёстков украшать!

- Э-эх! - клоун щёлкнул озябшими пальцами, и кружочек льда превратился в зеркальный каток, а одинокая хвоинка – в пышную ель. Он бросил на её ветки горсть конфетти, и оно помчалось разноцветными лампочками к самой верхушке.

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

Затем он медленно провел ладонью над ближайшим сугробом - тот шевельнулся, изогнулся, вытянул вперед две лапки, поднял вверх пушистый белоснежный хвост и повернул свою кошачью мордочку с янтарными глазами:

- Муррр!

Медвежьи лапы, словно снегоочистительные лопасти, стали разгребать снег из-под колёс, колёса завизжали, и машина сорвалась с места. Сквозь её лобовое стекло, на месте левого медвежьего глаза, улыбалась физиономия рыжего клоуна, а следом, виляя хвостиком, летел фиолетовый воздушный змей.

Снежный Кот долго смотрел им вслед. Снежинки падали на его усы и ресницы, а он только щурился и переминался с лапы на лапу. Кот не боялся холода, ведь он был из снега и вполне счастливо мог прожить до весны, пока мартовское солнце не растопит его. Но кодекс чести гласил: каждый Снежный Кот должен выбрать одно горящее окошко в ночи, чтобы на Новый год исполнить чью-то мечту, или продлить чью-то жизнь, или просто свести двух людей, пути которых иначе никогда не пересекутся. А потом растаять, ведь в тёплом доме снег обязательно тает.

Кот посмотрел по сторонам – вокруг только тёмные окна. Хотя, кажется, на пятом этаже теплится слабый свет! Он вытянул шею и встал на задние лапы: да, это ЕГО окошко! Снежный Кот подпрыгнул и, подхваченный метелью, влетел в приоткрытую форточку.

В комнате горел ночник, а на диване, укрывшись пледом, спала женщина. Рядом на тумбочке - пузырьки с лекарствами, стакан воды, открытая книжка и очки в толстой оправе. Снежный Кот принялся – пахло валерьянкой. Он хотел было лечь на спину и покататься по полу, но вспомнил про кодекс чести.

- Времени не так уж много, - подумал он, глядя на мокрые следы от своих лап.

Он трижды обошёл комнату по часовой стрелке, помахивая снежным хвостом и приговаривая: мур-мурр, ажур-бонжурр, абажур-лямур-тужурр, а потом лизнул вожаденную бутылочку и, улыбнувшись до ушей, испарился.

* * *

Предновогоднее солнечное утро заглянуло сквозь тюль. Ирина Леонидовна открыла глаза, отбросила плед и, держась за поясницу, пошла по комнате: трельяж, заколка-орхидея в кресле, головастый торшер, вязальный крючок в мохеровом клубке.

На стене - множество фотографий её давно повзрослевшего сына: Андрюша задувает на торте три свечи, первоклассник, зелёный от ветрянки, посвящение в студенты, первая сессия, а это - в далёкой «мичиганщине», разлучившей их на долгие годы.

Она заглянула в шкаф - на верхней полке толпились его любимые игрушки: неваляшка с заклеенным носом, паровозик, тряпичный арлекин и заводной заяц, ключик от которого до сих пор хранится в деревянной шкатулке. Женщина открыла лакированную крышку: обручальные кольца, мамин серебряный кулон, сломанные золотые часики, нитка речного жемчуга. А вот и «заячий» ключик, и лоскуток медицинской клеёнки, размашисто подписанный шариковой ручкой: мальчик, вес 3.500... и пожелтевший тетрадный лист, многократно сложенный пополам. Ирина Леонидовна развернула его и прочла строки, давным-давно тронувшие её юное сердце:

Ощуцаю торжественность шествия,
Чудных жестов твоих совершенство,
И бесчувственность чистого счастья,

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

О моя длинношеяя женственность,
Вся в предчувствии чуда участья...

Она вспомнила, как Васька Пронин, весь пунцовый от смущения, протянул ей эту записку на школьном выпускном вечере со словами:

- Ир, когда ты идёшь мне навстречу, я становлюсь самым счастливым человеком на свете!

Зазвонил телефон:

- Э-эээ... я туда попал? – произнёс мужской голос.

- Туда, Аркадий, - она узнала голос своего одноклассника.

- Ты одна? Можешь разговаривать?

- Могу, к чему твоя вечная конспирация?

- Как к чему? Ты – замужняя женщина, и я не хочу, чтобы у тебя из-за меня были неприятности. Иринушка, позволь поздравить тебя с наступающим Новым годом!

- Спасибо, ты единственный, кто вспомнил обо мне.

- А как же супруг Василий? Или он в командировке?

- Вася давно на пенсии, а в данный момент ушёл в запой в неизвестном направлении.

- Всё-таки тебе нужно было выходить за меня, а не за этого охламона! Мы с ним влюбились в тебя ещё в восьмом классе, помнишь?

- Помню, а ты по-прежнему живёшь с мамой?

- Да, маме почти девяносто, и она всё ещё балует меня фаршированной рыбой, правда иногда забывает снять с неё чешую или поставить на огонь. Какие планы на сегодня?

- Знаешь, после шестидесяти я уже ничего не планирую, просто живу.

- Иринушка, мы с тобой больше двадцати лет не виделись, всё по телефону да по телефону, я скоро заеду!

Ирина Леонидовна попыталась возразить, но в трубке уже звучало «пи-пи-пи»...

* * *

Спустя час, она стояла у зеркала в прихожей – миниатюрная, с вздёрнутым носиком. Вокруг ярко-голубых глаз - штрихи морщинок, на лбу – светлые, с проседью, завитки, а губы подкрашены розовым перламутром. Услышав продолжительное шарканье за дверью, она не стала ждать звонка, и распахнула её. Из-за цветущей герани выглянул Аркадий Петрович: долговязый, лысый, с лохматыми бровями и лучезарной кривозубой улыбкой. Одет он был в военные галифе, высокие сапоги и лётную куртку. Гость протянул цветок и поцеловал даме руку.

- Иринушка, ты ни капельки не изменилась!

- Ты тоже. Всё гастроллируешь?

- Ну, актёр из меня не получился, я всего лишь реквизитор в театре. А что под глазом?

- Это случайно, Вася не хотел, - она отвернулась, - а я бисквит к чаю испекла.

Гость достал из сумки два лётных кожаных шлема:

- Нет-нет, чай в другой раз. Сегодня хочу тебя удивить и порадовать. Собирайся!

Он хитро улыбнулся, а потом сложил брови домиком:

- Доверься мне хотя бы раз в жизни!

- Что ты придумал? – Ирина Леонидовна стояла бледная и растерянная. - Во-первых, у меня радикулит разыгрался, во-вторых, сердце всю ночь болело, и Андрюша может позвонить из Америки, а Вася ключи не взял.

- Муж погуляет, сын позвонит позже. Радикулит? А у кого его нет? А вот сердце - оно от тоски болит!

Ирина Леонидовна закусила губу. А действительно, сколько можно тлеть и воевать с пьяницей? Сколько можно переживать за сына, коммунальные платежи, консервированные огурцы и мизерную пенсию? Сколько можно перебаривать телевизионные новости?

Она решительно стала складывать вещи в сумку: кошелек, пакет с лекарствами, ещё тёплый бисквит, бутылочка йогурта, помада. Потом надела тёплые рейтузы, длинный свитер и шубу, спрятала под шлем свои кудряшки и выдохнула:

- Поехали!

У подъезда стоял мотоцикл времён второй мировой.

Соседки, увидев их, обомлели и прервали беседу о травле домашних муравьёв.

- Леонидовна?! – только и смогли они произнести.

- Петровна, Семёновна, не поминайте лихом! Если вернусь, всё расскажу!

Аркадий Петрович усадил её в коляску, укутал одеялом и, поправив шлем на её голове, оседлал железного коня. Тот зачихал, зафыркал, заржал. А потом, испустив облако, напоминающее дымовую завесу, скрылся за поворотом.

Они с грохотом помчались по городу – иногда на красный свет, иногда в сопровождении своры собак, иногда под недоуменные взгляды пешеходов. По сторонам мелькали сугробы, витрины, толпы хохочущих подростков, бенгальские огни и оранжевые мандариновые шкурки на белом снегу. У булочных и пекарен их приветствовал аромат кофе, шоколада и сдобы, а вдоль дорог, в обнимку со Снежными Бабами, им кланялись Снеговики – кто с детским ведёрком на голове, кто с пучком еловых веток, и в вязаных шапках, и в кроличьих ушанках. Но самым приметным был Снеговик, держащий за верёвочку фиолетового воздушного змея! И кто это придумал наклеить их в таком количестве?!

Наконец реликтовый мотоцикл закашлялся и заглох возле стеклянного фойе с надписью: «Студия Театральных Экспериментов».

Поющий лифт поднял их на второй этаж, где на дверях светились таблички: «Блистательный театр» Мольера, Японский Театр Масок, Зал Космической Драмы, Театр Сатиры «Ухмылка гуманоида»...

- Иринushка, нам сюда, - прошептал Аркадий Петрович и легонько толкнул стену из синего оргстекла, - сегодня Студия 99D даёт тур по Индонезии. Не удивляйся, у нас будет ощущение нереальной реальности! Нам только нужно надеть специальные очки!

Они переступили синий порожек, и... очутились на песчаном тропическом побережье. Край солнца уже окунулся в аквамариновые волны, а над ним раскинулась великолепная радуга. Смуглая черноокая красавица в короне из дивных перьев шла навстречу:

- Радуга - хороший знак, у нас её называют «пряжей Бога». Добро пожаловать на остров Сулавеси! С высоты он напоминает орхидею, поэтому заковка-орхидея – каждой гостье! Предлагаем посетить коралловые рифы, природный заповедник, дворец и гробницы Гаванских королей, этнический фестиваль боевых искусств и ритуальную церемонию похорон, когда для захоронения выдалбливаются пещеры в скалах, нависающих над океаном, а маленьких детей хоронят в дуплах деревьев.

Ирина Леонидовна пошарила в своей сумке и положила под язык таблетку:

- Похороны?! Ни за какие коврижки! А ты хотел бы после смерти любоваться океаном из пещеры?

- С тобой – да, а самому – всё равно!

Девушка продолжала:

- А ещё, по старинной индонезийской традиции, в канун Нового года вы можете принять участие в условном жертвоприношении - постройке двухметровых колонн из подкрашенного риса. Приятных впечатлений!

* * *

Облачившись в расписные шёлковые накидки и золотистые сандалии, они стояли на пригорке. Вдали смирно лежал океан, а сумеречное небо изогнулось куполом. В воздухе мелодично звучали тонкие струны, мягко ухали невидимые барабаны, вились колибри и тропические бабочки. Мимо пробежали смуглые босоногие дети, а женщина с младенцем на руках предложила коралловые чётки в обмен на кусок мыла. Длиннохвостый попугай-раджа вспорхнул с пальмы, и с её веток посыпались финики. Из-за ствола глядела чёрная обезьяна, мимо чинно шествовал павлин с роскошным веером-хвостом, брызгалось водное кружево из пасти фонтана-дракона, а у озёрной кромки приветливо качалась прогулочная барка.

Аркадий Петрович сел на вёсла, а Ирина Леонидовна вооружилась пуховым опахалом, мечтая, что колибри вот-вот начнут её донимать. Вскоре лодка причалила к тростниковому бунгалу на деревянных сваях с соломенной крышей и тёплым светом, струящимся из тысячи щелей.

На просторной террасе переплелись белый, золотой и бордовый цвета, на низком столике – фрукты, у стены - два гамака под шифоновыми балдахинами.

Устроившись на полу среди подушек, они разломали пополам бисквит, налили в чашки йогурт и залюбовались живой картиной: по океану, словно корабли, плыли триста сказочных островов Индонезии, а в небе бронзовой медалью светилась полная Луна.

- Сегодня быть большому приливу! – сказал Аркадий. – Видишь, на Луне тёмные пятна – это Рыбак, лодка и Крыса. Рыбак каждый день забрасывает с Луны в океан сеть. Он тащит ее, океан поднимается и затапливает берега. Но зловредная Крыса не дремлет - стоит только рыбаку зазеваться, она перегрызает одну из веревок, и океан возвращается на место. После этого Рыбак начинает чинить сеть, а Крыса снова прячется в лодке. Так продолжается тысячи лет.

- Мы тоже зачастую ходим по привычному кругу и горюем, что жизнь не сложилась. А ведь достаточно однажды поступить не так, как всегда – пусть не логично и опрометчиво, но этого может быть достаточно для добрых перемен.

- Новый год – лучшее для них время, ведь правда, Иринушка?

- Пожалуй, если быть к ним готовыми.

- Хочу подарить тебе кое-что, - Аркадий протянул ей старую школьную тетрадь, - сейчас уже можно, ведь столько лет прошло. Я это писал для тебя!

Она с недоумением пролиستала несколько страниц: рифмы-рифмы-рифмы, написанные небрежным мальчишеским почерком, выстроенные в столбики, лесенки и длинные чернильные строчки... последний лист вырван, а на обложке, по зеркально пропечатанной таблице умножения - слабый оттиск знакомых слов:

Ощуцаю торжественность шествия,
Чудных жестов твоих совершенство...

Луна загорелась ещё ярче, напоминая циферблат, обе стрелки которого уже коснулись цифры двенадцать. Бомм! Бомм! Бомм! - величественно стали бить лунные куранты, извещая о приходе Нового года. Океан качнулся и двинулся к берегу – начинался прилив. Медлительные волны, словно нехотя, накрыли пляж и дали возможность ярким рыбёшкам

погонять вокруг песчаных замков, построенных детьми на рассвете. Тёплые вихри подняли в воздух и каскады солёных брызг, и рисовые зёрнышки с жертвенных колонн, и сотни безымянных записок с новогодними пожеланиями. Потом откуда ни возьмись полетели ватные хлопья, бумажные снежинки и искрящийся белый стеклярус. На террасу хлынула вода с настоящим снегом, и бунгало зашаталось...

- Это что, конец света? – ужаснулась Ирина Леонидовна.

- Нет, Иринушка! Просто нужно снять очки! – прокричал Аркадий.

* * *

Новогоднее солнечное утро заглянуло сквозь тюль. Ирина Леонидовна открыла глаза, отбросила плед и, держась за поясицу, пошла по комнате - трельяж, заколка-орхидея в кресле, головастый торшер, вязальный крючок в мохеровом клубке.

Услышав продолжительное шарканье за входной дверью, распахнула её. Из-за кособокой ёлочки глядел, опухший от перепоя, Вася:

- С Новым годом, жена! Помнишь Аркадия? Встретил его, живёт недалеко. Я вот ёлку принёс! Первое января, а кто-то уже выбросил.

- А что под глазом?

- Это случайно, Аркаша не хотел.

Ирина Леонидовна закусила губу. Она вспомнила свой удивительный сон: мотоцикл с коляской, колибри, чёрную обезьяну, павлина, бунгало и плывущие острова. Всё было так реально, осязаемо... и в то же время - волшебно, невероятно, сказочно! Вот и не верь после этого в новогодние чудеса!

Какое-то время она всё ещё держалась за поясицу, а потом выпрямилась, расправила плечи, глубоко вдохнула и поняла, что ей жизненно необходим большой прилив! Прилив энергии, эмоций, впечатлений, радости... счастья, в конце концов! Она решила, что обязательно поедет к сыну, и купит себе золотистые сандалии, и пойдёт в театр, пусть даже это будет Театр Сатиры «Ухмылка гуманоида». А ещё – прямо сейчас, не откладывая, позвонит Аркадию, поздравит его с Новым годом и предложит лет через тридцать, вдвоём, прихватив домашний бисквит, йогурт и заводного зайца с ключиком в боку, отправиться на остров Сулавеси. Всё-таки вечно смотреть на океан из пещеры – так романтично!

* * *

На улице опять разыгралась метель, запели вьюги, засвистел Снеговей-разбойник. Маленький Снежный Котёнок сидел на дереве и терпеливо ждал наступления темноты. Он мечтал найти СВОЁ окошко и раскрасить чью-то бессонную ночь тёплыми красками, чтобы она непременно стала для кого-то началом добрых перемен. Он зажмурился и повторил волшебное заклинание:

- Мур-мурр, ажур-бонжурр, абажур-лямур-тужурр...

Примечание: в тексте использовано стихотворение Владимира Шагина и мотивы народных индонезийских сказок.

ПРОЗА

Всеволод Круж

(МОССАЛИТ, Москва)

ТО, ЧТО ТЫ ХОЧЕШЬ

По пустынному переулку неспешной деловой трусцой бежал пес, без дома и без имени, со свалывшейся бурой шерстью, загнутым полукругом хвостом и живыми карими глазками. Изредка он поднимал низко опущенную морду, чтобы оглядеться и выбрать подходящий маршрут для дальнейшего пути. Его мало интересовал мелко крапывающий дождь и унылая архитектура домов. Пес был голоден, и все, что ему хотелось, – это найти что-нибудь съедобное. Но попадались только обрывки газет, целлофановые пакеты и прочий мусор.

Этот странный предмет в подворотне пес заметил издали. Но двигался к нему неторопливо, зигзагами, следуя одному ему известным знакам. Что это было – пес разобрать не мог. Что-то неизвестное, без формы и без запаха. Может быть, это еда? И ему уже показалось, что чувствуется запах мяса. Пес прибавил шаг. И чем он ближе подбегал к своей цели, тем отчетливей был этот запах. Свежее мясо! С косточкой! Так представлялось псу. И он уже видел этот вожаемый кусок. И, быстро оглянувшись в последний раз, нет ли поблизости кого-то из сородичей, он схватил кусок и побежал на пустырь, на свое любимое место под кустом.

Кусок мяса казался бесконечным. Пес удовлетворил свой голод, наелся впрок, ведь кто знает, когда еще ему подвалит такое счастье. И теперь он зажал между лапами сахарную косточку, как раз такую, какую хотел, и лениво облизывал ее.

Его чуткие уши уловили приближение человека. Пес с трудом оторвал от земли отяжелевший живот и принялся быстро разрывать передними лапами землю, чтобы спрятать свою добычу. Но не успел.

Васильич пребывал в весьма дурном расположении духа. Это случалось с ним регулярно, когда доза выпитого оказывалась значительно меньше требуемой. Ох, как сейчас организм требовал продолжения банкета! Банкет... Васильич раздраженно сплюнул от такого сравнения. Разве можно назвать банкетом этот обед в слесарке, который устроил Сашок по случаю своего дня рождения?! Разложил на верстаке в пластиковой одноразовой посуде капусту собственной закваски, огурцы соленые, колбасу... Наверное, в подвале брал самую дешевую... Откуда только в этот магазинчик продукты завозят? И водка у них палёная... От воспоминаний Васильич скривился и сплюнул. Пройдя нетвердой походкой несколько шагов, расслабился, размяк... Да нет, Сашок – парень неплохой... Только жмот! Мог бы и салатов набрать в кулинарии...

Внезапно Васильич остановился. Ему вдруг отчетливо привиделось, что дворовый пес, примостившийся на пустыре под кустом, держит в лапах пакет, в какие обычно упаковывают покупки в супермаркете. Полный пакет. Васильич тряхнул головой, пытаясь сфокусироваться. Да ну, бред какой-то!.. А впрочем... И он решительно направился к псу проверять догадку.

Пес угрожающе рычал, придавив лапами пакет, и не собирался с ним расставаться. Но Васильич был упрям.

- А ну, прочь, скотина! – он подобрал палку и замахнулся.

Пес поднялся на лапы, залаял, брызжа слюной.

- Пшёл! Пшёл! – Васильич обрушивал удары на пса, не желавшего сдаваться.

Битва продолжалась недолго. Животное, наученное горьким опытом всей своей жизни, отступило.

Когда победитель открыл пакет, то обнаружил там суперприз. Это действительно был набор из супермаркета, собранный рукой профессионала: коробки с салатами и холодцом, приправы, хлеб, нарезка и... Васильич обомлел – чекушка первой классной водки. Как раз столько, чтобы добрать до кондиции.

Не торопясь, с чувством собственного достоинства, предвкушая неземное удовольствие, Васильич приближался к детской площадке, чтобы культурненько, с чувством, с толком, с расстановкой предаться вожделенной трапезе.

Тарелочка из плотного пластика, фигурно разделенная на несколько зон, была заполнена салатами, запотевшая рюмочка покоилась в натруженных руках Васильича. Он даже оттопырил мизинец для пущего эстетизма. Он даже зажмурил глаза, чтобы ничто его не отвлекало...

Участковый Семенов деловым шагом обходил вверенную ему территорию. Все было спокойно. Да и что может случиться в самой середине рабочего дня? Особого смысла в этом обходе не было, сидел бы у себя в кабинете да писал бы отчеты – вон их сколько скопилось! Но вот вывел из себя звонок жены! В театр, видите ли, ее подружка позвала! А надеть, говорит, в такое культурное место и нечего. Все, говорит, там будут в шубах и туфельках импортных... Тыфу ты!.. Какая еще шуба, не холодно еще! В пальто драповом можно пойти...

Семенов вспыхнул, но про себя-то все прекрасно понимал: и что зарплата у него маленькая – не может он дорогие вещи покупать, и что жена, молодая да красивая, без должного ухода... уйдет, того и гляди, к другому. Деньги! Все упиралось в эти проклятые деньги! Вот с однокашником встречались недавно. Так тот в ГАИ работает, на джипе ездит, все у него есть, что хочет...

Семенов размеренно шел своим обычным маршрутом, привычно поглядывая по сторонам. На детской площадке он увидел фигуру местного алкаша. Бутылка, закуска – картина знакомая.

- Вломлю гаду, чтобы не нарушал общественный порядок! – подумал участковый и решительно направился к нему.

Вся накопившаяся злость и досада готова была выплеснуться на голову ничего не подозревающего выпивохи. Да как он посмел! И... откуда у него этот чемоданчик? Очень странный чемоданчик... Как в фильмах про гангстеров.

- Васильич, твою мать! – рявкнул Семенов.

Обжигающая жидкость медленно переливалась в алчущее горло слесаря. Еще немного, и она дойдет до желудка, согревая тело и душу. Зычный крик над ухом заставил Васильича вздрогнуть, поперхнуться. Дыхание перехватило.

- Х-х-х... ты... х-х-х... это... х-х-х... – засипел он, показывая себе на спину.

- У-х-х! – с придыханием, от души вложил в удар участковый.

- Уф!.. Ох!.. Охренел, что ли?! Кх!..

- Ты почему не на работе?

- Кхе... обед у меня... кхе...

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

- Нашел место, где обедать! Мне мамыши все уши прожужжали про то, что с детьми некуда выйти погулять.

- Так это... кхе... нету ж никого...

- Что это у тебя? – наседал Семенов, показывая на чемоданчик. – Откуда?

- Мое... Нашел...

- Конфискую. А ты – марш отсюда!

Васильичу было больно и обидно, что так печально закончилось праздничное застолье. Но водились за ним грешки, а потому связываться с участковым он не стал. Прихватил бутылку, сунул в карман спецовки и заковылял подобра-поздорову.

Семенову не терпелось открыть кейс, но он заставил себя дожидаться, пока в поле зрения не окажется свидетелей. И только потом отщелкнул замки, слегка приоткрыл крышку. И тут же захлопнул ее, еще раз оглянувшись по сторонам. Чемоданчик был полон денег. Американских.

Дорога домой не заняла много времени. Прикрыв за собой дверь и на всякий случай накинув цепочку, Семенов облегченно выдохнул, вытер пот и дрожащей рукой открыл кейс, чтобы пересчитать свое сокровище. Он не сомневался, что содержимого хватит на все его самые смелые фантазии.

- Дорогой! – раздалось из кухни. – Это ты?

Людочка забежала домой случайно, мобильник забыла на зарядке. Услышала, как хлопнула входная дверь. Не иначе как муж. Пошла ему на встречу. Он показался ей каким-то встревоженным, суетящимся.

- Что-нибудь случилось?

- Да нет. Участок обходил, вот забежал водички попить. Не принесешь, чтобы мне не разуваться?

- Конечно, - Людочка отправилась на кухню, краем глаза заметив, что муж что-то прячет в коридоре.

Не иначе какой-то подарок, большой, думала она. А говорить не хочет. Сюрприз, наверное, собирается сделать.

Улыбаясь, принесла стакан воды. Дождалась, пока муж уйдет. Но пересилить любопытство было невозможно, и Людочка стала рыться по углам, по шкафам.

Сумка была большая, доверху набитая чем-то мягким. Людочка не поверила своим глазам! Шуба! И вечернее платье! А внизу коробка с итальянскими туфлями! Ой, Ирка рухнет, когда увидит ее в театре во всем этом! Мечта об обновках сбылась! Да еще как!

Преодолевая жуткие неудобства от ходьбы по неровному асфальту в туфлях на высоком каблучке, изнемогая от жары в шубе, Людочка под завистливые взоры встречающихся знакомых дефилировала по главной улице города по направлению к областному театру.

О, это был фурор! Минута, нет – вечность, счастья! Поверженный и растоптанный провинциальный бомонд! Очередь из ухажеров, тянущаяся до горизонта и укладывающаяся там в штабели!

Затих гул голосов в фойе. Отзвенела трель третьего звонка. Из-за закрытых дверей доносились приглушенные звуки скучного спектакля. Гардеробщица баба Маша цокнула языком, еще раз глядя на роскошную шубу, красующуюся среди курток и пальто, и направилась в дальний угол, где на столике ее ждал термос с чаем и пачка земляничного печенья.

Танюше катастрофически не везло с мужчинами. И дело не во внешности, дурнушкой она не была. Но вот не попадался ей такой, которого она хотела. То бабники, то пьянь, то такие, что без слез не взглянешь. В кои-то веки собралась в театр, думала кого встретить тут, среди культурной публики. Да заявила, видишь ли, фифочка какая-то расфуфыренная, все мужики только на нее и пялятся!

Актеры играли невыразительно, производственная тема не взволновала, и Танюша, не дожидаясь антракта, вышла в фойе. Подойдя к гардеробу, вынула номерок. Вместо пожилой женщины из глубины вышел молодой человек. Он был симпатичен, аккуратно одет, мило улыбался.

- Что, не понравился спектакль? – участливо спросил он.

- Да, - Танюша приготовилась к охоте, придала своему голосу глубину и бархатистость, - это совершенно не то, что я ожидала увидеть. Безвкусица и бездарность.

- Вы совершенно правы, сударыня! – ах, как это мило – «сударыня», отметила она про себя. – Вот если бы вы пришли сюда в августе, когда гастролировал московский театр...

Танюша была в ударе. Она окончательно и бесповоротно околдовала своего собеседника, оказавшегося племянником гардеробщицы. Не откладывая дело в долгий ящик, она решительно атаковала скромного молодого человека в тот же вечер... А каким он оказался любовником!

О, как это упоительно – повелевать красивым мужчиной! Кофе в постель... Вояж по квартире на его руках...

- Зайчик мой, ты не посмотришь кран? Что-то он подтекает.

- Хорошо, солнышко!.. Все сделано, киска!..

Танюша в совершенстве владела искусством вить из мужчины веревки. Одна, другая, третья. Сплетаются, как в макраме, перехватываются крепкими узелками – не разорвать теперь любовную связь! Молодец, Танюша! Все у нее в ажуре! Вот и закончен узор.

- Вынеси ведро.

- Хорошо!

Стоит у открытой двери, весь из себя холеный, улыбается. С ведром в руках. Чего такой довольный?

- Как ты можешь?! Разве не знаешь, что вечером выносить мусор нельзя, примета плохая?

- Хорошо, завтра вынесу.

- Так ведь воняет!

- Как хочешь, дорогая!

Танюша начала раздражаться. Заладил, как попугай: хорошо, хорошо. И все время довольный, котара: и когда с краном возился, и когда посуду мыл, полы пылесосил. Вот теперь с этим ведром дурацким. Неужели не видит, что измываюсь над ним?

- У тебя свое-то мнение есть?! Так и будешь все делать, как я скажу?

Все равно улыбается, мерзавец!

- Конечно! Все, как ты хочешь!

И вот тут Танюша не выдержала. Она вылила на него ушат нелицеприятных слов, била кулачками в его мускулистую грудь, а под конец плюнула в самодовольное лицо.

- Тряпка! Ты не мужик, ты – тряпка!!!

И гордо прошествовала на кухню.

Хлопнула входная дверь. По квартире ледящим бризом разливалась тишина.

Танюша опомнилась, тут же пожалев обо всех сказанных словах. Бросилась в коридор. Пусто. Только ведро помойное стоит у двери на новенькой половой тряпке.

- Почему?!! Ну почему так всегда?!! – заплакала Танюша и закрепила свой печальный опыт набившими оскомину женскими истинами: – Нет в жизни счастья!.. Все мужики – сволочи!..

Инопланетянин-гуманоид задумчиво полулежал в кресле, пристально глядя в куполообразный потолок, на который проецировалась трехмерная картинка городской квартиры. Пол, стены, двери, обувь, вешалка. В пол-экрана черное пятно – дно мусорного ведра. Вот черное пятно стало уменьшаться и удаляться. Шарканье огромных тапочек... И они исчезли... И тишина... Изображение застыло в своей бесконечной определенности.

Инопланетянин вздохнул и выключил приборы.

Бесполезно! Какая же странная планета! Уже в десятый раз он повторял эксперимент, который считался наилучшим для определения потребностей цивилизации. Биоробот, который может превращаться в то, что хочет тот, кто на него обращает внимание. Везде это срабатывало, но только не на Земле!

И самый главный парадокс, не поддающийся никакому рациональному объяснению: почему, ну почему же, космос его поглотит, каждый раз, проходя самые причудливые метаморфозы, биоробот в конечном счете неизбежно превращался в тряпку?! Ведь последнее воплощение всегда считалось пределом мечтаний цивилизации...

ПРЕДОК-ХРАНИТЕЛЬ

Андрей пришел домой в ужасном настроении. Не заладилось на работе, и он получил втык от начальства. Достала болтовня сотрудницы по телефону, и он с ней не на шутку поскандалил. Обед был невкусным и с неприятными последствиями для желудка. Да еще не предсказанный метеорологами дождь...

Громко и противно стучал ливень по подоконнику. Ухали залпы грома. Тревожно сверкали молнии. Андрей включил компьютер, но и здесь его ждало разочарование – доступа в Интернет не было. Порвалась непрочная сеть всемирной паутины. Включил телевизор. Раздраженно тыкал кнопки, переходя с одного бестолкового канала на другой, пока ящик не мигнул прощально тридцатидвухдюймовым глазом.

- Сдох, зараза! – беззлобно констатировал сей факт Андрей и печально вздохнул. – Наверное, предокхранитель полетел. Надо поменять.

Андрей направился в коридор, зашуршал ящиками и коробками, роясь в инструментах и запчастях. Погас свет...

Призрак незримым сгустком энергии озадаченно слонялся из угла в угол покинутой Андреем комнаты.

«Куда это его предок-хранитель полетел? Я что-то не заметил. И как, интересно, этот незадачливый молодой человек собирается его поменять?»

Собственно говоря, призрак был далеким предком Андрея. Настолько далеким, что он путался в количестве «пра», стоящих перед словом «дед». Время от времени любопытства ради он любил наведываться к своим живущим потомкам. Однако обременять себя должностью предка-хранителя не считал нужным – доброхотов из числа почивших всегда хватало с лихвой.

«Кстати, - подумал призрак, - а куда же в самом деле делся тот, кто присматривает за Андреем? Эк, его невезения-то одолели! Да и меня приличия ради мог бы приветить!»

Призрак потыркался по укромным местам квартиры, но иной нематериальной субстанции не обнаружил.

«Странно, никак и впрямь полетел куда-то. Непорядок!»

Андрей вышел на лестничную площадку, чтобы проверить автоматы на электрическом щитке. Похоже, света не было во всем подъезде. Возмущенно выдохнула дверь в соседнюю квартиру, выпуская соседа Витьку.

- Андрюха, здорово! Нет, что за непуха! Смотрю я по кабельному, как наши девчонки решающий матч в группе играют. Последняя четверть, надо выигрывать семь очков. А тут... – и последовала длинная трехэтажная тирада.

Андрей улыбнулся, пожав мимоходом протянутую руку. В сгущающемся сумраке гневно поблескивали Витькины глаза. Витька страстно любил спорт. О нет, не заниматься спортом, а смотреть его по телевизору, удобно устроившись на диване и обложившись пивом и чипсами. Наши в последнее время не радовали, вылетая на ранних стадиях всевозможных турниров. И оттого Витька медленно зверел, в пик спортсменам накачивая свой брюшной... нет, не пресс... пивной бочонок.

Андрей интересовался спортом с меньшим фанатизмом. Однако общее, не внушающее оптимизма положение дел в родной стране и, как следствие, в спорте, вкупе с нахлынувшими личными неурядицами, вгоняло в глухой минор.

Проснулись лампочки на лестничной площадке, и подъезд ожил, вздохнул, наполнился неясными звуками. Витька заторопился к себе, поспешно попрощавшись. Андрей нашел пакетик с запчастями к телевизору и, прихватив отвертку, направился с ним в комнату.

Увидев в руке Андрея маленькую стеклянную колбочку, призрак несказанно удивился.

«Вот, оказывается, в каких штуках живут предки-хранители!»

Решение остаться у Андрея возникло у призрака почти сразу, как только в квартире воцарилась тьма. Негоже было оставлять в беде свою плоть от плоти... э-э... от плоти... от плоти... Призрак в очередной раз сбился со счета родословных колен. В принципе, ему не нужно было никакой емкости для размещения, но, подумав, что не стоит нарушать традиций, он юркнул в предохранитель.

Сначала ему показалось темно и неуютно, однако после того, как по проводам и платам растекся электрический ток, и вокруг стали образовываться магнитные и всякие другие поля, призрак быстро разобрался в родном для него эфире и начал действовать.

Андрей завернул последний винт, подключил телевизор к розетке и нажал кнопку «ON».

- Ну, с богом!

«ON» заработал.

Шла последняя минута баскетбольного матча, в котором наша обновленная женская сборная билась за попадание в плей-офф. Девчонки играли широко, размашисто, вдохновенно. Они забивали невероятные трехочковые, яростно отбивались в защите. И пришла победа, красивая, безоговорочная, внушающая самые смелые надежды.

На радостях Андрей устроил себе праздничный ужин, открыв припасенную на всякий случай бутылку французского шампанского. Чего ждать?! «Всякий случай» настал! Наши наконец-то выиграли, по информационным каналам только хорошие новости! А тут еще вместо сериалов фильм показывают, который давно уже посмотреть хотел. Классика итальянского кино!

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

Впервые за последнее время Андрей отошел в мир снов умиротворенным и счастливым. А уж какими были сны!..

«Ну вот, - подумал призрак после того, как телевизор отключился, - совсем другое дело!»

Он подсматривал через экран за тем, как искренне радовался Андрей, и эта неожиданно подвернувшаяся работа предка-хранителя показалась ему очень даже достойной и приятной. Вот только как быть с оформлением? Нужно ли подписывать контракт? А с кем? Неужели с САМИМ? И какие у него, собственно, возникают обязанности?

Призрак никогда раньше с этим не сталкивался. Существовал себе беззаботно в нематериальном мире. Что хотел, то и делал, никто не одергивал. А тут, видишь как, опекунство взял на душу. Кумекал призрак, кумекал всю ночь и лишь под утро решился покинуть свое новое тесное пристанище и проконсультироваться у соседей.

Просочился через стену в Витькину квартиру, облазил весь телевизор, а заодно и другие электрические приборы, ища коллегу, да не нашел никого.

«Ты чего тут шарить?» - внезапно «услышал» он другого призрака.

«Тьфу ты, испугал! Тебя ищут!»

«А чего меня искать? Туточки я! Хожу за тобой да диву даюсь – на вора не похож, да у нас, бестелесных, и красть нечего».

«Да я у соседа твоего предком-хранителем решил поработать, а раньше никогда этого не делал. Порасспросить хотел: как да что?»

«Кхе! Похраничить захотелось? Ну, бог в помощь! Только гнусное это дело и неблагодарное. Стараешься для них, стараешься, а они не замечают. Думают, что все это в порядке вещей. Я вот своего только от смерти оберегаю, а в остальном уж пусть сам крутятся».

«А твои обязанности в каком-нибудь документе зафиксированы?»

«Да ты что?! Брось свои материалистские штучки! Это дело исключительно твоей совести. Хочешь, ходи за своим по пятам, соломку везде стели. А хочешь – можешь вообще уйти, как твой предшественник».

«Вот оно ка-ак! Значит, зря я так к ящичку привязываюсь?!»

«Ты о чем?»

«Да так... Ну, спасибо за совет!»

Утром Андрей столкнулся с Витькой у лифта. Витька был мрачнее вчерашней тучи. Андрей попытался его растормошить.

- Чего грустишь? Досмотрел вчера игру? Классно наши сыграли!

- Ты о чем? Ты в каком таком неправильном мире живешь? И это ты называешь классно? Позор! Катастрофа! Так профукать чемпионат! Никогда... ты знаешь об этом?.. никогда наш баскетбол не опускался так низко!!!

Андрей хотел было ему возразить, но двери лифта открылись на первом этаже, и разгневанного Витьки и след простыл. Что-то было не так, но недоумевать было некогда, и Андрей поспешил на работу. Его сияющий вид коллеги не оценили.

- Миллион в лотерею, что ли, выиграл?

- Да нет, просто повода для грусти нет. Вот и ВВП растет, инфляция до нуля упала, нефть дорожает. Жизнь налаживается!

Андрей тут же пожалел, что пересказал содержание услышанных по телевизору новостей. Его плотным кольцом окружили угрюмые сотрудники.

- Ты чего, издеваешься над нами или с дуба рухнул? Ты живешь в каком-то неправильном мире! Какой ВВП! Какой... Бензин, услуги ЖКХ подорожали! А в метро ты давно был? А ты видел, как вчера Москву затопило! Ты видел, сколько деревьев и рекламных щитов повалило! – обрушился на Андрея поток негатива.

Андрей поспешил ретироваться, забился в свой угол, быстро заскочил в Интернет, пока рабочий день не начался. По мере того как он читал онлайн новости, недоумение овладевало им. Настолько увиденное сейчас отличалось от утренних известий!

Пока Андрея не было дома, призрак занялся изучением его квартиры, его привычек и предпочтений. Перемещаясь от предмета к предмету, составлял психологический портрет своего подопечного.

«Пожалуй, ленив, убираться не любит, - подумал призрак, - но это не проблема».

Он наэлектризовал воздух, собрал пыль, «выдул» ее в приоткрытое окно.

Попробовал переместить брошенные под столом тапочки в коридор к входной двери. Силу тяготения преодолеть было несложно, но двигать висящие над полом тапочки оказалось задачей весьма трудной, и призрак на полпути отказался от этой затеи. А вот поколдовать над водой получилось, и он структурировал с помощью магнитных полей воду в кувшине с фильтром. Эта возня с материальными предметами изрядно позабавила призрака. Зачем он все это делал? Отчасти потому, что задела его фраза соседа, что не замечают люди их стараний. Интересно, а если заметит? Парень-то неглупый!

Андрей открыл ключом входную дверь. Сняв кроссовки, привычно чертыхнулся, не найдя взглядом любимых тапочек. Отправился за ними на кухню. И... неожиданно обнаружил их в коридоре. Не придав особого значения этому необычному факту, продолжил свой путь на кухню, на ходу сунув ноги в тапочки. Выпил стакан фильтрованной воды из кувшина, отметив попутно, что чистая вода лучше газировки или пива утоляет жажду. Цифровые часы на микроволновке показывали девятнадцать часов девятнадцать минут.

Поужинав, Андрей устроился перед телевизором и с удовольствием посмотрел познавательную передачу про путешествия. Заряда положительных эмоций хватило, чтобы схватить тряпку и приняться за уборку комнаты. Странно, но полки в шкафах, рабочий стол, компьютер, телевизор – все было чистым.

Наконец-то щелкнул тумблер в голове у Андрея. Он сел на диван и надолго задумался, бесцельно перебрасывая тряпку из руки в руку.

Все началось с телевизора, вспоминал он. Вернее, с грозы, которая поломала телевизор, после чего он стал показывать не то, что обычно. Пропали сериалы и реклама. Появились хорошие фильмы и хорошие новости. Да что там говорить – наши выиграли!.. Хотя, на самом деле все оказывалось не так. Получается, что, приходя домой, я оказываюсь в другом мире – так думал Андрей.

Хотя, с другой стороны, мир тот же, только... с исчезнувшей пылью, передвинутыми тапками...

- Я знаю, что здесь кто-то есть. Кто ты? Я хочу с тобой познакомиться!

Андрей огляделся, но ответа ему не было.

«Ура! – обрадовался призрак, - Он додумался! Так-так-так, первый шаг сделан, но как же нам теперь общаться?»

Вот уж, казалось бы, зачем призраку нужно общение? Но он почувствовал, что именно этой связи с живущими ему и не хватало все время с момента физической смерти. И вот эта

недостижимая мечта, оказывается, может быть осуществима! Но как?! Покачивание каким-нибудь легким предметом из стороны в сторону или сверху вниз в ответ на вопросы? Глупо! Так не наобщаешься. Надо что-то придумывать с потоками энергий... О боже всемогущий! Призрак корил себя за то, что не смог сразу додуматься до такой элементарной вещи. Телевизор! Он же научился управлять им, посылая на экран нужные картинки.

«Можно написать любой текст. Да что там текст! Можно ведь синтезировать звук, и тогда мы будем просто разговаривать друг с другом, - радовался призрак своей идее. - Включи телевизор, Андрюша! Ну же! Включи телевизор!»

Да уж, думал Андрей, кто бы ни был этот незнакомец, но говорить он, похоже, не может. Только вещать свои фантазии через... Ну, конечно же! Где пульт?!

- Я не знаю, слышишь ли ты меня? - дрогнувшим голосом спросил у телевизора Андрей.

- Да слышу, слышу, - скрипучим голосом ответил бездушный ящик. - Сейчас голос поправлю на более молодой и картинку какую-нибудь нейтральную выведу. Рыбки, кораллы и прочие океанские жители устроят?

Андрей проглотил ком в горле и кивнул.

- Впрочем, я же могу и нарисоваться на экране. Ага, вот так похоже. Я ведь слыл неплохим художником-портретистом. Э, да я могу там ходить, двигаться.

Благообразный старичок в сюртуке, цилиндре, с тросточкой прошелся из одного угла экрана в другой. Потом, подумав, жестом сеятеля разбросал вокруг газон с цветниками, соорудил себе кресло-качалку.

- Кто же ты? - спросил Андрей старичка, когда тот устроился в кресле.

- Я твой предок-хранитель и, кроме того, прапра... пра... - он, задумавшись, загибал пальцы, - тьфу ты, опять сбился... В общем, сколько-то раз прадед. Если тебе интересно, мы можем это проследить по генеалогическому дереву.

- Какому дереву? Гинекологическому? - улыбнулся Андрей.

- А, шутишь... Весь в меня. Я тоже, знаешь ли, люблю пошутить. Ну, так вот... - старичок махнул рукой, и рядом с ним стало расти дерево с толстым стволом. - Вот здесь я... Меня, кстати, Иваном Макаровичем зовут.

- Очень приятно, а я Андрей, - Андрею действительно был очень приятен этот милый старичок.

- Да знаю я, знаю.

И Иван Макарович, теперь уже не призрачный, а нарисованный, увлеченно растил дерево их рода, рассказывая о каждом члене семьи. В какой-то момент Андрей, утомленный необычными событиями, стал терять нить повествования, веки налились тяжестью, поднимать их становилось все труднее, голова упала на грудь.

- Э, Андрюша, да ты меня не слушаешь, - заметил Иван Макарович. - Ну да ладно, времени у нас достаточно, а я уж позабочусь о том, чтобы ты его проводил с пользой. Ты еще на кнопочку красную на пульте нажал бы, что ли... А, не беда, что я, с этим ящиком не справлюсь, что ли...

Мурлыкнул, отключаясь, телевизор. Перед тем, как отключиться самому, Андрей подумал о том, что и Витька, и сотрудники на работе зря упрекали его в том, что он живет в неправильном мире. Что за ерунда! Это их мир, тот, который за входной дверью, неправильный. Потому что сер он и тосклив, и приносит одни неприятности. А оттого злоба точит людские души. А правильный как раз другой мир. В котором живет добрый предок-хранитель и показывает красивые фильмы, где красивые люди поют красивые песни... И мир этот полон чудес... И наши всегда выигрывают...

ПРОЗА

Карен Агамирзоев
(Карелия)

БУМАЖНАЯ ЛУНА

К ярко освещенному городу я подъезжал уже перед самым Новым годом. До незримой черты оставалось не более двух часов. Зимняя дорога монотонно успокаивала, и казалось, ничто не может изменить привычный бег километров. Что-то заставило меня остановить машину на обочине и выйти на дорогу. Морозная тишина приняла меня в свои объятия. Вокруг было светло. С одной стороны небосвод фантастически подсвечивало зарево готовящегося к Новому году шумного города. С другой стороны, над седым зимним лесом, спокойно светила нежно-голубая луна.

Именно луна меня и заинтересовала. С этой лунной творилось что-то неладное. На лунном диске происходило какое-то движение. Мне казалось, что среди кратеров и вулканов, морей и пустынь кто-то устроил предновогоднюю пляску. Мне привиделись неясные тени каких-то человечков, которые уж очень активно размахивали руками. А может, это просто лунные сполохи?

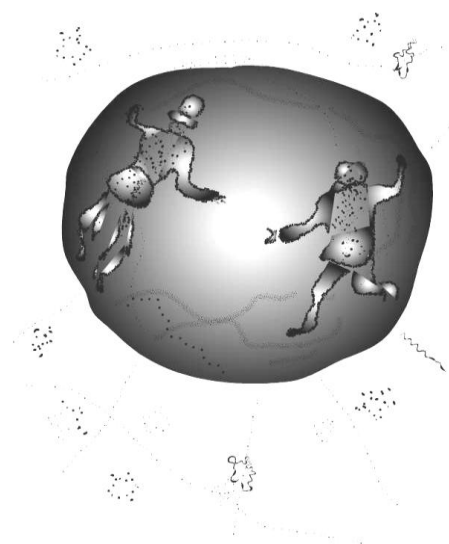

Рис. Ольги Зирка

Давно привыкнув уже ничему не удивляться в наше стремительное время, я решил продолжить путь в сторону гостеприимных огней ожидавшего меня города. Через полчаса я уже ставил машину на стоянку. Зашел в будку к сторожу, чтобы отметить машину в журнале. Как всегда, старый сторож Юрки Кальевич на месте.

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

- Добрый вечер, Кальевич! С Новым годом! Здоровья и счастья! Слушай, а что это ты подряд второй раз на Новый год дежуришь? Не надоело?

- И тебя с Новым годом! А что мне, старому, еще делать? Машины вон да луну с разбойниками перед Новым годом охраняю.

Тут я вспомнил о каких-то тенях на диске луны, которые увидел совсем недавно. Об этом рассказал, как о веселой шутке, Кальевичу.

- Ничего удивительного. Значит, в новом году на несколько разбойников будет меньше. Вот слушай, еще в детстве отец рассказал мне старую карельскую балладу...

...В незапамятные времена в эпоху шведского короля в наших краях появились два очень жадных и злых разбойника. Пришельцы принялись грабить бедных крестьян, да так, что обирали всех до последней копейки. Но перед Новым годом что-то не заладилось их гнусное ремесло. Причиной неудач пришлых разбойников была Луна, которая так ярко светила, что мешала им разбойничать и заниматься темными делами. Хитрая Луна всегда выглядывала именно в тот момент, когда разбойники готовы были скрытно напасть на ничего не подозревающих людей. Обозлились разбойники на Луну и решили просмолить светило. Наварили смолы и забрались на светло-голубой диск. Начали разбойники мазать дегтем Луну, да приклеились к её диску.

И нынче, перед самым Новым годом, в ясную морозную ночь, на фоне светлого диска Луны можно увидеть фигурки горе-разбойников.

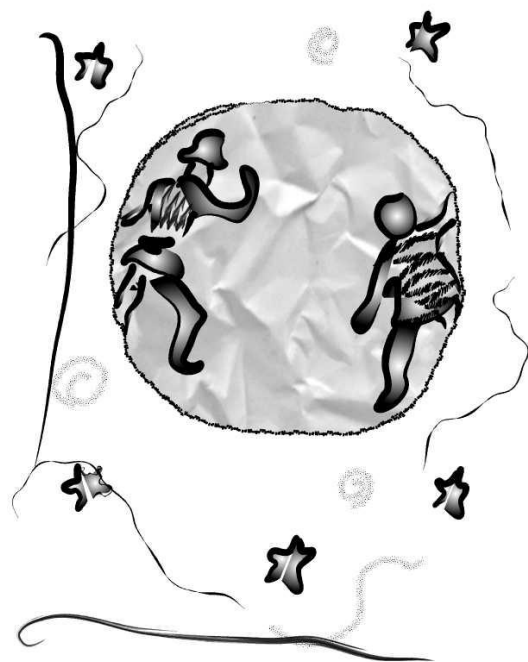

Рис. Ольги Зирка

Уже после встречи Нового года гости шумной компанией высыпали на освещенные улицы праздничного города. Я отстал от гостей и посмотрел в сторону темного леса. Над лесом висело вечное светло-голубое светило, на котором, как мне показалось, висели две неподвижные фигурки, словно приклеенные к бумажной Луне.

Я вспомнил старого сторожа Кальевича: на двух разбойников в Новом году будет меньше... Я в это верю. А вы?

С Новым годом!

ПРОЗА

Ян Кауфман

(МОССАЛИТ, Москва)

КНЯГИНЯ МАРИЯ АЛЕКСЕЕВНА

Сумерки быстро сгущались, обнажая полную луну и мириады рассыпанных по всему небу ярких звёзд.

Белый девятипалубный лайнер "Океанская мечта" неслышно, подобно огромному светящемуся призраку, скользил по серебристой морской глади. Высокий нос судна бесшумно разрезал тёмные воды, оставляя за кормой длинный пенный след.

После дневной утомительной экскурсии по солнечной многолюдной Одессе приятно было посидеть на палубе в шезлонге и подышать вечерним прохладным воздухом. Издалека доносился неподражаемый голос Вадима Козина:

"В том саду,
где мы с вами встретились,
Ваш любимый куст
хризантем расцвел.
И в моей груди
расцвело тогда
Чувство яркое
нежной любви...
Отцвели уж давно
Хризантемы в саду,
А любовь всё живёт
В моём сердце больном..."

Недалеко от меня, прикрыв плечи клетчатым шарфом, сидела княгиня Мария Алексеевна. Она неотрывно смотрела на огни исчезающего вдали города, пока он не скрылся за тёмно-фиолетовой дымкой. Я непроизвольно любовался грациозностью и былой красотой этой пожилой, симпатичной мне женщины, живущей в соседней каюте.

По-видимому, почувствовав мой взгляд, она повернула лицо, и я вдруг увидел катившиеся по её щекам слезинки. Затем княгиня носовым платком промокнула глаза и, словно преодолевая какие-то внутренние сомнения, сказала:

- Не обращайтесь на меня внимания, дорогой Павел Ильич. Воспоминания замучили. Всё собираюсь изложить их на бумаге, да не знаю – интересно ли это?

Мария Алексеевна смотрела на меня выжидающе, словно ища поддержки случайного попутчика. Я чувствовал, что в данную минуту ей необходимо было с кем-то поделиться, высказать что-то сокровенное, мучившее душу, и я, как начинающий ещё писатель, более

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

всего подходил для этого. Иногда ведь чем-то очень личным легче поделиться с малознакомым, но симпатичным тебе человеком.

Эта пожилая женщина с её изысканными манерами, давно покинувшая Россию, располагала к себе и была мне интересна.

- Мария Алексеевна! Я надеюсь, что воспоминания, так тронувшие вас, не могут быть неинтересны. Знаете что, до ужина ещё пара часов, и я с удовольствием послушал бы вас.

Княгиня как-то доверчиво, по-матерински, взглянула на меня, её серые блеклые глаза внезапно оживились.

- Вот скажите откровенно, Павел Ильич, любили ли вы по-настоящему?

Словно припоминая что-то я, не задумываясь, ответил:

- Любил, Мария Алексеевна, раза три, по-моему.

- Три раза. Это уже не любовь. Вы думаете, я случайно отправилась в этот круиз? Да нет, тянула меня в Одессу незабываемая любовь. Это простое человеческое счастье, которое не каждому выпадает.

В молодости я с родителями жила в Петербурге. Девушка я была послушная, и когда мой папá решил, меня выдать замуж за сына своего приятеля, я не посмела перечить. После помолвки, до свадьбы, отвезли меня к тётке в Одессу.

Вот там, в Английском клубе, что стоял, как сейчас помню, на Пушкинской улице, я и познакомилась с Александром. Видно, сама судьба свела нас. Я уже безрадостно подумывала о возвращении домой, а он – весь в ожидании своего корабля, и вдруг эта случайная встреча... До сих пор слышу его удивительный баритон и ощущаю прикосновения ласковых рук. Каждое утро в течение одиннадцати дней он, капитан, после посещения корабля, который стоял на ремонте в доке, ожидал меня на Приморском бульваре, и после небольшой прогулки мы в нетерпении спешили в гостиницу «Бристоль».

Мы знали друг о друге всё: что я должна через пару дней вернуться в Петербург, где меня ждёт свадьба, а он, уже женатый, должен отплыть в далёкие края. Какой абсурд! Мы оба хорошо представляли, что нам суждено расстаться и продолжения этого счастливого времени не будет.

Господи! Ну почему так всё сложилось? Но ответа на этот вопрос не было. Мы просто упивались этим чудом, свалившимся на нас.

Как мне было не просто! С одной стороны, я должна была исполнить волю своего папá и того, с кем была помолвлена, а с другой, я встретила настоящую любовь. Сколько слёз было пролито!

Но наступил день, когда мы простились навсегда. Александр покидал Одессу. Я долго стояла на набережной у памятника Дюку, до тех пор, пока его корабль не скрылся за горизонтом. А спустя пару дней и сама вернулась в Петербург. Больше мы никогда не виделись и не переписывались.

Дальнейшая жизнь моя была благополучна – любящий супруг, дети, внуки. Но все эти годы такой любви уже не было, и я всегда ждала от него весточку.

Лишь в прошлом месяце получила я короткую записку.

Мария Алексеевна достала из ридикюля сложенный листок, развернула его и прочитала: «Дорогая Машенька! Я не хотел быть помехой в твоей судьбе. Но хочу, чтобы ты знала - всю жизнь помнил и любил только тебя. Целую тебя и будь счастлива... Письмо тебе передадут, когда меня уже не будет на этом свете. Уверен, что мы обязательно встретимся. Ухожу. Навсегда твой, Александр».

Я видел, как у княгини, прячущей листок, дрожали руки. Она с трудом старалась скрыть волнение и не расплакаться.

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

- Мария Алексеевна! Такой крест пронести через всю жизнь не каждый сможет. Вы удивительная женщина, - только и успел я сказать в ответ на её рассказ. По селектору пассажиров пригласили на ужин.

* * *

Спустя три дня, перед прибытием лайнера в Неаполь, княгиня Мария Алексеевна скоропостижно скончалась.

**Николай Фешин. Елка.
1917 г.**

ПРОЗА

Ольга Грушевская

(МОССАЛИТ, Москва)

РОЖЕСТВЕНСКИЙ ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ «ЛЕНТА МЁБИУСА»

...На их первое Рождество, они ужинали с друзьями в небольшом уютном ресторане, обсуждая, как это символично и загадочно, что его день рождения совпадает с Рождеством, и что, наверное, в этом что-то есть. После полуночи он взял ее за руку и увлек на улицу, где вытащил из своей машины странную удлиненную коробку. Шел серебристый снег, их фигуры ярко высвечивались в белом свете круглых фонарей. Она стояла в туфлях, в накинута на вечернее платье дубленке, а он был в одном костюме, и на их волосах сверкали снежинки. Не хватало только им запеть, чтобы сцена полностью напомнила старый голливудский фильм с картонными декорациями, искусственным снегом и гулким павильонным эхом.

- Что это? – она заглянула в бордово-зеленую коробку и увидела, что коробка была наполнена душистыми травами и лепестками цветов, на которых лежал металлический сетчатый шар на золотом шнуре с засушенными листьями, крошечными шишками и какими-то соцветиями. Шар пах корицей и ванилью.

Зимние праздники потом стали для них неким ритуалом, символом дома и уюта. Они все вместе – он, она и ее сын, да и, наверное, все их друзья - играли в одну игру, создавая для себя детскую сказку с подарками и игрушками. К Рождеству они украшали квартиру: она наряжала елку маленькими деревянными фигурками и красными шарами, ставила свечи и прищипливала к стенам розовых ангелов, а он вместе с ее сыном распутывал лампочки и вешал их на окнах, чтобы дом снаружи выглядел таким же теплым, как и внутри.

- Чуть вправо, - указывала она ему снизу, когда он, стоя на подоконнике, пытался прикрепить к карнизу зеленую еловую гирлянду. – А как ты будешь концы приделывать, даже не представляю!

- Иди, иди, я все давно понял, неси свой бант, пока я тут стою, - смеялся он.

- А колокольчики надо повесить слева.

- А ты не хочешь, - он искренне включился в работу, извлекая из коробок новые украшения, - разложить это сверху на зеркало?

- Прямо на раму?

- Ну, да...

- А как они будут держаться?

- Сейчас придумаю.

- Нет, это будет ужасно!

- Я сделаю, посмотришь.

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

Потом она выставляла на подоконник музыкального деда-мороза, букеты красных цветов и его подарок – грустного ангела с античным лицом, с большими крыльями и в длинном золотисто-белом одеянии.

- А это повесь, пожалуйста, на лампу, в центре комнаты, - и она протягивала ему сетчатый шар с сухими травами.

Потом они выбирали подарки друзьям и шуршали яркой бумагой, писали сценарии к новогодним вечерам, распределяли роли, сочиняли стихи и надевали маски.

Их новогодний карточный карнавал феерически вовлёл их компанию во всеобщее действо. Распределив персонажей карточной колоды, они принялись за подготовку костюмов и текстов приветствий, которые должны были вылиться в общий спектакль. Ночь получилась грандиозная по своей торжественности и красочности нарядов. В комнате выкрикивались имена, и разлеталась в разные стороны блестящая бумага, обнажая именные подарки, все поздравляли друг друга и шептались, потом в приглушенном пространстве появлялась она в черной шляпе с широкими полями и поздравляла всех с наступившим Новым годом, а затем ее торжественность нарушалась ослепительной улыбкой и бесшабашностью Дамы Пик и ее друга - Короля Треф. А позже зажигались свечи, и появлялся Джокер-Он в костюме с гофрированным воротником и Джокер-Она в большой белой итальянской маске. Вслед за Джокерами шло что-то в духе шекспировских комедий...

А еще позже были зажжены бенгальские огни, и играла красивая музыка, и всем казалось, что царит любовь... и так будет всегда... всегда... всегда... а они лишь прощались с еще одним годом жизни, их общим, потому что они все еще были вместе.

Наполненные любовью праздники, словно придуманные кем-то сверху и инсценированные в доброй пьесе, проходили каждый сезон и превратились для них в неотъемлемую составляющую постепенно налаживающегося уклада их семейной жизни.

В память о «карточном» вечере у нее осталось множество красивых фотографий: одна из них, где она сама и ее подруга - Джокер-Она, застыли в танце, словно гротескные персонажи Мулен-Руж (ах, господин Лотрек, где же вы?!), висела в раме на стене в большой комнате.

Другую же он долго хранил у себя: в широкой рубашке и фетровой шляпе, в роли Короля Червей, он сидел у ее ног и улыбался. Потом она нашла эту фотографию в его опустевшей квартире: та лежала между страниц книги Рихарда Баха. На голубой обложке было курсивом написано название: «Чайка по имени Джонатан Ливингстон».

Она поднесла фотографию к лицу, неловко покрутила ее под разными углами, словно пыталась разглядеть на ее поверхности какие-то водяные знаки, а скорее – различить хоть какие-то признаки тех событий, которые наступили позже. Но, ничего так и не распознав, она вложила карточку обратно между страниц - аккуратно, чтобы не торчали края, - вернула книгу на место... и ушла.

ВОСПОМИНАНИЯ О НОВОГОДНИХ ПРАЗДНИКАХ

Виктор Жук
(Москва)

Независимый журналист. Публикации на историко-литературные, общественно-политические и культурологические темы в журналах «Октябрь», «Новое время», «Кольцо А», в газетах «Россия», «Литературные новости», «Независимая газета», «Известия», «Совершенно секретно», «Культура», в книгах Фонда защиты гласности, в альманахе «Воля» историко-литературного общества «Возвращение», в сборнике издательства «Новое литературное обозрение», а также в зарубежных газетах «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Панорама» (Лос-Анжелес) и других изданиях.

ДЕТСКИЕ НОВОГОДНИЕ ПРАЗДНИКИ И ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ НОВОГО ГОДА

Празднования Нового года помню с довоенных лет, примерно с 1938-1941 годов. Они устраивались у нас дома в небольшой коммуналке для детей родственников, соседей и друзей. Дети были от 4 до 14 лет. Главным организатором был папа – веселый и изобретательный выдумщик, который прекрасно сочинял шуточные стихи и хорошо рисовал. Он был библиотековедом и архитектором.

К Новому году домой всегда приносили елку, как мне казалось, большую. Ее наряжали с участием детей множеством замечательных елочных игрушек, среди которых мы особенно любили сделанные папой игрушки из куриных яиц, скорлупа которых служила головой со смешной рожицей, и на эту голову надевалась игрушечная шапка (шляпа). Все ожидали новогодних розыгрышей. Одним из имевших большой успех розыгрышей было прибытие знаменитого полярника Отто Юльевича Шмидта (1938-1939 г.), привезшего новогодние подарки с Севера. Шмидта изображал переодевшийся папа с приклеенной бородой. Было весело и интересно.

Б. М. Граева, мама В. Жука, 1941 г.

Но началась война. Мой папа, Илья Петрович Жук, и соседский папа, поэт и журналист Лев Михайлович Леонтьев-Виленский, в июле 1941 г. ушли в московское народное ополчение, в котором и погибли осенью 1941 г. под Вязьмой. Моя мать Граева Берта Марковна, участница гражданской войны, тогда сотрудница Центрального дома Красной армии (ЦДКА), будучи кадровой военнослужащей, была вынуждена отправить меня, 7-летнего, и моего 14-летнего старшего брата Сашу (Шурика) в августе 1941 г. в детский дом для детей командиров Красной армии, который разместился в школе и в клубе большого села Елшанка Сергиевского района Куйбышевской области. В Куйбышев поезд вез нас 5 суток. Очень скоро в наш детский дом стали вливаться дети беженцев из оккупированных районов страны и из блокадного Ленинграда. Директором детского дома был Христиан Иванович Бауман, награжденный орденом Боевого Красного Знамени за участие в гражданской войне в Испании на стороне республиканцев.

Это был крупный мужчина, кажется, латыш, пользовавшийся всеобщим уважением и любовью. Он был там с женой и взрослой дочерью Майей. Христиан Иванович привез в детский дом из Москвы замечательных интеллигентных педагогов. Среди них выделялся учитель старших классов Валентин Иванович Грязев, который был там со своей дочерью Любой, ровесницей моего брата. Библиотекарем, истопником и землемером в детском доме был пожилой, как мне казалось, археолог, который в бывшем деревенском клубе, где жили мальчишки-школьники младших классов, на ночь пересказывал нам книги, которые мы не читали, в частности роман «Человек, который смеется» Виктора Гюго. Помню множество детдомовских эпизодов, но не припомню празднований Нового года и ёлок в детском доме. Возможно, память подводит. Хотя какая-то самодеятельность антифашистской направленности, устраиваемая старшими детдомовцами (5-е -7-е классы), существовала. Однажды они поставили какой-то поразивший меня скетч, где действующими лицами были известные исторические личности – от Наполеона до Гитлера. Все жили войной. К тому же были жуткие 35-40-градусные морозы, и я отморозил пальцы на ноге. Наверное, было не до празднования Нового года. Зато помню, как мы радовались разгрому немцев под Москвой (январь 1942 г.) и под Сталинградом (февраль 1943 г.) и рассматривали посвященные этим событиям фотографии в газете.

Мою мать по ее просьбе перевели на службу в действующую армию - в подмосковный Люберецкий авиагарнизон, который находился первоначально в прифронтовой зоне.

Б. М. Граева в 1942 г.

Б. М. Граева в 1943 г.

В 1942 г. она забрала в Москву старшего брата Шурика, к тому времени окончившего семилетку. А в августе 1943 г. она, тогда – капитан авиационных войск, забрала в Москву и меня. Там я пошел во второй класс и находился под присмотром бабушки и брата, который работал на заводе, а затем учился в техникуме. Пришлось мне во 2-м классе ездить в школу на трамвае, т.к. в школе, находившейся рядом с домом, располагался госпиталь.

Рисунок Вити Жука, 9 лет, 1943 г.

Мама служила в Люберцах в большом авиагарнизоне, где была высшая школа воздушного боя, в которой стажировался Василий Сталин. Он жил в военном городке гарнизона на квартире своего учителя по летному делу подполковника Синая Горелика, с семьей которого дружила моя мама. И я впоследствии часто бывал в этой семье. Летчик С. Горелик погиб на фронте. Дома мама бывала редко, оставаясь ночевать в гарнизоне, да и поездки рано утром от Новодевичьего монастыря в Люберцы с Казанского вокзала и поздно вечером обратно были тяжелы, тем более что конечной на нашей ветке метро была тогда станция «Парк культуры». Пригородные электрички и московский транспорт были перегружены. Частенько люди висели на подножках с обеих сторон электричек и трамваев.

Но первый Новый год после моего возвращения в Москву мы с ней встретили вдвоем дома, т.к. мой 16-летний брат ушел в молодежную кампанию. Мама раздобыла бутылку кагора – дефицит. Спиртное тогда вообще можно было достать либо по карточкам, либо в коммерческом магазине, либо на рынке. Но кагор – это нечто особенное, он поступал в армию – его как укрепляющее давали больным в госпиталях. Где и как мама достала кагор,

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

не запомнил, но, предполагаю, что в военном распределителе у себя в гарнизоне. Что было на закуску, не помню. Возможно, американская тушёнка, поступавшая в СССР по ленд-лизу. Мы покупали ее по карточкам.

Мы встречали 1944 год. В канун этого Нового года после праздничного поздравления «всесоюзного старосты» - 1-го Председателя Верховного Совета СССР Михаила Ивановича Калинина вместо «Интернационала» из черной тарелки репродуктора впервые прозвучал новый гимн СССР (слова Г. А. Эль-Регистана и С. В. Михалкова, музыка А. В. Александрова). Казалось бы, замечательно и ново. Хотя и жаль было, что заменили привычный «Интернационал».

В ту ночь мама в течение минут пятнадцати не могла открыть штопором бутылку кагора, и поэтому мы встретили Новый год с опозданием. Тогда я впервые в жизни выпил немного вина. Была небольшая ёлка с довоенными игрушками, которые впоследствии постепенно исчезли. Тогдашние новогодние развлекательные программы по радио не помню. Но из известных сатирических артистов того времени, пользовавшихся огромным успехом, вспоминаю знаменитого Владимира Хенкина, игравшего в театре Сатиры.

Примерно через 4 года мы вновь встречали Новый год вдвоем с мамой. К тому времени она стала майором и вскоре вышла в отставку. Снова был кагор, на этот раз купленный в магазине. Карточки были отменены. Неожиданно к нам присоединилась необычайно симпатичная Люся Сумарокова, студентка 1-го «меда», снимавшая угол у наших соседей. В нее были влюблены старшие ребята нашей квартиры и их друзья – на 7-10 лет старше меня. Несмотря на ее успех, она осталась в эту новогоднюю ночь одна – подвел ее друг. Очень переживала, но держалась.

А старшие ребята, влюбленные в Люсю, фронтовики, были интересными людьми. Они часто собирались в нашей квартире и однажды провели в ней шуточный конкурс стихотворных экспромтов. Приведу несколько их четверостиший.

Б. М. Граева в 1948 г.

Саша Брянцев (ст. лейтенант, будущий переводчик со скандинавских языков):

*Сыплет дождь осенним померанцем,
Пронеслась гроза.
Скучно мне с тобою, Александр Брянцев,
Опускать глаза.*

(Экспромт был явно под Есенина: *Скучно мне с тобой, Сергей Есенин/Подымать глаза...*).

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

Марк Соркин (будущий главный врач туберкулезной больницы в Сокольниках):

*Я иду по большой дороге,
На дороге старенький воз.
Как хотел бы, чтоб эти дроги,
Превратились в электровоз.*

Миша Щедрин (будущий инженер-строитель):

*Я не красив, как Аполлон.
Ума палаты тоже нет.
Но я хочу души свой звон
Излить стихами, как поэт.*

А мои стишки были такими:

*Витя будет как писатель.
Вот лежит он на кровати
И, засунув палец в рот,
Пишет книгу про народ.*

Объединял эту компанию наш сосед по квартире фронтовик Виктор Леонтьев, по прозвищам «Большой» и «Длинный». Так его прозвали в основном из-за его роста. Но еще и потому, что в нашей квартире было два Вити: его называли «Витька большой», а меня – «Витька маленький». И еще меня звали «Жук младший». Наша коммуналка на две семьи была дружной, двери не запирались, и мы жили во многих отношениях как одна семья. Так получилось потому, что наши отцы были знакомы и специально поселились в одной кооперативной квартире на улице, которая до сих пор называется Кооперативная. Перед войной эти кооперативы были ликвидированы и дома переданы государству. Отец Вити Леонтьева, Лев Михайлович (для меня - дядя Лёва), как я упоминал выше, был поэтом. Я запомнил такие его опубликованные в 20-х годах строчки о выживании в то время:

*Завозились с самовариком,
Стали весело жужжать,
Ай, как важно чай с сухариком,
С черным сахаром хлебать.*

Витя Леонтьев, 1949. Фото автора.

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

Витя Леонтьев писал стихи с детства и хотел быть поэтом, но стал горным инженером. До меня дошли такие его детские строчки:

*В стране не знаю сам какой,
Где с гор струятся водопады,
Где тучи бродят, а порой
Обвалов шумные громады
Сметают всё, не оставляя ничего,
Жил царь когда-то. Он был Пров.
Своих соседей и врагов...*

Витя большой и мой брат Шурик тоже участвовали в шуточном конкурсе стихотворных экспромтов. Но, к сожалению, их экспромты у меня не сохранились. В памяти остались какие-то обрывки шуточного стишка Вити Леонтьева о его одноклассниках, дружба с которыми продолжалась и после войны:

*Но Вова наш атаку смело проводит и легко
Оставил Розу без трико.*

Миша Щедрин был не только мастером стихотворных экспромтов, но и любителем живописи, приходил ко мне домой рисовать. У него с Люсей Сумароковой был роман. Однажды вместе с ним и красавицей Люсей я, ученик художественной школы, пошел в Музей изобразительных искусств. Тогда, в послевоенные сталинские годы, там не были выставлены импрессионисты, которых мы знали только по довоенным репродукциям...

*В. Жук у картины Ф. Буше «Геркулес и Омфала»,
2008 год. Фото В. Бойко*

У известной картины Франсуа Буше «Геркулес и Омфала» во 2-м французском зале Миша мгновенно выдал экспромт:

*Во втором французском зале
Бабу голую зажали.*

Мы с Люсей прыснули от смеха.

Почти через 60 лет мой приятель запечатлел меня на фоне этой картины.

Недалеко от нашего дома на углу улицы 10-летия Октября (не переименована) и Усачевки (ул. Усачева) с конца 40-х до конца 50-х годов находилось семь точек «Пиво-воды». В пяти из них - уличных киосках - после отмены карточек в 1948 г. можно было на воздухе выпить в розлив вина, водки, пива и закусить бутербродом с красной икрой.

А в двух, называемых в народе «шалманами», «дубками», можно было посидеть и закусить сосисками с капустой. Путь к нашему дому от остановки у Новодевичьего монастыря лежал мимо этих точек. И когда к нам в гости приезжала моя старшая двоюродная сестра из центра, я всегда встречал ее. Ее мать на вопрос, доверяет ли она дочери, отвечала: «Ей я доверяю, но я не доверяю «Пиво-водам». На этом усачевском углу тоже праздновали Новый год. Однажды один из этих «дубков» сгорел, но вскоре был восстановлен. На это событие мой старший брат Шурик и Миша Щедрин откликнулись таким стихотворением (примерно 1949 г.):

*О дуб, воздвигнутый ещё до нашего рожденья,
К тебе не зарастёт народная тропа,
Ни бури не снесут тебя, ни наводненья
Под сенью милицейского столпа.
И хоть однажды ты горел,
Но до сих пор стоишь ты цел.*

*Затравленный супруг, дрожащий алкоголик,
В задрипанной шинелишке студент,
Барыга ловкий, бледный меланхолик
Заходят в дуб пропить свой дивиденд.
Здоровый и больной, мальчишка и старик,
Находят общий тут язык.*

О дуб, воздвигнутый ещё до нашего рожденья...

Но вернусь к непосредственно к новогодним воспоминаниям. Из послевоенных детских празднований Нового года запомнились походы на ёлки в Колонный зал Дома союзов и в ЦДКА, где самым интересным были подарки. Как ни странно, в те сталинские времена эти праздники не были или не казались нам политизированными. Но много позже, в хрущевские времена, как мне говорили, наблюдалась некоторая политизация, да и дети стали другими. Мне рассказывали свидетели, как однажды в Колонном зале в ответ на приветствие деда Мороза «Здравствуй, радостный народ!» с галерки раздался голос мальчишки: «Здравствуй, жопа – Новый год!».

В наших послевоенных новогодних детских и юношеских праздниках у нас дома и дома у папиных родственников всеобщий интерес вызывали шарады, в которых с удовольствием принимали участие и дети, и взрослые (последние в основном разгадывали шарады). В качестве примера приведу одну из шарад из трёх частей: первое – «вор», второе – «она» и третье (в целом) – «ворона» (в смысле – проворонил).

*Саша Жук, старший брат автора, 1947.
Фото автора*

Игралась эта шарада в одном действии так: «вор» что-то стащил у кого-то; пострадавшая ошибочно подозревает: «Она?», а в это время «вор» смывается. И пострадавшей показывают, что она проворонила, т.е. оказалась «вороной».

Бывали и детские маскарады. Об одном из них - новогоднем маскараде 1946 г., я расскажу. Это было на новой квартире у папиных родственников на Твербуле (Тверском бульваре). Мебели еще не было. В одной из комнат было устроено нечто вроде чайханы: ковер с подушками, на котором все расположились. Это была идея гостя – Сараджан Юсуповой, известного советского геохимика и с 1951 г. академика Таджикской ССР. Во главе «ковра» сидел сосед папиных родственников Вениамин Львович Зускин, ведущий артист ГОСЕТа (еврейского театра)¹, народный артист РСФСР, известный широкой публике по кинофильму «Искатели счастья». Он был невероятно интересен, играл на гитаре, пел и замечательно шутил. Через два года Зускин возглавит ГОСЕТ - после того, как 12 января 1948 г. в Минске будет убит сотрудниками МГБ художественный руководитель ГОСЕТа, народный артист СССР и председатель Еврейского антифашистского комитета Соломон Михоэлс. А в конце 1948 г. арестуют находившегося в больнице Зускина, который будет расстрелян по делу Еврейского антифашистского комитета в августе 1952 г.² и реабилитирован в 1955 г. А тогда было весело. В маскараде принимали участие и взрослые. Мне, 12-летнему мальчишке, очень тогда понравилась красивая дочь Зускина – Алла. Потом однажды во времена хрущевской оттепели я видел ее после возвращения из ссылки, где она была с мамой – актрисой ГОСЕТа Эдой Берковской. Мы вспомнили о праздновании Нового года в 1946 г. на Твербуле, и она рассказала мне их с мамой трагическую историю после ареста отца. Сначала власти заняли одну из комнат их двухкомнатной квартиры. В 1953 г. – в год дела «врачей-убийц» их отправили в ссылку, кажется, в Казахстан. Сталин умер в марте 1953 г., но они вернулись в Москву только через 1,5 года. Однако вся их квартира была занята и они жили 9 месяцев у родственников. Наконец, вернули одну комнату. Ни мебели, ни библиотеки не было. Ее мама получила за них денежную компенсацию. Остались только жалкие остатки вещей, взятых ими в ссылку. Началась длительная борьба с Моссоветом за возвращение второй комнаты. В результате этого ее мама умерла в 1959 г. в возрасте 56-ти лет. Сейчас Алла живет в Израиле и написала книгу воспоминаний об отце³.

¹ «Всего трагизма судьбы Вениамина Зускина, одного из самых ярких талантов мирового театра первой половины XX века, не понять вне контекста его артистической жизни и особых обстоятельств его ареста», - из кн. Александра Борщаговского «Обвиняется кровь» (М.: «Прогресс-Культура», 1994, с. 165).

² Костырченко Г. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. Документальное исследование. – М.: «Международные отношения», 1994. – 400 с.
Костырченко Геннадий. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. – М.: РОССПЭН, 2010. – 415 с.

³ Зускина-Перельман Алла. Путешествие Вениамина: размышления о жизни, творчестве и судьбе еврейского актера Вениамина Зускина. – Иерусалим/ Москва: Гешарим/ Мосты культуры, 2002. – 509 с. Книга в сокращении опубликована в сетевом журнале «Заметки по еврейской истории», №14 - №19.

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

Новый 1950 год мы нашей коммуналкой – мама, наша соседка Татьяна Петровна Леонтьева (для меня – тётя Таня), ее дочь Наташа, моя ровесница, и я – отметили походом в Театр Красной Армии на «Учителя танцев» с Зельдиным. Впечатление осталось на всю жизнь. Во взрослой жизни было множество интересных встреч Нового года.

Но запомнились, прежде всего, те две встречи - с мамой и кагором, встреча с походом на «Учителя танцев», и встреча с В. Л. Зускиным.

**Александр Семенов. В Рождество.
1975 г.**

ПОЭЗИЯ

Татьяна Аксёнова-Бернар
(Москва)

Жук

Наломаю вечерней сирени,
Лепестки - лучезвёздней, острей!
Надышусь ею до одуренья
И сгорю на закатном костре...

На костре заходящего шара,
Не воздушного, как ни крути!
Бронзовик, нам взлететь помешала
Тяжесть крыльев и дальность пути.

Глухо стукнулся на спину с веток...
До утра твои крылья бомба,
Злился дождь. Налетаешься этак!
Этак вовсе не стало тебя...

Я в охапку медовой сирени
Окунувшись, замру оттого,
Что почувствую суетным, бренным
Всё земное своё естество...

Бронзовик, мой зелёный жуцище,
Ты, как я, надышаться не мог
Той мигренью, что делает чище
Расстояние - вдох между строк,

Что топорщится в ветках извилин,
Заворачивающихся в спираль...
Эх, взлететь бы! Да Бог бессилен.
Отлетался мой жук, а жаль...

Вишня

Г. Б.

Я хочу быть твоей, а не лишней.
А не лишь бы пришедшей, как все.
И остаться цветущею вишней,
В землю вросшей, в июньской росе.

Лишь бы нежность глаза излучали
И в объятьях твоих, на груди,
Знать, что всё ещё только в начале
И желания все - впереди,

Что они существуют, желанья,
Жизнь поддерживающие во мне!
Что увижу я небо Шотландии,
Что оно достижимо вполне.

Без тебя же и небо - не в небо,
И кровать - не кровать, и еда...
Много мест, где со мною ты не был
И не будешь уже никогда!

Без тебя мне и воля - неволя,
И ни сердцу слова, ни уму...
Бабья доля! А я - для неё ли?
Вот, понять бы ещё - почему?..

Горе горькое: вышло - не вышло?
А в Шотландии вишни цветут!
Вот умру - посади меня вишней,
Что корнями останется тут!

В глазах мелькают капли чёрные...

В глазах мелькают капли чёрные
И нити чёрные плывут...
Учёные, как обречённые,
Те капли, разбавляя, пьют!

А не разбавивши - не выпьешь ведь:
Зело черно, не зелье - жель!
Какой рецепт поэту выпишешь?
Да разве он от жизни есть?..

Какая разница, ну, право же,
Кем быть, кем слыть и чем хворать?
По слухам, вроде, не поправишься.
Но и не время умирать...

В глазах заменю хрусталиков
Немое крутится кино.
Оно "про Родину, про Сталина" -
Ведь всё заверчено давно!

Пружиной сжатою закручено.
Катушкой смотан старый фильм.
Сын скажет, что могла бы круче, но
Сюжетец - не для простофиль!

Сто лет не смотрят чёрно-белое.
Всему заменой интернет...
А что я с нитями поделаю?
И лучше ли, когда их нет?..

Г.Б.

Забери меня, забери
В дом, не в серую домовину!
Для тебя, знаешь, сердце выну,
На! Но крутится лабиринт

Бесконечной пластинкой... Круг
Мой замкнулся. Лишь слово "Стерео".
Смерть приходит слепою стервою.
Ну, а если я вырвусь? Вдруг?

Забери, положи на грудь,
Как печать - на уста. Ну, что ты?
Да, любить - нет трудней работы...
Пригожусь, глядишь, в чём-нибудь!

Если сможешь меня жалеть -
Буду тихой и благодарной.
От ударов за "божий" дар мой
Порвалась у Фортуны плеть...

Колесо Её крутит "стоп":
Чьей-то жизни застряла плёнка...
Порвалась, истончившись, плётка.
Жезл об мой разmozжился лоб!

Точно звенья одной цепи -
Коридоров глухие петли.
Прорываясь насквозь, не спеть ли?
Большинство, не пройдя, сипит,

Задышается... Лабиринт -
С гулким эхом и скользким креном...
Знаешь, редька - не слаще хрена.
Забери меня, забери!

Разнообразие суеты...

Евгению Евтушенко

"Разнообразие суеты"
Коснётся только не поэта!
И, верю я, примет эта
Подарит нам его черты:

Взгляд озорной и озарённый,
Фотографа глубокий взгляд.
Так, всматриваясь в жизнь, глядят,
Так милуют приговорённых,

Выпаривают соль. Зерно
Выискивают среди плевел.
"Россия - место"?.. Да, он верил,
Что для него оно - одно...

И бунтовал наверняка
Тот взгляд мальчишески-задорный!
Жемчужные роняя зёрна,
К перу вновь тянется рука.

И вновь, иронии полна,
Сквозит улыбка молодая.
Чуть зазнаваясь, но летая
И создавая письма,

Поэт вне времени живёт!
Но - своевременно, как будто
Зачинщик он любого бунта.
И будет всё наоборот,

Когда взыграет сивка-бурка
Не под былинным под Ильёй...
Не Медный всадник Петербурга
Хранит отечество своё,

А тот, чей лучезарен гений,
Кто - не беглец, скорей - изгой,
Кто не Онегин, но - другой,
Ещё неведомый Евгений.

Хотя известен широко,
Что сознавал давно и чётко,
Перелюбивший всех девчонок,
Не разлюбивших рококо!

Наваждение

Под благовидным рыщет предлогом
Сон мой оврагом, лугом и логом,
Чащей и рощей... Шабаш почуяв,
Прочь от поляны ведьминой мчу я!

Явь ли? Не слыша боли от сучьев,
Сквозь - продираюсь - невод паучий...
Я ли? Кровь каплет тёплой явью!
Только вот - явь ли? Только вот - я ли?

Таёт морозец выдохом тихо -
Дышит собака или волчиха?..
Близко, в затылок, вздыбленный страхом...
Лист прилипает мокрой рубахой...

Нить паутины клеит ресницы -
Может быть, снится? Всё-таки - снится?
Дороги руки - снять паутину
С глаз, утомлённых поиском дыма,

Что над трубою вьётся жилища...
Кто же там воет? Что оно ищет?
Рыщет... Но я доберусь до порога -
Буду стучаться громко и строго!

Скроется зверь в укывище мрака.
Может, волчиха? Может, собака?
Дорог огонь, рассеявший чары -
Солнышко ль вспыхнет, в доме - очаг ли.

Дверь отворится с жалобным скрипом:
Совы взметнутся. "Кто Вы?" - я вскрикну...

Церковь в Дубровицах

Бродильницы в тебе укроются,
Скиталицы найдут приют,
О церковь странная в Дубровицах!
Порожек лестничный столь крут,

Что голова моя закружится
(Сама - дремучее дубрав),
Качая каменное кружево,
Околдовавшее Петра.

По блюдцу яблоко покатится,
Показывая красный бок.
Кровь разольётся вдруг по скатерти...
А может, виноградный сок?

Лозу по осени-то спелую
Ещё попробуй отыскать!
Знать, храмовую "изабеллою"
Нас угощает Божья Мать.

А ветви пальмы, словно палицы,
Святые - вооружены!
В окошки церкви сосны плятятся,
И солнце жаждет тишины,

В резном укрывшись белокаменье,
Пуская "зайчиков" с икон:
Колоколами, каблуками ли -
Ненарушаемый закон.

Блудницы тянутся, убийцы ли
Под золочёный, в солнце, крест -
Из дальних - белой голубицею -
Мест - облюбованный насест.

Она слетела, что пословица,
Знаменье мудрости явив.
Прикосновение к Дубровицам
Нечеловеческой любви.

Пахнет прелой листвой...

Пахнет прелой листвой,
Неостывшей землёй
И картошкой печёною...
Страстно хочется угли найти
И по-детски раздуть!
И огонь тот живой,
Затаённый углём,
Как звезду обречённую,
Пронести, сберегая в пути,
Точно вправду звезду!..

Что скатилась в траву,
Зацепившись за поздние яблоки,
И осталась лежать
В прелом ворохе листьев пустых.
Разгребаю их, рву,
В тщетном поиске искорки якобы...
Ночь свежа, а земля
От костра не успела остыть...

Только был ли костёр?
Что ищу я: картошку, антоновку
Или вправду звезду,
Что мерцает небесным углём?
Ветер в памяти стёр
Недописанный том пятитомника,
Где огонь я найду
И ...нелепую смерть за углом.

Чем лучше поэт...

"Чем лучше поэт, тем страшнее его одиночество" -
Оно объяснимо, но не поддаётся уму...
Не хочется быть одиноким, по имени-отчеству,
Чужими-своими отвергнутым, как никому!

Ему невозможно такое терпеть положение,
Поэт без любви не продержится, этим - велик!
А книжек его дорожание - не дорожение
Дрожаньем огней на болоте, что хвалит кулик...

Не всякий кулик его славит, притом одинаково:
Чем лучше поёт, тем вокруг него эхо - звончей,
И все - разбегаются: "Ишь ты, поди ж ты! Инако ты
Устроен, чем прочие! Прочь! Будешь вечно ничей!.."

Нечаянно жизнь оборвётся, почти что негаданно...
"Не гады мы!" - взвоят толпа по причине толпы.
И солнце взойдёт, и всё снова пойдёт по накатанной:
Закаты в крови, да - в сто лет - верстовые столбы!

Что может быть участью, выменянной на участие?
Бывает ли счастье в имени заключено?
Ведь рифм сочетанием держится мир, чаще - часть его,
А ключ - не всегда отличается величиной.

Гадание

Мне карты не врут. В Сочельник
Вожу кругами расклад.
Вокруг - темнота да ельник,
Пушистый сосновый хлад...

Луна, отражаясь в снеге,
Горой самоцветов ждёт:
Когда же придёт Онегин?
Не вовремя он придёт...

Круги колдовских инверсий:
Снимаю с правой руки
Свой маятник - верный перстень,
Созвездиям вопреки...

А то - за подъездом брошу
Сапог и свечу зажгу -

Смотреть на тебя, прохожий:
Что скажешь по сапогу?

Пройдёшь, чертыхаясь, мимо?
Возьмёшь ли, повертишь: "Да...
Подмётка моей любимой,
Некстати, совсем худа!

И - вот: каблуки сносила.
Знать, грызла железный хлеб..."
Дарует слепая сила
Прозренью тому, кто слеп!

"Татьяна!" - Онегин молвит...
Последний замкнётся круг.
Зигзагами звёздных молний
Обнимемся поутру...

ПОЭЗИЯ

Георгий Бойко
(Москва)

Ярославский вокзал. 1955 год

Он помнил, ощущая каждым нервом,
Как было это всё в пятьдесят первом:

Печёнкой чуял, что его "пасут",
Уже почти неделю был на взводе -
Гулять ему недолго на свободе.
Да здравствует наш справедливый суд!

С ним были, вспоминается теперь,
Ваншенкин Костя, Винокуров Женька...
Они тогда набрались хорошенько...
А ночью громкий стук раздался в дверь.

Иным хватило раза одного,
А для него же ходка стала третьей.
Неясно, что теперь в Москве он встретит,
Друзей куда-то делось большинство...

Увы, он больше не увидит мать
В уютной комнатёнке на Арбате -
Ушла туда, откуда нет возврата,
Когда ему впаяли двадцать пять.

Он в зоне был с бедой наедине.
Амнистия. В карманах ветер свищет.
В Москве осталось только пепелище,
Но всё же телеграмму дал жене.

Она ему давно уж не жена,
Но слух прошёл. Одни другим сказали,
И вот на именном его вокзале
Толпа известьем разбережена.

Пришли друзья и не совсем друзья,
И молодёжь зелёная, и мэтры.

Поскольку перемен подули ветры,
То пропустить событие нельзя.

И кто-то руки потирал: - Ага!
Пусть возвращается! Он всем теперь до
фени.
Он не воскреснет, чай не птица Феникс!
Приятно унижение врага!

А кто переживал наверняка -
Встречать-то будут всё же по одежке...
А с гардеробом дело безнадёжно
Сегодня у вчерашнего ЗэКа!

Подходит поезд Воркута-Москва.
За стёклами мелькающие лица...
Из Приполярья вырвались в столицу,
Архипелага бросив острова.

Ну, вот и он. При шляпе и в пальто.
Костюмчик даже чересчур нарядный.
Для воркутинца вид незаурядный -
Такого ожидать не мог никто.

Глядите на него во все глаза!
Поэт отнюдь не вызывает жалость.
А кое-кем уже воображалась
На нём и телогрейка, и кирза!

Нет! Что-то не читаются следы
Судьбы его зловещих траекторий,
Как будто прошвырнулся в санаторий,
Как будто бы и не было беды!

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

А он уже ступает на перрон
С немного даже нарочитой ленью.
Не появление, а скорей - явление!
Глаза, глаза, глаза со всех сторон!

Он всех живее вопреки и несмотря...
Глядите же, глядите и дивитесь,
Что жив-здоров последний третий витязь,
Три раза переживший лагеря,
Судьбой три раза брошенный на дно!
И пусть душа осталась в рваных ранах,
Сегодня здесь он равный среди равных!

Предугадать пока что не дано,
Что скоро властью будет он обласкан,

Что станет он в президиумы вхож,
Что ордена ещё украсят лацкан,
И ляжет на погосте... для вельмож.

Пока же отмечали все вокруг,
Что гладко выбрит он и наодеколонен.

...

В купе за кадром оставался друг,
Друг настоящий - Михаил Луконин.

Чтоб зритель ненароком не допёр,
Что у спектакля "Возвращение в лоно"
Имелся постановщик-режиссёр,
Не пожелавший выйти на поклоны...

Максимилиан Волошин. 1921 год

Чем приходится заниматься?!
"Вакс Калошин", былой "обормот"
Занимается децимацией,
Децимацией наоборот...

Перед ним расстрельные списки -
Из десятка спасти одного...
"Единицы голос тоньше писка"
Для кого-то, не для него!

Он обязан всё трезво взвесить!
Обречённых отнюдь не десять...
Всех не вычеркнет карандаш!
Остальных палачам отдашь...

Из десятка их будет девять!
Ни Христос, ни Мария Дева
Никого уже не спасут
От мучительной лютой смерти...
На себя судьбу их примерьте
Перед тем, как свершится суд!

Импульс первый был - откажись!
Брось бумажки в лицо мадьяру,
Что расстреливать взялся яро
Тех, чей шанс последний на жизнь
Воплощает в себе Волошин...
Выбор кем на него возложен?!

Откажись! Откажись! Откажись!

И не вырваться никому,
И надеждой себя не тешьте! -
Отстрелявшийся в Будапеште
Отыгаться спешит в Крыму...

Очень просто сказать: "Я - пас!",
Палача глазами буравя...
Или всё-таки он не вправе? -
Мог спасти... Почему не спас?

Жертв и так хватает напрасных...
А в Крыму он такой один -
И "товарищем" стал для красных,
И для белых был "господин",
Если из контрразведки штаба
Выцарапывал Мандельштама...

Смерть грозила со всех сторон,
В двух шагах разминувшись рядом... -
У него в мастерской был спрятан
Подпоручик Сергей Эфрон...

Десять вычеркнутых на сотню...
Выбор сделать изволь сегодня!
Палачей молитва не проймёт,
И в ночи ударит пулемёт...

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

Каково выбирать поэту -
Пощадить того или эту?
Он не знал их накоротке,
Но сегодня за них в ответе...
Вдруг застыл карандаш в руке.
Потому что может оплошно
В списке есть некто ЭМ. Волошин... -
Вот он, в третьей сверху строке!

Умереть ему, как и всем!
Будто что внутри надломилось...
Может, всё-таки однофамилец
Этот самый Волошин ЭМ?!

Пропускаем его пока...
Нету времени помолиться...
Вычитания Зла таблица,
До чего она нелегка!
Кто здесь лучше, а кто поплоче?
Им не вычеркнут ЭМ. Волошин...
Не владыка своя рука!

Он успеет. Выбрана квота.
В списках десять процентов лакун.
Всех нельзя - спасёт хоть кого-то.

...

Вычеркнет его Бела Кун...

Осип Мандельштам. Поэт и Власть

*А вокруг него сброд тонкошеих вождей...
Мне на плечи кидается век-волкодав...
Осип Мандельштам*

Есть у Власти в кармане конфета -
Если надо, то так же, как встарь,
Можно орден навесить поэту
И стихи его вставить в букварь.
Куршевельским сияя загаром
Если где-то "тусит" высший свет,
На десерт под коньяк и сигары
Иногда подаётся поэт.
Перед тем, как "до дома, до хаты",
Иллюстрацией что всё - о'кей!
Как рояльчик в кустах на подхвате,
Поэтический камер-лакей.
На стихи не наложено вето,
Только суть и начало начал
В том, что Власть НЕ услышит Поэта,
Даже если он НЕ промолчал.
Было время, всё было иначе...
Власти были поэты нужны,
Чтоб работали с полной отдачей,
И всё якобы ради страны...
От поэта Власть ждёт славословий...
Ты лояльность свою покажи,
Что в обмен на создание условий,
На Дом творчества, на тиражи...

Не прощалось поэту молчанье...
Что иное сказать - где уж там!
И не то что б из самых отчаянных
Был среди прочих Поэт Мандельштам.
Может, от раздражения злого,
Что Поэт - он не раб, не вассал,
Он сказал своё веское слово,
Он сподобился, он написал.
Написав, он лишился покоя...
Знать не мог разве что идиот,
Про вождя если ляпнешь такое,
Это с рук тебе так не сойдёт!
Но, отбросив сомнения к чёрту,
Он шагнул за сумой и тюрьмой...
Слава богу, был тридцать четвёртый,
Слава богу, не тридцать седьмой!
Оценил им уделанный Коба,
Не поддавшись обиде-вражде,
Как Поэт отмечает особо
"Тонкошеест" шутов при вожде.
- Ты пока его, Генрих, не тронешь,
Он пока что мне нужен живой.
Ну, сошлешь его, скажем, в Воронеж...
Пусть проступок прочувствует свой.
От себя же добавил, однако,
В ситуацию маленький штрих -
Фарисейский звонок Пастернаку -
Дескать, что ж вы сдаёте своих?
Время шло, только Власть не воспета...

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

Восхвалять он её не готов,
Это значит, что можно Поэта
Взять и просто списать со счетов!
Палачей уже спущена свора,
Шли процессы под крики "Виват!"...
И расстрельные сплошь приговоры,
Виноват ты иль не виноват...
Раз машина террора задела,
Пролетарий ты иль генерал,
Умирать всё же легче за дело...

Мандельштам знал, за что умирал.
Он убил в себе страха токсины...
В том его преступленья состав.

...

От Поэта - побитою псиной
Отползает наш век-волкодав.

1861 год. Афанасий Фет

У Фетов скромная усадьба,
Уют простецкий, без затей
И без изысков, что подать бы
Для двух известнейших гостей...
Уж чай с вареньем будет скоро...
Тем для бесед привычный круг...
И, право ж, из какого вздора
Конфликт сей разгорелся вдруг,
И голова, ну прямо кругом,
Что из-за ссоры той пустой
Теперь хотят УБИТЬ друг друга
Тургенев и граф... Лев Толстой!
Но нет дуэльных пистолетов...
Их нет и не было у Фетов.
Толстой промолвил, грудь напружа,
- К чему волынка-канитель?
У нас охотничьи есть ружья.
Дуэль! Немедленно дуэль!
Гуляют желваки по скулам,
Звучат обидные слова...
А Фет, нахохлившись сутуло,
Подумал: - Как же-с! Чёрта с два!
Пускай поищут пистолеты
И успокоятся слегка
Два преотменнейших стрелка.
Весьма непросто будет это.

А вслух сказал он: - В самом деле,
Простите, милые друзья,
Без пистолетов нет дуэли.
Без них, пардон, никак нельзя!
Записки разошлём соседям
На все четыре стороны, -
За пистолетами к ним едем.
И... секунданты нам нужны.
Пусть были аргументы лживы,
Зато остались оба живы!
И не случилось той дуэли,
Чего и добивался Фет,
Хотя мириться не хотели
Они семнадцать долгих лет!
"Войну и мир", "Отцы и дети"
Читая, вспомните о Фете!
Мы воспарим - не воспарим,
Не знаю... Ведь порою сдуру
Он напечатать мог халтуру,
За что друзьями был корим,
Но ЭТОТ вклад в литературу,
И не одну литературу,
А в мировую всю культуру,
И для врагов неоспорим!
Блажен незлобивый поэт,
Что звался Афанасий Фет!

Король Эдуард Восьмой

Попробуй откажись от трона,
 Осуществи-ка выбор свой
 Во времена, когда корона
 Снималась вместе с головой...
 Как грызлись за корону,
 Звери!
 Чужою кровью сердце грей!
 Корону выхватила Мэри -
 На эшафот взойдёт Джейн Грей,
 Что правила всего неделю,
 Всего каких-то девять дней!
 Её простить бы, в самом деле,
 Ан, нет! Палач придёт за ней.
 Папаша Мэри, славный Генрих,
 Ещё похлеще был эксцентрик.
 Классический пример сатрапа:
 Пять раз перерешу на дню,
 Хочу - женюсь, хочу - казню!
 И не указ мне Римский Папа!
 Тогда молчали все из страха,
 Когда сам канцлер Томас Мор
 Положит голову на плаху
 За пару слов наперекор...
 У подданных - больные нервы...
 Куда всё делось с Карлом Первым?!
 Увы! Не времена Тюдоров...
 Давить парламентскую тлю,
 Что проявлять решила норов,
 Уж несподручно королю...
 Король! Звучит оно неплохо,
 На самом деле - звук пустой!
 Такая на дворе эпоха,
 Что вся монархия — отстой.
 К несчастью, леди-джентльмены,
 Уж не пришить вам госизмены!
 Что взять с премьера пожилого?
 Корректен, но твердоголов!

Премьер не произнёс ни слова...
 Король всё понял и без слов...
 - Как? Жить с оторвою отпетой,
 Что из пролаз и прилипал?
 С американской сучкой этой?!
 Кто только с ней не переспал,
 Любовников калейдоскоп,
 И вроде даже Риббентроп...
 - Зря осуждать её он склонен.
 Она - актриса, я же — клоун.
 Шаг от сценария - расстрел!
 Вот младший братец мой созрел.
 Он попокладистее будет...
 К тому же не замечен в блуде.
 Пусть бремя взвалит он на плечи,
 Пускай озвучит, например,
 Не где-нибудь, а в тронной речи
 Что понапишет там премьер.
 А я писулек тех не трону.
 Короче, нате вам корону!
 Пусть я в семье своей изгой,
 Раз по любви решил жениться,
 Я жить обязан за границей,
 В Париже или, скажем, в Ницце,
 Вот только в Лондон - ни ногой,
 Раз я поддался зову сердца,
 Я, экс-король, Виндзорский герцог,
 Но что поделать? Я - другой!
 Я до своих последних дней
 Хочу быть только рядом с ней!

...

Он диссидентствовал картинно...
 Его как хочешь назови,
 Жал руку Гитлеру... Скотина!
 Но не предал своей Любви!

ПОЭЗИЯ

Игорь Суриков

(Москва)

Россия

Россия, бедная Россия,
Тебе средь бездны бытия
Всегда потребен был мессия,
Как водка, средство от нытья.

Царю и Богу поклонялась,
Пока в семнадцатом году
Корона царская сорвалась
Тебе, Россия, на беду.

Царя сменил лукавый Ленин,
Поклонник рая на земле,
А ты в своей духовной лени
За ним помчалась, как во сне.

Почти сто лет прошло без Бога,
Бесплоден этот был парад:
С какого начали порога,
Туда и прибыли назад.

А те, кто раньше в атеистах
Любили властью пригрозить,
Креститься выучились быстро
И снова учат, как мне жить.

Под красным знаменем тропинку
Хотят ко храму протоптать,
Но эту милую картинку
Перо не хочет рисовать.

Теперь, пристроившись у Бога
Иль черта, Маркс их разбери,
Они опять хотят немного:
Попасть к слепцам в поводыри!

Фигляр

Сказал мне, сидя на полене,
Один суровый экземпляр:
"На политической арене
Ты клоун, дескать, и фигляр".

Мои симпатии фигляру:
Он не боится рисковать
И жизни мелкие удары
Умеет быстро забывать.

Люблю свои писать стихи я,
Ударам подставлять бока,
Дразнить врагов, гусей, стихии
И красной тряпкою быка.

Сидеть смиренно в кислой луже,
Не претендуя ни на что, -
Такой удел, быть может, нужен,
Но это явное не то.

Не рвусь я в тихую обитель
Тоскливый дотянуть финал.
Я счастья пламенный любитель
И жизни профессионал.

Маленькая поэма о зиме

Долгий путь с ноября до апреля
Мы проходим с тобой каждый год,
В соловья и кукушку не веря
И почти позабыв про восход!

Мне так трудно прожить эти месяцы,
Я едва дотяну до весны!
Ведь метель под окошками бесится
А мороз лишь рисует цветы!

В ноябре к нам зазимок приходит,
Это значит еще не пора,
Хоть пугает зима, но уходит.
Снег боится дождя и тепла!

Снег не ляжет на талую землю,
Только белым ковром упадет
И растает за день, за неделю,
Грязь и зелень обратно вернёт!

В ноябре день становится меньше,
Ночь на нас наступает без сна.
В декабре будет несколько легче,
Сквозь мороз замаячит весна!

За январь день прибавит серьезно,
Снегирей, свиристелей прислав,

К февралю ослабеют морозы,
Понемногу в сосульках застряв!

В феврале снег от света сияет,
Песню свету синица поёт,
И блинами мороз провожают,
И цыган свой тулуп продаёт!

Ну а март, хоть сначала и бесится,
Но потом, в снежной каше ночей,
Над кривою дорогой под месяцем
Голый тополь развесит грачей!

Скрип скворца на ветвях у скворечника,
Песня жаворонка над землей,
Золотые сережки орешника
И барашки на вербе родной!

Незатейливый цвет мать-и-мачехи,
Словно желтые пятачки.
Среди талой земли разбегайчики,
Говорливые ручейки!

Над землей облаков хлопья белые
И в саду снова зяблика трель!
Все, что надо, с зимою мы сделали -
Здравствуй, милый цветущий апрель!

Свеча

Год прошел, еще одну свечу
Потушил я дуновеньем быстрым.
Сколько мне осталось, помолчу,
Жить на свете, ярком и душистом.

Дым растаял сладкой пеленой,
Взгляды заблестели на мгновенье.
Этих свечек обгоревших строй
Сохраняет жизни дуновенье.

Как мелькнула легкая слеза,
Так промчались годы жизни мимо.
Не взметнется пламя в небеса
Огоньком весны неповторимым.

Дней весенних хоровод

Белой церкви силуэт,
Дальний звон колоколов,
Золотистый солнца свет,
Стадо пыльное коров.

В небе ласточек полет,
Пенье соловья,
Дней весенних хоровод
Закружил меня.

В теплом воздухе покой
Нам на вечер дан.
За деревней над рекой
Стелется туман.

Завтра будет новый бой,
Блеск и шум опять,
Но сегодняшней покой
Завтра не отнять.

Бонсаи

Я пытаюсь заняться бонсаи.
Может быть, и сумею, не знаю.
Только мне удивительно это:
На окне кедр сибирский, как летом.

Как ребенок, он мал и забавен,
В чем-то лесу дремучему равен.
Успокоит меня и поддержит
В январе нежной зеленью свежей.

За окошком бушует пурга,
Спит до мая замерзший осинник,
У меня на окошке тайга
И фиалки цветок бело-синий.

Моя малая роща святая,
Ты одна у меня дорогая.
Ты, что раньше была мне всех ближе,
Больше я никогда не увижу.

Спасите планету

Я снова проехал дорогой
Открытой ветрам, полевой,
Крутили педаль мои ноги,
Рулем управлял я рукой.

Но не было в сердце отрады,
Цветы не кивали мне вслед.
Кричали мне птицы: «Не надо,
Тебе не уехать от бед!»

От мусора гибнет Россия.
Не знают поля добрых рук,
Траву здесь давно не косили,
Помойки и свалки вокруг.

Где прежние грабли и вилы?
Крестьянской не встретишь избы.
Коттеджи, фазенды и виллы
Кругом проросли, как грибы.

В лесах ни груздей, ни малины.
Природа заплакала вдруг.
Машины, машины, машины
Испортили землю вокруг.

Опомнитесь люди, ей-богу!
Зачем столько нужно машин?
Берите с собою в дорогу
Свой маленький велик один.

Планету свою сберегите,
Природе позвольте расцвести.
Спасите, спасите, спасите
И жизнь человека, и честь!

Бессонница

Во тьме не спится, пахнет мятой,
Зарниц колышутся огни.
Дома в округе сном объаты,
Мы с ночью бодрствуем одни.

Что беспокоит ум тревожный:
Болит нога, далек рассвет?!
Вернуть ушедших невозможно,
Путей к минувшей жизни нет!

Мой ум справляется давно
С мучительною мыслью важной:
Лишь человеку знать дано,
Что жизнь закончится однажды.

Все, что любил он и желал,
Навечно как туман растает.
Все, что терпел и чем страдал,
Тревожить душу перестанет.

Вокруг все будет, как всегда:
Леса, луга, людей заботы.
Не будет только никогда
Тебя для жизни и работы.

Меня родили, не спросив,
Хочу ли мучиться загадкой.
Теперь уйду я, всех простив,
Уйду безропотно, украдкой.

Благодарю судьбу за ночь

Благодарю судьбу за ночь,
За лунный свет.
За то, что вроде жить невмочь,
Но смерти нет.

Благодарю за каждый день,
За луч зари,
За то, что мне еще не лень
Петь о любви.

Мне не вернуть прошедших лет
Счастливых дней,
Но я забыть не в силах, нет,
Любви твоей.

Мерцает утренний рассвет,
Горит звезда.
Пусть счастья в жизни больше нет,
Но было, да.

Простите, белые ночи

Завтра я еду в свой город,
Тот, где родился и жил,
Тот, где был счастлив и молод,
Тот, где я долго служил.

Город, который построен
Гением, волей царя,
Город, который устроен,
Видимо, всё же не зря.

Тихо сплавляются барки
Летнею гладью Невы,
Здесь рукотворные парки,
Здесь неподвижные львы.

Все эти белые ночи,
Все эти хмурые дни
Рвутся в закрытые очи,
Рвутся и плачут они.

ПОЭЗИЯ

Анна Народицкая
(МОССАЛИТ, Москва)

ИЗ ЦИКЛА СТИХОВ «АРАБСКАЯ СКАЗКА»

Шкатулка

Когда-то был я жизнью недоволен,
И опечален собственной судьбой.
Хотелось сердцу вырваться на волю
И обрести блаженство и покой.

Я молод был тогда и неразумен,
Мне трудно было истину понять.
И после долгих, тягостных раздумий
Судьбу надумал в странствиях искать

Скитаясь долго, я утратил силы
И был уж путешествию не рад,
Когда меня идея посетила -
Отправиться на поиски в Багдад.

Бродя по узким улицам Багдада,
Я повстречал торговца стариной.
Решил старик, поведать тайну надо
Шкатулки удивительной одной.

Старинная шкатулка золотая
Была необычайно хороша.
Пурпурными рубинами сверкая,
Она вдруг заиграла не спеша.

Затем открылись маленькие дверцы
И в синей, бархатистой глубине,

Моё навеки покоряя сердце,
Две куклы танцевали, как во сне.

Одна другой прекрасней, что за диво!
От них не мог я взгляда оторвать.
Походка величава и красива,
Игривый взгляд, но царственная стать.

Я позабыл заботы и печали,
Текли минуты, пролетали дни.
Меня уже вокруг не замечали,
Я стал недвижим - статуе сродни.

Когда же вдруг очнулся на мгновенье,
Вмиг осознал всю радость бытия,
Исчезли ядовитые сомненья,
И все иным теперь увидел я.

Живая красота вокруг сияла,
То солнце восходило, то луна.
Я понял – нужно все начать сначала.
Ведь жизнь моя прекрасная одна!

Отныне стану счастлив я судьбою!
Секрет понятен истины простой.
А куклы - пусть танцуют меж собою,
В рубиновой шкатулке золотой.

Змея

Холодный взгляд и плавные изгибы,
Змея кольцом свернулась на песке.
А вы унять волнение смогли бы,
В доверчиво протянутой руке?

Две черточки зрачков, как два кинжала,
Вонзились в мозг, меня приворожив.
Язык мелькающий, раздвоенное жало,
Танцует под неслышимый мотив.

Как ты изящна, совершенна и спокойна,
В своём неведеньи библейского греха.
Тебя не трогают ни праздники, ни войны,
Ты, словно сфинкс, недвижна и тиха.

О мудрое, древнейшее создание,
Открой змеиную мне тайну бытия.
Быть может, в новом повороте мироздания
Змеёю стать согласна буду я.

Сновидение

То ли снится мне, то ли чудится,
То ли сгинет все, то ли сбудется...

Вздых сиреневый подарил рассвет,
Полуночных грез наяву уж нет.

Там был райский сад и жасмин в цвету,
Я хочу назад пересечь черту.

Спелых ягод сок утолит печаль,
То, что помню я, потерять мне жаль.

Шёпот страстных губ долетел едва,
Нежной музыкой о любви слова.

Чутких рук тепло растопило лёд,
Кровь мою согрел ароматный мёд.

То ли снится мне, то ли чудится
Исчезает боль, счастье сбудется.

Пламя

Что может быть опаснее огня?
В ночной тиши мерцая и маня,
Горит его коварный огонёк,
Погибнет сразу глупый мотылёк,

Что полетит доверчиво на свет,
Короткий миг - и мотылька уж нет,
Лишь часть крыла, обугленный комок.
Каким ты был наивным, мотылёк...

Нет ничего прекраснее огня!
Дыханье замирает у меня,
Когда восторженно на пламя я смотрю,
Оно похоже на вечернюю зарю.

Роскошный цвет возник из ничего,
Дотронулся до сердца моего,
Согрел его теплом и красотой.
Смотрю в огонь и чувствую покой.

Нет беззащитней маленькой свечи,
Она трепещет, бедная, в ночи,
Сопrotивляясь суетным ветрам,
И обреченно гибнет по утрам...

У пламени свечи короткий век,
Огонь дыханьем гасит человек.
Но все же в целом мире для меня
Нет ничего загадочней огня!

А Падишах не знает что сказать...
Как может эта птица так орать?
В смущении он дар речи потерял.
Какой конфуз, Аллах! Какой скандал!

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

Осмеян будет Шах лет на сто впрок,
Какой позор, Аллах! Какой урок!
Похвастал Падишах и сам не рад,
Но гости удивленные молчат.

Никто прервать не смеет тишину,
Вдруг Шах обидится и разожжет войну!
А, может быть, хитрец нарочно сделал так,
Что б кто-то невзначай попал впросак?

Все молча ждут, молчит и Падишах.
Вдруг чей-то голос произносит: – Ах!
Великий Падишах воистину велик!
Пусть будет долгоденствие и бесподобен лик!

Ты столь же мудр, Паша, насколько и богат,
О мудрости твоей в народе говорят!
Все замерли в волнении, не дыша,
А вдруг сейчас рассердится Паша?

Но тот не рассердился на льстеца,
Речь льстивая приятна гордецам.
К тому же выход из конфуза есть,
Идею Шаху подсказала лесь.

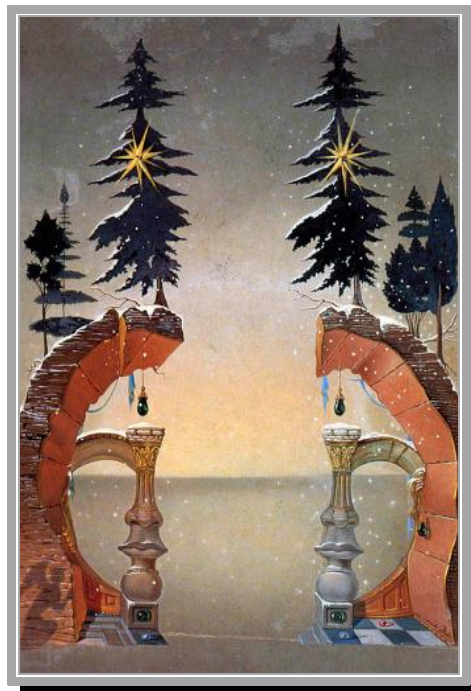
Правителю смущаться не к лицу
И благосклонно он ответил храбрецу:
- Да, речь твоя правдива, что скрывать,
Мне мудрости не нужно занимать.

Я птицу в сад к себе задумал посадить,
Чтобы врагов легко без боя победить.
Меня павлин своей красой потешит всласть
И отпугнет того, кто вздумает напасть.

Чтоб победить врага, теперь не нужен меч,
От страха голова сама скатится с плеч,
Лишь только птица примется кричать,
И можно сразу же победу отмечать.

Все засмеялись - шутка хороша!
- О! Как умен великий наш Паша!
А Падишах доволен был собой:
Он победил, и не вступая в бой.

Печаль отныне не его удел,
От счастья Шах душой помолодел.
И пусть потомки скажут: «Во дворце
Жил Падишах с улыбкой на лице»!

Сальвадор Дали. Рождество.
1946 г.

ПОЭЗИЯ

Надежда Гусева

(МОССАЛИТ, Москва)

Диптих о воронах

1. Они умны. У них свои законы

На плоской крыше, что напротив,
Я вижу два-три раза в год
Вороньих стай высокий слёт –
Этаж десятый. И по квоте
Спешат гонцы, летят со всех сторон
От всех московских городских ворон.
И начинаются их бурные дебаты
Под нескончаемые вопли делегатов,
Сводя с ума оглохнувший народ.
Хоть видит око – да рука неймёт!

2. Про ворон и демографию

Галдят вороны битый час.
И вам знакомы их повадки,
Пометят и следят украдкой,
В досаде, что легло не в глаз.
Их соколами, говорят, травили,
Чуть смолк галдёж, о них забыли.

И вот опять пернатых – миллионы.
Тут мы и вспомнили про феромоны,
И наш демографический урон.
Так отчего не взять пример с ворон,
И о влечении полов издать закон.

Но кто у нас законы исполняет?
Вот и «Духи любви» не помогают.
Быть может, снизойдут вороны
И нацедят флакончик феромонов?
А мы про глупых говорим:
«Эх, ты, ворона!»

У каждого свой Эпикур

Говорят, торчу в дыре,
И удобства во дворе.
Всё не так, не так дышу я,
Вот и дом не по фэншую.
Вроде как впустую
Прожил жизнь не ту я.

Я живу не на Луне.
Всё, что надо, всё при мне:
Дети, внуки да жена,
Да бутылочка вина.
Ты слыхал про Эпикура?
Вот и я не рву натуру.
Если утром с койки встал,
Значит, жить не перестал.
Как дитя ликую,
Выпил и кайфую.

Изыски нового театра

И снова не везёт Татьяне,
Евгений с вывертом обманет,
Он голубого предпочтёт,
А Ленского он не убьёт,
Владимир сам с тоски запьёт,
Огрев бутылкой режиссёра,
А полоумного суфлёра
На откуп в публику метнёт.

А чем ещё модерн театра
Порадует искусство завтра?

Блуждающие звёзды

В чаше опрокинутой
Стало тесно звёздам –
Разбрелись по плёсу,
Задремали в росах.

Сине-фиолетовый
Тёплый летний воздух,
Блеском эполетов
Золото над озером.

В рощице берёзовой
От сиянья звёздного
В полусвете бронзовом
Задрожали росы.

Ты взойдёшь на облако –
Вспыхнет свет зарницы.
Всё, что было дорого,
В данность воплотится.

Вот он, твой покинутый
Во Вселенной остров.
В чаше опрокинутой
Просто тесно звёздам.

Разбрелись по плёсам,
Задремали в росах.
Ну а ты вернулся,
Значит, стал ты взрослым.

* * *

Любовь прошла. В предзимье сиротливом
Озяб продрогший сад, уныла листьев
дрожь.
Что было в той любви, умом не разберёшь.
А жизнь несётся, словно в кадрах
торопливых,
И день на день, как в зеркале, похож.

* * *

Опять дышу свободно, глубоко,
И на душе так девственно легко.
А ведь ещё вчера в груди пылал пожар.
Но голова в дыму не угорела
И не сподобилась ввести меня в кошмар,
Ну, скажем, что Земля с оси слетела.
Как нет земной оси, а есть Земли движение,
Так и огонь в груди был плод воображения.

* * *

В подмосковном лесу вырос чей-то дворец,
За кирпичной стеной луг прибрежный,
На воротах конвой, в сейфе денег ларец,
Здесь воздвигнут форпост зарубежный.
Тихой сапой, в войне идеально незримой
Гибнет русский народ, чуждой верой
теснимый.

* * *

Когда с наукой мы
бессмертье плоти обретём,
о чем мечтали люди
со времён царя Гороха,
к несчастью, тут же и поймём,
что быть бессмертным плохо,
поскольку за глоток воды
друг друга перебьём.

Побасёнки

1. О недостижимости истины

Один мудрец сравнил людей с полипом,
По генам, а верней, по их числу.
Другой учёный первому ослу
Сказал, что это форменная липа,
И выбил негодяю левый глаз,
В учёном споре впад в экстаз.
Тогда упрямец к червякам причислил нас,
Понятно, потеряв и правый глаз.
Теперь он ходит, словно червь слепой,
Пожертвовав для истины собой.
Вопрос – а стоила ль наука
Такой любви неистово слепой?
Ведь истина - изменчивая штука,
Когда оглянешься на путь земной.

2. В гармонии с собой

Он находил особое очарование
С молодцеватою манерой озорной
Развлечься флиртом в дружеской компании,
Умея стать в игре фигурой козырной.

Приняв грамм сто и закусив сырком голландским,
Вальяжно сидя рядышком с женою дорогой,
Он добивался нежных чувств и тёплой ласки
Невинной шуткой, томным взглядом, чуткою рукой,
Затейливо колдуя над прелестницей чужой,
И клялся её мужу в дружбе братской.
А далее всё повторял точь-в-точь с другой,
Пусть и не столь прелестною милашкой,
Но хорошевшей с каждым мигот под рюмашку.

И длился пир. И в упоенье залихватском
Он плёл интригу, запустив соперниц бой,
И просьбу пыл сдержать считал туфтой дурацкой.
Порой, вбивая клин меж мужем и женой,
Он не грузил себя, любимого, виной,
Гормоном радости отмеченный судьбой.

Счастливцев жил в гармонии с собой.

3. Про Лизет и козла

Влюблённая Лизет в дом привела козла,
На всё имея свой критерий зла.
А козлик был охотник до добра –
До золотых колец, банкнот и серебра,
Оставив Лизоньке на зеркале записку:
«Прощай, любовь, не помни зла».
История как мир стара:
Не соблазняй добром козла.

Коротко о разном

* * *

Хоть тресни, а судьбу не обмануть,
Пусть родичи произвели тебя нечаянно,
Ты всё равно пройдёшь свой путь –
Благословенный иль печальный.

* * *

Сияют звёзды, а в лугах цветы цветут...
Найди глагол – что делаем мы тут?

* * *

Заледенеют в поле жизни колоски,
И боль обид сожжёт пигмент волос,
И как из мёрзлых зёрен не проклюнутся ростки,
Так не вернётся смоль тяжёлых кос.

* * *

На зов мольбы из века в век
Господь не подал звука,
А этот странный человек
Всё ждёт слиянья с духом.

* * *

Закономерна смерть, рождение – случайно.
Хотя и случай может быть фатальным.

* * *

Все говорят, что остаётся слово,
Но слово только у Адама было ново.
Вам скажут, что ваш стих написан мило,
А про себя, зевнув, «но это было, было!».

* * *

Как красота небесных васильков во ржи
Преображает сорного цветка коварство,
Так вдохновение, как горькое лекарство,
Смиряет боль страдающей души.

* * *

Ну, вот и всё, смерть метит твой земной пробег,
Но ты как человек ещё способен мыслить,
И вспоминая про нетленность Божьей искры,
Ты тешишь гордый дух надеждой жить вовек.

Любовь...

* * *

Полюбить не поздно и
не рано,
Если ты любимому
желанна.

* * *

Твоя любовь –
лишь отражённый свет
Моей любви,
которой больше нет.

* * *

Иссякнут родники блаженных слёз,
Журчавшие, как были вы близки.
И станет неподъёмным лёгкий воз,
А сердце захлебнётся от тоски.

* * *

Не верь глазам, они умеют лгать.
 Про зеркало души
 всё выдумал влюблённый,
 Он собственной любовью ослеплённый
 Был рад своим желаньям подыграть.

* * *

Он оказался и не рыба и не мясо,
Но до чего красиво хвастал!
Он оказался и не мясо и не рыба,
И только волосы его вставали дыбом.

* * *

Влюбив в себя одну, тотчас
к другой метнулся,
Он вовсе не хотел, но в нём
вампир проснулся.

* * *

Пока молодку тискал бойко,
К нему insult запрыгнул в койку.

* * *

Из кучи дьявольских подлогов
Игра в любовь – занятный фарс порока.
А если Бог – Любовь,

То значит – вызов Богу?

А если Бога нет,

То нет порока?

Pro et contra

В софистике – уловка и подстава,
А в мистике – фантазии полёт:
Она, по крайней мере, не лукава –
Ведь мистик верит в то, о чём он врёт.

* * *

Рука дающего в два счёта оскудела –
Он палец дал, она всю руку съела.

* * *

Он был как солнце для тебя и для него.
И вдруг упал. И не отыщешь никого.

* * *

А кто-то, может, в измерении не нашем
Не под балдой и не в бреду
Строчит про коллективный разум у букашек,
Имея нас с тобой в виду.

* * *

Зачем убийца не наказан?
В то время как вчера в грозу
Небесной мелочной проказой
Убило молнией козу.

* * *

Прогнали страх и обрели свободу,
А с ней и помешательство народа.

* * *

Пустили в небо шар, свободами надутый.
Он чуть поднялся, лопнул и посеял смуту.

* * *

Надорвалась, забылась, обессилев.
Но обратим анабиоз,
Пока светила не остыли.
Ведь ты не глиняный колосс,
Тебе ль не знать побед, Россия?

Опережая бег событий...

* * *

Опережая бег событий,
Стареющий учёный иль поэт
Спешит оставить вечный след,
Пришпоренный предсмертной прытью.

* * *

То ли балбес, то ли повеса,
Скользя по крыше ледяной,
За столб фонарный принял беса,
В аду закончив путь земной.

* * *

Один вполне пристойный житель
Себя во сне Святым увидел.
И, чувством избранности горд,
Решил пройти по волнам вод,
Но рухнул в тёмную обитель.

* * *

Сегодня – он вершитель судеб,
И для него чужого мненья нет,
В час неровён он и тебя засудит,
Подкинув ствол иль марафет.

* * *

Он часто нёс занятный бред,
Он ужин отвергал с испугом,
В обед сплавлял котлету другу.
И умер вдруг в расцвете лет,
К виску приставив пистолет.

О парадоксах нулей

* * *

Был раньше – ноль, теперь – король,
А строй нулей – полк королей.

* * *

Чем дальше ноль от единицы,
Тем больше в нём достоинств и амбиций.

* * *

Сеяли разумное, а возшло безумное.

* * *

Мы словно в джунглях обезьяньих,
Где свят абсурд, где нет идей,
Где правит алчный сброд пираний,
Объев всё мясо до костей.

* * *

Иному, чтобы состояться,
С самим собой придётся драться.

* * *

Всё мимо рук – и нефть и газ,
И лес, и золотой запас,
Зато в любом ларьке для вас
Рахат-лукум и ананас.

* * *

Множатся слухи про тайные сговоры,
И про всесилие дутого доллара.
Я бы хотела спросить вот про что –
С этим бороться не будет никто?

О вечном

* * *

Гордыню нам подкинул бес,
Сманив отведать плод познания.
И человек посеял знания,
И урожайным был прогресс.
Но обнаружит вдруг гордец:
Чем больше знает он о мире,
Тем круг непознанного шире.
Пока однажды, наконец,
Заголосит «венец» творенья,
Упав пред Богом на колени:
«Как жалок, Боже, мой удел,
Зачем воздвиг Ты мне предел,
Дав разум?»

Про атеиста

Почувствовав дыхание Смерти,
И осознав, как страшно умирать,
Он стал врачей на помощь звать
И приготовил доллары в конверте.
Но не нужны они ни Богу и ни Смерти,
А кроме них помочь никто не смог.
И вот тогда сказал он: «Господи, помилуй!»
А Бог ответил: «Я ведь только за душой,
Она спала и зла не натворила,
А коль меня услышал, так и ты со мной.
Всё остальное прах и тлен могилы».

* * *

А многие твердят с надеждой вновь и вновь:
БОГ – это Слово, Красота, Любовь.
Однако в сферах мироздания ЕГО –
Мы в азбуке Небес не знаем даже аза,
То есть, не знаем ровным счётом ничего.
Ни мудрецы, ни доктора наук, ни папуасы.

* * *

А даль небытия меж тем всё ближе.
Я тщусь:
вдруг Свет иной и я увижу –
Источник вдохновенья и Любви,
О том глаголили пророки и поэты,
Но ни в одной строке нет внятного ответа.
Но если не увижу я ни зги,
И не узрею Света, коченея,
Хотя б за то, что тщи́лась, помоги.
КТО ТЫ! Кто я? – а всё светлее.

ВОСПОМИНАНИЯ О НОВОГОДНИХ ПРАЗДНИКАХ

Ирина Чижова

(Моссалит,
Санкт-Петербург)

НОВОГОДНИЕ ЧУДЕСА В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ СЕМЬЕ

Бывает, что вера в Деда Мороза заканчивается. Одни рано «взрослеют», другие неожиданно узнают переодетого папу. Степень разочарования тоже бывает разной - зависит и от возраста, и от воспитания...

В нашей семье «Дедом Морозом» всегда была мама. Сколько она придумывала замечательных игр, сколько сказочных ситуаций создавала! Видимо, это было и остается в её натуре, потому что даже сейчас правнучки с удовольствием с ней общаются и скучают, когда её нет дома: не с кем поговорить! Им 9 и 5, ей – 83.

Из поездок за грибами мама каждый раз привозила нам с сестрой маленькие сюрпризы: то веточку земляники «от зайчика», то светлячка в спичечном коробке, то пирожок «от лисички» (оставшийся от походного перекуса кусочек хлеба). И мы уже ждали этих лесных подарков.

А под Новый год она закутывала нас в шерстяные платки, открывала форточку, и мы кричали, высунувшись в окно двора-колодца: «Дед Мороз, подари мне, пожалуйста!..»

Что подарить? Это было частью «чуда». Мама вела нас в детский магазин и там исподволь визнавала, что нам нравится, незаметно для нас формировала в наших головах просьбу Деду Морозу, а сама потом покупала и клала под ёлку именно то, что мы просили. Хорошо помню мягкую серенькую кошечку для меня и жёлтенькую собачку для сестры, которых мы нашли однажды под елкой... Этой кошечке я потом пришила меховой хохолок, и она долго-долго была моей любимицей.

Ирина Чижова с сестрой Татьяной,
1960 год

Когда мы стали постарше, мама устроила нам форменное детективное приключение. Они с папой планировали отметить Новый год с друзьями, а нас оставить дома одних. И вот однажды, недели за две до 31 декабря, мы получаем записку приблизительно такого содержания: «Дорогие девочки, Ира и Таня! Помогите мне, пожалуйста, выбраться из плена. Меня держит взаперти чёрный зубастый... Мне очень трудно передавать вам записки, так что следите, ищите...» Записки мама подбрасывала в разные места, чертила на стенах стрелки, приклеивала бумажки. «Чёрный зубастый» - это было наше пианино, в котором нашлась очередная весточка. И все в таком духе. Предпоследнее послание гласило: «Не распечатывайте следующее письмо до наступления 23 часов». Мы еле дождались этого часа, распечатали записку и прочитали: «...Наконец-то мое заточение кончается. Мне удалось выбраться из плена. Ищите белую стрелку, берите стремянку – и в путь!» Стрелку нашли на стене коридора нашей коммунальной квартиры. Она указывала на антресоли. Там, среди санок, старых чемоданов и разной рухляди, увидели довольно большую коробку. С непередаваемым волнением притащили её в комнату, открыли и обнаружили в ней серого медвежонка с черным носом из лакированной кожи на милой мордочке, лежащего на животике. На коробке значилось: «Медведь-ползун. Артикул такой-то». Как же мы его любили!!! Он до сих пор сохранился, живёт у мамы на даче и даже ещё едва слышно урчит.

Я тоже, подражая маме, поступала со своими детьми так же. Однажды даже пришлось выступить в роли прямо-таки иллюзиониста. Дети настолько извелись в ожидании подарков, что не отходили от ёлки ни на шаг. Что было делать, как их отвлечь? И я крикнула: «Смотрите, смотрите, Дед Мороз в санках по небу летит мимо наших окон!» Нечего удивляться, это сработало, дети побежали смотреть в окно с криками: «Где? Где?», а я в это время положила подарки под ёлку и опять за своё: «Смотрите, он вам подарки под ёлку через форточку бросил!» Сколько радости было!

И вот уже моя дочь, ставшая взрослой, своим малышам устраивает новогодние сюрпризы. Они пишут Деду Морозу письма и кладут в холодильник. Каждый день проверяют, не исчезли ли их послания, и, обнаружив, что в морозилке писем нет, начинают ждать...

Дочери И. Чижовой: Влада и Полина, в центре – племянник Артём, 1982 год

Похоже, в нашей семье вера в Деда Мороза не закончилась до сих пор ни у детей, ни у взрослых. Это так согревает, и не только зимой.

ПУБЛИЦИСТИКА

Материал подготовлен

Ольгой Грушевской

(МОССАЛИТ, Москва)

Цикл «Португальская эйфория»⁴

ИСТОРИЯ 2, «ВИНО ИЗ ГОРОДА ПОРТУ»

Фото Микаела Абаджянца

Так какое же вино поставить на новогодний стол?

Этот вопрос встает ежегодно, и многие отвечают, не задумываясь: конечно же, шампанское! Безусловно, «Российское шампанское», традиционное игристое вино, давно связано у нас с шумными праздниками и, в первую очередь, со встречей Нового года.

А еще? Наверное, белые охлажденные вина – в продолжение банкета – к рыбным блюдам, красное – к мясным, и т.д., здесь уже ничем никого не удивишь. А ведь хотелось бы!

Чем же все-таки удивить да и порадовать гостей – и не только богатым вкусом редкого напитка, но и какой-нибудь волшебной новогодней сказкой, которая была бы очень уместна в такую ночь.

И здесь очень было бы кстати вспомнить о...

Но не будем торопить события и расскажем все по порядку. Может быть, кому-нибудь придется моя история по вкусу, и ее возьмут за основу при сервировке новогоднего стола.

Итак, в своей первой истории из Цикла «Португальская эйфория» я говорила о так называемом «преобладании настроения над сюжетом», а теперь я хочу переместиться в другой город и рассказать совсем другую историю – менее романтическую и уж совсем не страшную, но без которой Португалия с ее настроением немыслима.

⁴ Начало - см. «Московский BAZAR» № 9 (11), 2013.

История 2

«Вино из города Порту»

*Об удивительном городе, давшем название чудесному напитку,
о любопытной чайке из квартала Рибейра,
о доблестном Генрихе Бургундском и его любви к родным винам,
о болтливом аббате из Ламегу, о долине Дору и ее виноградниках
и о том, зачем нюхать пробку, и как пить порто.*

Порту

История, о которой пойдет речь на этот раз, связана с городом Порту, его называют северной столицей Португалии. Это второй по величине город после Лиссабона – в нем проживает 240 тысяч человек – и расположен он в 270 километрах к северу от столицы.

Когда на эту территорию пришли римляне, они обнаружили, что район уже давно освоен, и дали ему название *Portus Cale*. Это название позже преобразовалось в *Portucale*, впоследствии давшее название всей стране — *Portugal*.

Порту

Порту

Порту – город удивительный и совершенно разный: узкие извилистые улочки и глубокая старина удивительным образом переплетаются с инженерными новшествами нашего времени. Например, Порту – первый город на Иберийском полуострове, в котором было организовано трамвайное движение; а река Дору известна как река пяти мостов, поражающих технологическими решениями.

Порту

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

К ним относится мост Понте-де-Дона-Мария-Пиа, возведенный в 1877 г. по проекту Гюстава Эйфеля, он принес его автору всемирную славу. Сейчас мост не используется, а является историческим памятником. Второй - мост Понте-де-Дон-Луиш, возведённый в 1886 г. по проекту ученика Эйфеля Теофила Сейрига. Это уникальное двухуровневое сооружение с колоссальным арочным пролетом, которое на момент открытия было самым большим в мире. Мост Дона Луиша является символом города Порту. Остальные три моста - это бетонный мост Аррабида, трехарочный Понте-де-Сан-Жуан и совсем новый бетонный Понте-до-Инфанте (2003 г.).

Мост Т. Сейрига - Понте-де-Дон-Луиш, или Мост Дона Луиша — железнодорожный, автомобильный и пешеходный мост между Порту и Вила-Нова-ди-Гая

Во время прогулки по реке Дору нам удалось рассмотреть как следует все пять мостов.

В прогулках по улицам город Порту показался нам необыкновенно уютным и просто созданным для «плутаний». Здесь не медля надо рассказать о знаменитом квартале Рибейра, который расположен на правом берегу реки Дору, в нескольких километрах от места ее впадения в Атлантический океан.

Центральная площадь Порту

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

Рибейра - это уникальный музей под открытым небом, объявленный ЮНЕСКО всемирным культурным достоянием.

Чтобы попасть на Рибейру и насладиться особым духом старой Португалии, мы спустились на фуникулере на набережную Дору и увидели целую галерею крутых улочек и переулков, внутренних двориков и кофейных террас.

Вид с фуникулера

Рибейра

Фасады домов выложены знаменитой цветной португальской плиткой азулежу⁵, из нее же выполнены и указатели улиц. Такие таблички из азулежу с названиями вообще характерны для всех городов Португалии.

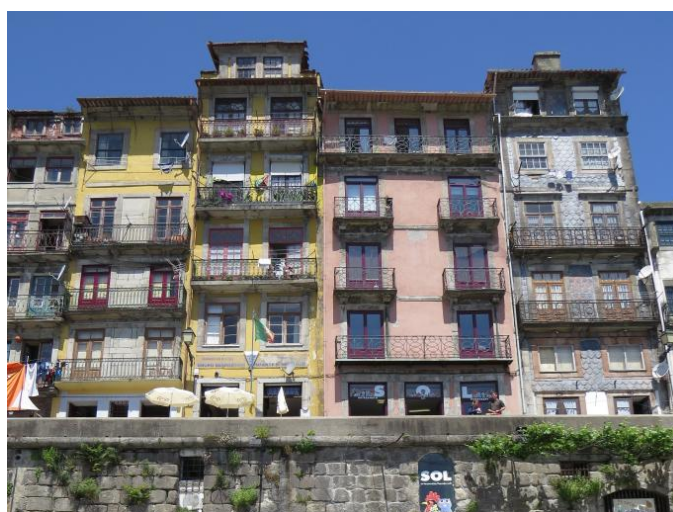
Изразцы азулежу

⁵ **Азулэжу**, или **азулэйжос** (порт. *azulejo*) — название португальских изразцов. Традиционный португальский азулежу представляет собой расписанную глиняную плитку, чаще всего квадратной формы, обожжённую, глазурованную, размером 14 см на 14 см.

Рибейра

Квартал Рибейра, несмотря на достаточно «потертый» обветшалый вид, оказался совершенно жилым: во многих домах были покрашены балконы, в открытых окнах развевались кружевные занавески и на подоконниках стояли цветы. При этом рядом могло зиять черное окно с разбитыми стеклами – частные квартиры, из которых хозяева давно уехали, но которые по закону неприкосновенны в течение 50 лет. Эдакие «веселые» трущобы в разноцветных тонах.

Рибейра

Набережная Рибейры

Несмотря на хаотичное расположение улиц, ориентироваться в квартале было легко: спускаясь вниз, обязательно попадаешь на залитую солнцем набережную. Вот где гулять одно удовольствие: множество баров, кафе, ресторанов и сувенирных лавочек, все улыбается, во многих местах играет живая музыка – поют фаду, в общем, жизнь бьет ключом.

На одной из террас нам попозировала сытая любопытная чайка, подпустившая нас к себе совсем близко – даже zoom не понадобился! Проходя мимо ресторана «Chez Lapin», мы увидели футболистов из местного клуба «Порту»,

а продвигаясь вдоль набережной, обратили внимание на пришвартованные небольшие кораблики - сегодня их используют для речных туристических поездок (мы, кстати, совершили обзорную экскурсию по реке Пяти мостов именно на одном из них), а когда-то на таких «лодках» перевозили португальцев из деревень в город... И тут-то мы подходим непосредственно к нашей второй истории.

В моей второй истории речь пойдет о знаменитом португальском португальце - порто, а точнее порто, как называют его сами португальцы.

Португалия и порто – вещи неразделимые. Мы, конечно же, попробовали этот напиток в оригинале и по достоинству оценили его удивительный вкус, согревающий душу и тело, а потому скажу с уверенностью: кто не попробовал в своей жизни хоть раз оригинальное порто, тот ничего не понимает в винах, – вот оно истинное *«преобладание настроения над сюжетом»*.

Так что же такое это знаменитое во всем мире порто?

Чуть-чуть истории

Порто - это крепленое вино из города Порту, а точнее, из долины реки Дору, где португальцы уже 2 тысячи лет выращивают виноград для изготовления вина.

Как нам рассказали, на территорию современной Португалии завезли виноградные лозы финикийцы, и теперь эти сорта винограда, адаптированные за долгие годы к местным условиям, больше нигде не встречаются. Долину Дору еще называют «живым европейским музеем вина», и неспроста: можно воочию увидеть и знаменитые виноградники, и террасы, на которых они выращиваются. Кто отправится туда в сентябре, сможет застать непосредственно процесс сбора урожая - о нем я расскажу ниже. А с некоторых пор в долине стал очень

популярен агротуризм! Можно поселиться на винограднике, как в загородном отеле, и даже поработать на сборе и сортировке, но это удовольствие не из дешёвых!

Виноград здесь выращивают в основном старинным способом - высаживая лозы возле деревьев, по которым они поднимаются на большую высоту. Большая часть вина потребляется местными жителями - от 60 до 90 литров на человека в год. На экспорт идет в основном красное вино, в меньшей степени белое и розовое. А вот доля портвейна в экспорте - всего 6%, хотя именно вино из Порту и принесло Португалии всемирную известность.

История портвейна началась в XI веке, когда Генрих II Бургундский, заработавший славу в битвах с маврами от имени Афонсо VI, короля Кастилии и Леона, женился на дочери Афонсо и получил в приданое графство Портукале. Генрих не зря был Бургундским - он высоко ценил родное вино, а потому решил в новом «имении» развести виноградные лозы из своей родной Бургундии, прививая их заново или частично заменяя местные виноградные лозы, оставшиеся от римского владычества. Вот такие французские корни у знаменитого порто.

Но... это лишь корни. Как отдельный напиток порто все-таки возник благодаря англичанам. А как было дело, существуют две версии.

По одной из версий, которую нам поведал гид и которую я потом уточнила в других источниках, считается, что порто появился в результате торговой войны между Англией и Францией, а также в результате попыток виноделов сохранить качество вина, плохо выдерживавшего морские перевозки. Вот такое забавное сочетание международного конфликта и желания сохранить товар и привело к созданию известного во всем мире вина.

Генрих (Энрико) Бургундский (1066–1112) – граф Португальский, основатель Бургундской династии, правившей Португалией до 1363 г. Генрих Бургундский был внуком герцога Бургундии и одним из ведущих военачальников Афонсо VI, короля Леона и Кастилии

Как утверждается в ряде источников, началось все с того, что в 1688 г. король Франции Людовик XIV запретил вывоз французского вина в Англию - в отместку за то, что парламент «снял с работы» его друга, английского короля Якова II. Конфликт развивался, и в 1696 г. уже король Англии Уильям III ввел запрет на импорт французских вин из Бордо.

Привыкшие к вину англичане стали поспешно искать альтернативу, а потому их купцы и поехали за вином в традиционно дружественную Португалию, что привело к тому, что в 1703 г. англичане и португальцы подписали Метуанское торговое соглашение, которое гарантировало льготные таможенные пошлины для вин Португалии.

Пошлины-то англичане снизили, но тут же возникла другая проблема — португальские вина не выдерживали перевозок: путешествие было долгим, а холодильные камеры тогда еще не изобрели. Поэтому, чтобы прекратить брожение и сделать вино пригодным для длительной транспортировки, виноделы стали добавлять в вино спирт — исключительно для сохранения продукта! В результате в вине сохранялся сахар и получалось сладкое крепкое вино. Англичанам вино очень нравилось, и спрос на портвейн в Англии рос с огромной быстротой.

Но есть и другая версия - на мой взгляд, не только не противоречащая первой, скорее, ее дополняющая. Согласно легенде, в 1678 г. один аббат из монастыря в городке Ламегу, предместье Порту, угостил двух ливерпульских виноторговцев «весьма приятным, сладковатым и на редкость слаженным» вином. Ливерпульцы пришли в восторг: «Это лучшее из всего, что мы пробовали в долине!»⁶ - воскликнули они и продолжили начатое веселье. В какой-то момент шумного застолья аббат, как я понимаю, дал, увы, слабину и раскрыл секрет удивительного напитка: в вино во время брожения он добавлял коньячный спирт. Кстати, так называемый коньячный спирт к коньяку никакого отношения не имел - это чистая виноградная водка, агварденте, известная еще как «огненная вода» крепостью 77 градусов. Классическая пропорция, которую определили местные виноделы, сводилась к тому, что в процессе брожения добавляли 1 литр агварденте в 4 литра вина.

Eduard Theodor Ritter von Grützner (1846 – 1925), Particularly Good Vintage

Однако в те времена речь о производстве портвейна еще, разумеется, не шла. В долине Дору делали (и делают до сих пор) просто хорошее плотное красное вино из разновидностей сорта «турига». Лишь постепенно, в начале XVIII века, увидев, что англичанам особенно по вкусу более крепкий вариант этих вин, перешли на технологию, автором которой и считается аббат из Ламегу.

Итак, производство порто стало успешно расти, и тут вдруг в 1730 г. разразился ужасный скандал. Выяснилось, что виноделы, чтобы сбыть некачественные вина, пошли на хитрость! Они добавляли в вино - для цвета и вкуса - сахар и ягоды бузины. Британские торговцы стали кричать и жаловаться на качество, а перепроизводство вин вообще привело к падению цен и снижению объемов торговли. Возмущенные производители портвейна обратились к португальскому премьер-министру маркизу Себастьяну Жозе ди Помбалу⁷.

⁶ Купцы-ливерпульцы, побывавшие в Ламегу и отправившие оттуда на родину большую партию вина, вовсе не были первопроходцами на португальском винном рынке. Уже за полстолетия до того здешними винами вовсю торговал немецкий купец Копке, а в XIX веке в долине Дору обосновалась еще и английская фирма, получившая название «Уорр», которая и по сей день производит под этим именем свои портвейны (Warre's).

⁷ Себастьян Жозе Помбал, полное имя Себастьян Жозе ди Карвалью-и-Мелу, граф ди Оэйраш, маркиз ди Помбал (порт. *Sebastião José de Carvalho e Melo, Conde de Oeiras, Marquês de Pombal*; 13 мая 1699 — 8 мая 1782) — наиболее влиятельный португальский политик эпохи Просвещения, один из самых ярких представителей «просвещённого абсолютизма». Фактически держал в своих руках бразды правления Португалией при короле Жозе I (с 1750 по 1777 годы) и руководил восстановлением страны после разрушительного Лиссабонского землетрясения.

Неизв. автор, XVIII в. Себастьян Жозе ди Карвалью-и-Мелу, граф ди Оэйраш, маркиз ди Помбал

Великий реформатор слыл человеком мудрым, но жестким. Недолго думая он велел провести границу в долине Дору и выгородить площадь с виноградниками, где производили порто (сегодня это площадь в 25 тыс. га). Эти виноградники подлежали сохранению. А вот виноградники вне долины Дору подлежали уничтожению! Что и было со временем осуществлено. Кроме того, ди Помбал ввел ряд жестких мер, направленных на создание монополии, а для надзора еще создал Всеобщую сельскохозяйственную компанию вин верхней Дору. А еще годом позже был принят закон, предопределивший и скитальческую судьбу, и солидную репутацию порто, - закон, по которому это вино должно было выдерживаться и разливаться по бутылкам только в предместье г. Порту – в Вила-Нова-ди-Гая⁸.

К середине XVIII в.⁹ порто окончательно вошел в моду, а тон в его производстве задавали англичане, и можно с уверенностью сказать, что южное по своему происхождению вино стало британским национальным напитком. Вот что я нашла об этом в сети: *«Во многих английских семьях до сих пор принято в день совершеннолетия юноши откупоривать его ровесницу — бутылку порто того же «года урожая». А согласно некоторым историческим легендам, этот напиток оказался и соучастником побед Британской империи: говорят, что накануне Трафальгарской битвы адмирал Нельсон рисовал на столе план предстоящего сражения с наполеоновской армадой пальцем, смоченным в портвейне».*

Вполне вероятно, что «чернилами» тогда послужил портвейн категории «Руби», но об этом чуть позже.

⁸ Портвейн имеет категорию «названия, контролируемого по происхождению» - *Região Demarcada do Douro*, закреплённую законодательными актами Португалии и Евросоюза. Для гарантирования и подтверждения подлинности на горлышко каждой бутылки портвейна, под термоусадочным колпачком, наклеивается специальная марка, разработанная Национальным Институтом вин Дору и портвейна (Instituto dos Vinhos do Douro e Porto, IVDP).

⁹ До 1756 г. в Португалии действовали «старинные технологии» производства - это добавление небольшого количества бренди к сухому вину. Как говорилось выше, это делалось только для сохранения вина при морских перевозках. Тот портвейн, который известен сейчас, был создан уже после 1820 г., когда была сформирована новая технология производства этого вина, основанная на прерывании брожения виноградного сусла именно для сохранения в нём остаточного сахара. Эта технология широко распространилась среди производителей Дору после 1852 г., когда был окончательно сформирован стиль портвейна.

Виноградные террасы в долине Дору

Виноградники в долине Дору¹⁰

Но вернемся к виноградникам в долине Дору, которая, как вы поняли, стала единственным местом для производства порто. В 2001 г. винодельческий регион Алту-Дору, был включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Эксклюзивность - дело, конечно, почетное, но вот вырастить и собрать урожай в такой местности поистине труд каторжный: земли в долине хоть и считаются одними из самых красивых в мире, но одновременно и самыми неподходящими для возделывания. Местность гористая, склоны берегов реки и

её притоков крутые - до 60°, и, чтобы выращивать виноград, крестьянам в течение многих десятилетий приходилось и приходится срезать эту крутизну террасами.

Но террасы узкие, добраться до них очень трудно - только пешком, а виноград должен расти поближе к солнышку - на высоте не менее 500 метров. Короче, уход за виноградниками, сбор ягод — срезка гроздей, сортировка, выбраковка и доставка - всегда осуществлялись только вручную! К тому же в долине летом жарко, выше 35°C, и никаких тебе свежих ветерков с Атлантики, которые могли бы хоть как-то смягчить климат, а все потому, что путь им преграждают горы Серра ди Марао.

Хотя, с другой стороны, именно эти горы, защищающие местность от северных ветров, и создают идеальный климат для выращивания винограда. Кроме того, почва в долине, хоть и считается бедной, состоит из множества удерживающих влагу сланцевых слоев. Эта влага бесперебойно питает корни виноградной лозы, которые порой уходят в землю на двенадцать метров.

Как ни крути, а континентальный климат и бедные почвы создают экстремальные условия для лозы. В этих краях существует даже поговорка, что люди голыми руками выжимают вино из

Террасы на склонах в долине Дору¹¹

¹⁰ http://rusadvice.org/house/cookery/napitok_iz_dolini_doru.html#ixzz2ZxONV4TN

¹¹ http://www.softmixer.com/2011/06/blog-post_5851.html

камня. Но... чем хуже лозе... — тем выше качество вина!¹² Так что неудивительно, что этот аристократический напиток, получаемый в результате огромных усилий человека и природы, обладает сильным и упрямым характером.

Вот такая суровая история — история, ставшая на протяжении многих поколений неотъемлемой частью и образом жизни тысяч фермеров этой долины.

Сентябрь – сбор урожая

Сбор винограда в долине начинается в конце сентября. Вот как художественно описывают сбор винограда: *«Осенью, во время уборочной кампании, местные сборщики винограда медленно двигаются вдоль рядов с лозой, которые круто спускаются к воде. Начиная свой день еще до восхода солнца над высокими гребнями холмов, сборщики погружают руки в листья лозы, которые к тому времени становятся красновато-коричневыми, и срывают тяжелые грозди винограда, сладкие как джем».*

Как нам рассказали, сбором винограда по традиции занимаются женщины: они вручную срезают и отбирают виноград, в маленьких корзинах сносят его на промежуточные «станции» и перегружают в корзины побольше. Тут уже подключаются мужчины — несут большие 50-килограммовые корзины к грузовичку или трактору с тележкой, который, в свою очередь, везет виноград в давяльню.

¹² В долине Дору выращивается более 80 сортов винограда. Но для портвейна можно использовать только половину сортов, которые, в свою очередь, разделены на три категории — рекомендуемые, разрешенные и допустимые. Рекомендуются только десять сортов черного винограда, основной — «Торига Насионал», и два сорта белого, главный из которых — «Мальвазия Фина». Все виноградники Дору по расположению, продуктивности, качеству почв и сортам винограда распределены по достаточно сложной системе на категории от «А» до «F». Виноградники высшего класса, то есть категорий «А» и «В», находятся в окрестностях города Пинья. Только с этих виноградников весь урожай может идти на изготовление портвейна. Но таких виноградников всего 7%. Чем ниже категория участка — тем меньше винограда можно использовать для портвейна. А при категории «F» и думать о портвейне не стоит — не разрешат власти.

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

Раньше, как известно, виноград давили ногами в специальных ваннах - «лагарах». Но только не все знают, что делали это исключительно потому, что ноги не могли раздавить косточек, которые добавляют в вино горечь. Некоторые производители и сегодня по-прежнему используют «ноги», хотя этот труд тяжел, малопроизводителен и достаточно дорог. Но большая часть виноделов все-таки прибегает к современной технике, позволяющей давить виноград так же бережно.

Тем не менее, у работников есть веселая вековая традиция – танцевать в «лагарах», давя ногами ягоды, тем самым знаменуя завершение сбора урожая.

После давяльни наступает следующий этап: сок винограда вместе с кожурой помещают в цистерны, где он начинает бродить¹³, а спустя какое-то время - в нужный момент - в сусло добавляют спирт, и брожение останавливается, образуя смесь крепостью 18–23° с содержанием сахара 8–10%. Но это ещё не порто!

Тут-то и начинается самое интересное. Дело в том, что порто вызревает не сразу. Всю зиму он стоит в емкостях там, где его сделали - в кинтах (порт. *Quintas*), винодельческих хозяйствах. И только в начале весны, с конца февраля по март, перевозится в низовья реки, к городу Порту, но не в сам город, а на склады Вила-Нова-ди-Гая, которые находятся на левом берегу реки и соединены с Порту мостами – как раз теми, о которых я писала выше.

Прошел сбор винограда и рабочие танцуют в баке с ягодой.

<http://maxpark.com/community/3293/content/837420>

Вид через р. Дору с моста Г. Эйфеля

Хранилища Вила-Нова-ди-Гая

На складах Вила-Нова-ди-Гая вино купажируют, а потом либо переливают в огромные бочки-буты - «пипаш», либо в бутылки. В емкостях вино оставляют созревать на два, три, пять, десять, тридцать, сорок, а то и больше лет — как решит производитель.

¹³ Бродит это сусло недолго — от двух до трех суток, в зависимости от того, какой портвейн хочет получить владелец: сладкий, полусладкий, сухой или сверхсухой. В процессе брожения кожа всплывает, образуя шапку, которую периодически перемешивают для активизации процесса экстракции фенолятов, придающих особый характер портвейнам. И постоянно контролируют количество природного сахара. Когда его содержание снизится до желаемого уровня, вино разбавляют чистым 77-процентным спиртом. В 450 литров вина добавляют 100 литров спирта.

Причем бутылки хранят под замком - в горизонтальном положении (иначе пробка сохнет), в полумраке, при 17°C и в течение всего срока трогать их категорически запрещается вплоть до увольнений и прочих «карательных» мер.

*Хранилища компании Graham's
в Вила-Нова-ди-Гая,
стеллажи с бутылками под замком
и дополнительной изгородью*

Вывески на крышах винных хранилищ в Вила-Нова-ди-Гая смотрят за реку

Вила-Нова-ди-Гая имеет свою историю. Вот что пишут о предместье в источниках: «Для удобства хранения и дальнейшей транспортировки вина по океану англичанам понадобились настолько вместительные хранилища, что напротив Порту, на противоположном берегу реки, возник целый пригород — Вила-Нова-ди-Гая. До сих пор полтора десятка британских фирм имеют здесь собственные винные склады, так называемые лоджи. Вывески с их названиями, заманчиво светящиеся по вечерам, видны из центра Порту. Они придают этому красивому старинному городу некий гедонистический колорит. На складских стенах можно увидеть отметки уровня воды, сделанные в годы наводнений. Бывало, что бочки с портвейном при таких разливах иногда уплывали из лодж, и у рыбаков, промышляющих в устье Дору, появлялась возможность стать обладателями 550 литров бесплатного портвейна — именно столько вмещает здешняя традиционная винная тара».

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

Порто перевозили в Вила-Нова-ди-Гая на плоскодонных грузовых лодках с квадратным парусом — «barcos rabelos», в традиционных бочках. Такое путешествие по реке было более щадящим для вина, нежели на телегах по неровным дорогам.

Сегодня же бочки с вином перевозятся из винодельческих хозяйств в хранилища Вила-Нова-ди-Гая на специальных грузовиках.

Мост Дона Луиша вечером

Как раз знаменитый мост Дона Луиша и соединяет Порту с Вила-Нова-ди-Гая.

А вот уникальные лодки с бочками порто сегодня можно наблюдать лишь во время ежегодной регаты, когда производители портвейна состязаются в товарищеском поединке. Вот так и получается, что «вино из города Порту» (в переводе с английского *portwine* означает «вино из Порту») имеет отношение не к самому городу Порту, а к его предместью Вила-Нова-ди-Гая, где оно и становится тем самым «порто», который знает весь мир.

Но все-таки в Порту есть особое место, непосредственно связанное с культурой этого напитка. О нем и его служителях написано много - это Сулар-ди-Винью-ди-Порту, где можно попробовать 160 сортов порто.

Возраст и сорта порто

Порто может зреть от двух до нескольких десятков лет, в зависимости от своего характера и потенциала. Он может выдерживаться и в дубовых бочках, и в бродильных чанах, и в бутылках. Разные условия и методы созревания портвейна рожают разнообразие его стилей, каждый из которых обладает своим характером и требует особого употребления¹⁴.

¹⁴ Настоящий порто может производиться из более чем 100 сортов винограда, но широко используются только некоторые из них: тоурига насиональ, тоурига франсеза, тинта баррока, тинта кау, тинта рориш (темпранильо).

Вот, что дается в Википедии о классификации порто:

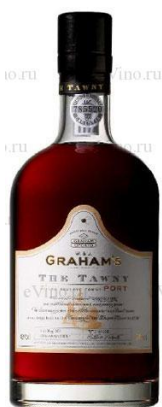
«Сначала портвейн выдерживается в дубовых бочках (чанах) объемом 10000 л и более (до 60000 л) не менее 3 лет. Далее его судьба в зависимости от решения технолога будет иметь продолжение во взрослении в бутылке или взрослении в бочке. По методу выдержки все портвейны делятся на две категории. В первую входят портвейны, чье

многолетнее (от 3 до 40 лет) созревание проходит в дубовых бочках... и заканчивается вместе с розливом. Это все невинтажные портвейны, в первую очередь, *гибу* и различные виды *tawny*. ...Вторую группу составляют портвейны, основной процесс развития которых проходит в плотно закупоренных стеклянных бутылках без доступа воздуха извне. Замедленное старение приводит к тому, что цвет напитка меняется гораздо более медленно, а вкус становится более тонкими, менее танинным. Очень малочисленную подгруппу этой категории составляет *Vintage Port*, который объявляется виноделом только в исключительно удачный год. Созревание винтажного портвейна после сравнительно недолгого контакта с бочкой происходит именно в бутылке и в этом отношении очень схоже со старением лучших бордоских вин. И те, и другие пить раньше 15-20 лет выдержки расточительно».

Очень коротко останавлиюсь на категориях порто.

Порто, созревающий в бочках

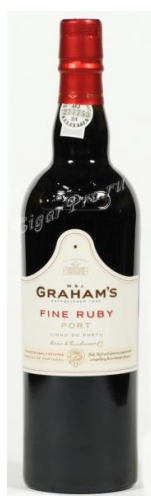

«Тони» («Tawny») — переводится с английского как «рыжевато-коричневый» и производится из красных сортов винограда. В отличие от «винтажа» и ЛБВ, которые зреют в бутылках, он выдерживается долгие годы в дубовых бочках, «дышит» сквозь дубовые стенки, впитывая их аромат и мало-помалу отдавая им свой фруктовый вкус молодого вина, приобретая взамен богатую гамму тонких — бархатистых и пряных — ароматов, напоминающих о лакрице, лесных орехах и спелых фруктах. В бочках порто постепенно теряет свой естественный рубиновый цвет и из пурпурного становится золотисто-палевым.

«Колейта» (« Colheita») – это «Тони», который выдерживался от 7 до 20 лет из винограда одного урожая, который и указывается на бутылке. Винодел, на каком-то этапе проверяя качество своего выдерживающегося «Тони», может выделить несколько «Тони», особенных на вкус. В результате он оставляет этот «Тони» на выдержке с пометкой «Колейта» - это более выдержанный «Тони» получается. Однако, если «Тони» обычно больше передает стиль определенного винодельческого дома, то «Колейта» больше передает стиль года, в который был собран урожай.

Порто, созревающий в бутылке

Белый портвейн «Бранко» («Branco») - производится из белых сортов винограда и выдерживается в самых больших дубовых бочках объемом более 20 тыс. л. Как и портвейн «Руби», он сделан из вин нескольких урожаев и выдерживается в деревянных бочках в течение 3-4 лет. Он может быть сухим, полусухим и сладким. Самым сладким из всех португальских порто является «Лагрима» («Lagrima»), который выделяется в особый вид белого порто.

«Руби» («Ruby») - молодой порто из красных сортов винограда, фруктовый и плотный, проводит свой минимальный срок в дубе, а зачастую после ферментации «отдыхает» в чанах из нержавеющей стали, чтобы сохранить яркий цвет. Получен в результате смешения вин одного или нескольких урожаев. Среди «Руби» можно обнаружить простые и незатейливые экземпляры, которые вполне недороги по деньгам.

Но есть и среди «руби» более тонкий порто - это «Руби Резерв» либо «Винтаж Характер», который выдерживает в деревянных бочонках в течение 4 лет.

«Винтаж» («Vintage») - это тонкий, мягкий, редкий и самый заслуженный порто. Он производится из красных сортов винограда самого лучшего урожая¹⁵ и составляет лишь небольшую часть произведенного в этот год вина. Хранят его в дубовой бочке 2-3 года. Затем он разливается по бутылкам и дозревает в течение нескольких лет или десятков лет в винном погребе. После 10 лет в бутылке он меняет свой цвет с ярко-вишневого на золотисто-коричневый. В бутылках, без доступа воздуха, «Винтаж» сохраняет богатый фруктовый вкус. Обычно перед подачей вино

¹⁵ К годам с лучшей оценкой 7 баллов относят: 1908, 1912, 1927, 1935, 1955, 1963, 1970, 1994.

декантируют¹⁶. Некоторый «Винтаж», например, урожая 1946 г., уходит с аукционов Сотби и Кристи по огромным ценам, почти как известные живописные полотна или антиквариат.

«Лэйт Боттлд Винтаж» (ЛБВ) («Late Bottled Vintage») - как и классический «Винтаж», ЛБВ производится из урожая одного года. Но, если «винтаж» созревает в дубовых бочках в течение 2 лет, для ЛБВ срок удлиняется до 4–6 лет, отсюда и его название «Лэйт Боттлд» (буквально «поздно разлитый в бутылки»). Благодаря этому, ЛБВ готов к употреблению сразу после того, как попадает в бутылку и не предназначен для хранения. В отличие от «Винтаж», его можно пить и через несколько недель после того, как вы открыли бутылку, декантировать его необходимо, только если он пролежал у вас 2–3 года.

Год указывают только на «винтажных» порто или на ЛБВ. Все остальные сорта получают путём купажа, то есть смешения вин одного или нескольких урожаев.

Есть и еще несколько видов¹⁷, например, розовый порто, появившийся только в 2008 г., но приобретающий все большую популярность за свой легкий стиль.

История о пробке

Пробки для порто

О пробках, которыми закупоривают бутылки порто, надо сказать отдельно. Такая незначительная деталь – пробка! - но она является настоящей гордостью Португалии. Их изготавливают из коры произрастающего здесь пробкового дуба. Эти пробки даже идут на экспорт, и большинство европейских вин закупоривают именно ими.

Считается, что по запаху пробки эксперт может определить качество порто, его категорию, да и вообще – не испортился ли напиток за долгое время хранения! Отсюда и традиция – с серьезным лицом нюхать и изучать пробку только что открытой бутылки с порто. Как правило, условия хранения не позволяют портвейну испортиться, так что изучение пробки — не более чем освященный временем ритуал. Так что, если вы увидите «эксперта», с важным видом нюхающего пробку, скорее всего, это просто выражение уважения к традициям.

¹⁶ Декантировать - термин широко употребляется также барменами и сомелье для обозначения процесса переливания вина из бутылки в декантер (или какую-либо емкость) с целью отделения его от осадка.

¹⁷ Имеются в виду категории Crusted и Single Quinta Vintage.

Так как же подают и пьют знаменитый порто?

Порто подается в специальном графине или в бесцветном, гладком, с тонкими стенками бокале для порто, имеющем тюльпановидную форму. На стенках бутылки держится густой осадок, характерный для этого вина, поэтому бутылку с портвейном «готовят» к подаче - держат в вертикальном положении от дня до недели в зависимости от выдержки. Есть и такое правило: откупорив бутылку, повторное ее не закупоривают, пробка вынимается лишь однажды.

Бокал наполняют наполовину, чтобы вино «подышало». Красное порто подается при температуре +18°C, а белое при +10 или +12°C.

Считается, что порто идеально сочетается почти с любыми блюдами. Но если это «Винтаж» и «Тони», то лучше отдать предпочтение шоколаду, орехам, цукатам, кофе, «синим» сырам или более простым, например, чеддеру. Хороши с порто ягодные и сочные фруктовые десерты.

«Тони» может подаваться охлажденным, поэтому он вполне подходит для лета, а насыщенный «Винтаж» лучше пить осенью или зимой. Белый порто обычно пьют как аперитив, причем самые сладкие его разновидности особенно хороши с гусиной печенью, а «Лагриму» пьют только охлажденным и подают к мясу и оливкам.

Порто - это одно из самых дорогих вин, и, как правило, его пьют в чистом виде, не смешивая. Хотя сегодня есть ряд коктейлей, в которых порто сочетают с коньяком, ликерами и даже пивом и соками.

В Португалии есть коктейль «Портоник» (портвейн + тоник), когда смешивается портвейн «Руби» с газированной водой и лимонным соком.

Кстати, считается, что порто - это чисто мужской напиток и по этикету женщинам он не положен. Женщинам предлагается херес - испанский собрат порто, только более сладкий. По мнению португальцев, спокойный вечер настоящего мужчины - вечер, который может его расслабить и одновременно вселить бодрость духа - это сигара и порто. Эх, кто бы спорил!

Что ж, остается только попробовать этот волшебный напиток и получить о нем личное впечатление!

А как же порто, изготовленные вне долины Дору?

Попытки сделать порто за пределами долины Дору, на другой почве, в других климатических условиях предпринимались многими виноделами. Например, в Южной Африке делать вино в стиле португальского оригинала начали еще в XVIII веке. «Констанция» (Vin de Constance) из Капской провинции некоторое время даже составляла успешную конкуренцию портвейну на европейском рынке.

У нас в Крыму вино под названием «портвейн» как появилось в веке XIX, так до сих пор и изготавливается. Его любил Николай II и расширял его производство. Но в 1917 г. для удешевления продукта вместо виноградного спирта стали лить зерновой и, как вы понимаете, напиток превратился во что-то другое – что-то, что порто (либо старым портвейном) назвать было уже нельзя, хотя в СССР позже продавали напиток с названием «портвейн» (марочные «Айгешат», «Кизляр» и ординарный «Портвейн белый № 12», «Портвейн белый № 33» и др.).

Пытаются производить порто и в самой Португалии, в винодельческих хозяйствах, расположенных за пределами долины Дору.

Так или иначе, но винных экспертов не переубедить – они свято верят в то, что порто, как и любое другое великое вино, должно производиться исключительно в месте своего происхождения. Поэтому вся португальская винная общественность предаёт анафеме все то, что под именем порто (портвейна) производится за пределами долины Дору, будь это хоть Южная Африка, хоть Крым.

Визит в хранилища «W&J Graham's» - Symington Family

Путешествуя по Португалии, мы, конечно же, побывали на дегустации порто в Вила-Нова-ди-Гая, а точнее - в погребах компании «W&J Graham's», которая на протяжении вот уже 300 лет остается семейным независимым предприятием с шотландскими корнями.

Как нам рассказали, в 1820 г. два брата Грэмс – Джон и Уильям – начали в Португалии свое дело. Они вложили деньги в виноградники в долине Дору, обзаведясь поместьем Кинта душ Мальведус (Quinta dos Malvedos) и приложили немало усилий, поставив перед собой задачу производства именно качественного порто. Место, которое они выбрали для плантации, располагалось на южном плодородном склоне в месте слияния рек Дору и Туа. Кроме того, братья построили свои хранилища в Вила-Нова-ди-Гая.

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

В 1970 г. компанию «W&J Graham's» купило семейство Симингтон, не самая старая в истории торговли порто, но самая сейчас многочисленная и сильная. Ее виноградные владения сегодня составляют 947 га. Председателем и соуправляющим директором Symington Family Estates (SFE) является Пол Симингтон (Paul Symington).

С 1984 года Британский журнал «Decanter» начал присуждать звание «Человека года», и Пол Симингтон стал 29-м лауреатом. Кроме того, он имеет шесть дипломов «Винодел года» - почти никому не удавалось получить это почетное звание дважды.

Symington Family, Пол Симингтон второй справа

*Вила-Нова-ди-Гая,
в хранилище компании Graham's*

*«В семье Симингтон уже давно существует правило: любой член семьи уходит от активной работы в компании в возрасте 65 лет вне зависимости от его вклада в общее дело. Это способствует успеху всего бизнеса, его живучести, более быстрому вовлечению следующих поколений в дела семьи, некоему вливанию «свежей крови». За счет этого компания Симингтон никогда не испытывала стагнации. Не за горами этот возрастной рубеж и для Пола. Он готов сдать дела и отдать бразды правления следующему поколению. Ему есть что передать и кому».*¹⁸

¹⁸ <http://whywhywine.ru/stati/lichnost/-/pol-simington-paul-symington>

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

Что ж...

Подводя итоги, осталось лишь сказать, что хотя в моей второй истории – истории о португальском порто – простой жизненной прозы больше, чем в истории первой, романтической, – об Инеш и Педру, но скажите на милость, какой романтический сюжет вообще может родиться без бокала бархатисто-пряного порто?

Благодаря этому напитку не только рождаются легенды. Благодаря ему крепчают сердца и характеры, «выжимающие вино из камня», и вот уже вам поле для творчества – для романов, киносюжетов и «картин маслом». И не это ли еще один пример *«преобладания настроения над сюжетом»*?

Использованные ссылки и источники:

«История Грэмс»

<http://www.cigarpro.ru/drinks/Porto/portugal/Grahams/>

«Напиток из долины Дору»

http://rusadvice.org/house/cookery/napitok_iz_dolini_doru.html#ixzz2ZxONV4TN

«Португалия. Портвейн»

<http://www.ice-nut.ru/portugal/portugal020.htm>

«Вся правда о португальском портвейне»

«Все о портвейне»

http://www.softmixer.com/2011/06/blog-post_5851.html

«Symington Family»

<http://whywhywine.ru/stati/lichnost/-/pol-simington-paul-symington>

Эдуард Кортес. Площадь Сен-Мишель. Рождество.
1969 г.

ВОСПОМИНАНИЯ О НОВОГОДНИХ ПРАЗДНИКАХ

Игорь Суриков
(Москва)

Доктор биологических наук, профессор, действительный член РАЕН и Нью-Йоркской Академии наук, автор и редактор более 120 научных работ, ряда книг и публицистических статей.

ДВА НОВОГОДНИХ ПРАЗДНИКА

В феврале 1934 г. моего отца мобилизовали на Уралвагонстрой (ударная стройка) в Нижний Тагил, где зачислили временно сменным мастером отдела главного механика. В связи с этим наша семья переехала в Нижний Тагил, где поселилась в двух комнатах трехкомнатной квартиры (третью комнату занимали немка с дочкой) трехэтажного деревянного дома. Помню прогулки в тайгу, золотоискателя, которого мы встретили на берегу ручья, деревянную лошадку, которую мне привез отец из Торжка, подаренный няней самолетик, запускавшийся рогаткой. Мне запомнилась также встреча нового 1935-го года. Помню, как мы с мамой клеили бумажные цепи на елку, делали флажки из конфетных фантиков. Новый год мы встречали вчетвером: папа, мама, мой братишка и я. В нашей семье в новогоднюю ночь спать не ложились, а садились за стол. Впрочем, это ничем не отличается от встречи Нового года в любой семье. Разве что в нашей семье было принято, чтобы дети читали простенькие стишки, стоя на табурете под елкой, да кроме того мы все, дети и взрослые, пели: «В лесу родилась ёлочка, в лесу она росла. Зимой и летом стройная, зеленая была» и, взявшись за руки, ходили вокруг елки под это пение. Вообще в нашей семье всегда любили петь русские народные песни за любым праздничным столом. При этом в пении всегда участвовали и дети. В 1936 году мы вернулись в Ленинград.

Мне хотелось бы вспомнить еще одну встречу нового 1970-го года. К этому времени я уже имел свою семью, состоящую из четырех человек, включая старшую дочку Олю и сына Дмитрия. В 1969 году мы только что переехали в новую ленинградскую квартиру, которую я получил от своего института. Новый год мы встречали в новой квартире. У нас был елка, которую мы с женой и детьми украшали игрушками, накопившимися за несколько лет жизни. Встреча Нового года шла по обычному сценарию, но один из эпизодов мне запомнился особо. На Новый год полагалось дарить детям подарки, не только конфеты, но и какие-то игрушки. Для вручения подарков я на скорую руку нарядился в пальто, шапку, приклеил бороду и усы из ваты. Всё это должно было обозначать, что на Новый год явился сам Дед Мороз. Поразило меня то, что мой сынишка отнесся к появлению Деда Мороза достаточно серьезно, хотя и всматривался в моё лицо с подозрением. Он подходил ко мне и как-то сбоку снизу пристально вглядывался в моё лицо. Всё-таки мне удалось убедить его в том, что перед ним настоящий Дед Мороз. А дальше всё пошло по обычному сценарию, и мы пели, читали стихи, танцевали под ёлкой. Это было давно, но сомневающийся взгляд сына я до сих пор помню.

ШЕЛ ПО УЛИЦЕ МАЛЮТКА

Не удивляйтесь! Малютка – это любой человек, который в новогоднюю ночь выходит из дома, чтобы не сидеть одному, сосредоточенно глядя на ярко освещенные окна домов, где видны нарядно украшенные елки и мелькают профили веселящихся людей. Малютка сидит дома один. У него никого нет, кто мог бы разделить с ним эту холодную ночь и встретить Новый год с поднятым бокалом шампанского. Малютка давно уже одинок. Его жена оставила его почти десять лет назад. Его дети встречают Новый год у себя дома, вместе со своими женами и детьми. Малютка долго крепился, долго прикидывался, что ему хорошо одному, и он вступает в 2013-й год довольным и радостным. На самом деле, ему хотелось, чтобы кто-то, как в давние детские годы мама и папа, погладил его по голове и произнес ласковые, теплые слова, согревающие душу. И малютка решился выйти на улицу в эту холодную ночь. А может быть, встретится кто-то, кто изменит его одинокую жизнь, скрасит эту невеселую ночь!

Но на улице никого нет. Все сидят дома, пьют и едят, даже танцуют, веселятся и смотрят по «ящику» якобы праздничные программы. Но вот в одной из подворотен малютка увидел не менее чем он сам, одинокую собаку, которая жалобно посмотрела на него и вильнула своим куцым хвостиком. Вот же существо, также нуждающееся в ласке и даже просто в куске пищи в этот Новый год! Малютка быстро вернулся домой и прихватил залежалую колбасу, оставшуюся от вчерашнего ужина. Когда он снова вышел на улицу, собачка, эта совершенно беспородная дворняга, преданно ждала его рядом с крыльцом. Она с благодарностью приняла его дар и осторожно лизнула руку. Спасибо, дорогая собачонка! Малютке стало гораздо лучше, гораздо менее одиноко. С Новым годом, милое создание! С Новым годом, все же прекрасный и добрый мир, где всегда найдется место для бесприютного человека среди разных созданий природы!

**Александр Моравов. Рождественская елка.
1921 г.**

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Виктория Лукина

(Харьков)

ИЗ СЕРИИ «СКАЗКИ СТАРОГО СОМА»

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ

Маленькая Русалочка в окружении рыбок-подружек подплыла к чёрной окаменевшей коряге. Именно здесь, на дне реки Тихони, в уютной илистой ложбине, вот уже полвека обитает мудрый Сом. Русалочка, как всегда, дёрнула его за ус и звонко воскликнула:

- Дедушка, проснись!!! Скучно нам, темно – ни неба, ни солнца, ни луны не видно!

Сом в полудрёме пробормотал:

- Так зима же! Наша Тихоня снегом укрыта!

- А какой он, снег, расскажи?!

- Снежные хлопья – все равно что крошки белого хлеба, которые люди бросают летом в речку, только холодные и тают во рту. Очень аппетитное зрелище, когда сыплется такой «хлебушек» из снежной тучи. Я хоть и домосед, а пару раз в жизни видел такую картину.

- А где люди хлеб берут? Он тоже с неба падает, как и снег?

- Да нет же, - Сом окончательно проснулся, - от зёрнышка до буханки долгий путь. Вначале почву вспахивают, рыхлят, потом сеют отборные зёрна: яровые – весной, озимые – в сентябре. Все лето ухаживают, а осенью – собирают урожай, перемалывают зёрна в муку, просеивают её, потом вымешивают тесто и, наконец, выпекают караваи, калачи, бублики и хлеб... белый - из пшеницы, черный – из ржи.

- Расскажи сказку, пожалуйста... - Русалочка улеглась на покачивающиеся водоросли.

- Расскажи, деда, - подхватили рыбки, повторяющие за Русалочкой абсолютно всё.

- Ох, детвора, нет с вами покоя! Ну, слушайте – поведаю вам сегодня, в канун Рождества, историю подходящую, сказывал мне её еще мой столетний прадед.

Жила в давние времена в украинском селе дружная семья – мать, отец, три взрослых сына, дочка Маричка семнадцати лет, три младших сынка – мал мала меньше, да голубоглазая белая собака Лайка. Работящая семья, потому и достаток был в доме – и улики, и клочок земли с гарбузами, репой, пшеницей, и тёлочка, и кобылка, не говоря уже про поросёнка да курочек-несушек. Стал свататься к Маричке заезжий богатый пан – старый, нос крючком, спина горбом, руки в перстнях, шуба - соболя, а бричка запряжена скакунами аравийскими. Как увидела его девушка – испугалась и в слезы:

- Не отдавай ему меня, батюшка, страшный он!

Отказали ему, а тот всё подарки дорогие шлет, отступить не хочет.

Зимой дело было. В те времена Рождество праздновали по старинным обычаям – в доме стены белили, дымоход цветами разрисовывали, все поломки обязательно чинили, с соседями мирились, из воска со своей пасеки свечи отливали, а главное – еще с лета хозяин готовил рай-дидух – чудодейственный букет-талисман из трех злаков – ржи, пшеницы и овса.

Накануне вечером испекла хозяйка паляницу и книшики-хлебцы, выложила их на новые рушники по лавкам - угощение для духов предков. А до восхода солнца нужно сварить кутью из пшеницы с маком, медом, орехами, но только на предрасветной воде. Послала мать дочку по воду к роднику, а сама застелила стол золотистой соломой, поверх – белая скатерть, чеснок – в четырёх углах, потом второй скатертью накрыла. Первая – для добрых душ, вторая – для людей.

Набрала девушка в кувшин воды родниковой, собралась к дому идти, как вдруг слышит – за деревьями шум, возня, дерётся кто-то. Подошла ближе – куница дикого голубя схватила за крыло и тащит за собой. Не растерялась Маричка, плеснула на них воду, и произошло чудо – куница исчезла, а вместо голубя перед ней парубок красивый оказался.

- Ты мне жизнь спасла, дивчина! Заколдован я был, а благодаря тебе опять прежним стал. Возьми в благодарность от меня колечко!

Маричка румянцем залилась – понравился ей парень. Взяла кольцо, надела на палец, набрала в кувшин воды, оглянулась – а его и след простыл. Побежала домой, ничего матери не сказав, стала по хозяйству помогать. На предрасветной воде приготовили они двенадцать постных блюд к ужину - кутью, вар из сушеных фруктов, горох, капустник, голубцы, галушки, борщ, вареники, блины, кашу, пироги и грибы.

С рассветом отворили настежь все двери и окна – пустили в дом первые лучи солнца, по которым, по преданию, сходит с неба бог богатства, бог урожая! Отец со старшим сыном по обычаю пошли в овин. У батки – крынка с водой непчатой, а у мальчика – рай-дидух из колосков. Поклонились в пояс на восток, прочитали молитву: «Милостивый Боже! И ты, Солнце праведно! Со святым Рождеством! В прошлом году дали вы урожай, добро и здоровье. Пошлите еще лучше в этом году!»

К ужину надели новую одежду, что всем Маричка с матерью сшили, новую посуду на стол поставили, у святых икон лампадку зажгли... По всему дому свечи горят, огонь в печи потрескивает.

Прежде чем сесть на скамью – подул каждый, чтоб не присесть на духа. Не спеша стали вечерять. Все хорошо, да только не дает Маричке покоя колечко – глаз от него отвести не может, узоры диковинные тайком от всех разглядывает... а потом взяла, да и покрутила его на пальце – и тут же раздался стук в дверь. В те времена была примета – если в канун Рождества приходил одинокий, неприкаянный человек, его с радостью впускали в дом и принимали, как дорогого гостя.

Открыл отец дверь, а там тот самый парубок стоит – высокий, статный, глаза карие, чуб тёмный, плечи широченные, улыбается.

- Пустите, - говорит, - странника... устал с дороги, продрог на морозе. Вилия, Святая вечеря, ведь гостеприимством знаменита!

Хозяева рады – приютили обездоленного. Усадил отец гостя рядом с собой, горилки подливает, закуской богатой потчует, ладную беседу завели – про жизнь в дальних странах, в неведомых краях, в которых каждому пришлось побывать.

Спать в Рождество не положено – можно счастье проспять, поэтому окошки в каждом доме горят до утра. Мать со стола прибирает, младшие дети у ёлки играют, а Маричка пошла в сени, взяла зеркала и при свече шёпотом произнесла:

- Суженый-ряженый – явись!!!

Потемнели, померкли зеркала, и увидела она в отражении лицо кареглазого парубка. Пристально глянул он ей прямо в очи, и вдруг... поползли по его лицу ломкие морщины, глаза глубоко запали, нос вытянулся, загнулся крючком, шишковатыми пальцами в перстнях запахнул он ворот собольей шубы и ухмыльнулся жутко!

Выпали из рук девушки зеркала, свеча задымила, а кольцо огнем стало жечь руку. Поняла она, что попала в беду – обманул её хитрый пан, колдуном-чародеем оказался.

Испугалась, но не проронила ни слезинки. Зашла в горницу – в лице ни кровиночки, а страшный гость уже обещает отцу богатство, если согласится выдать за него дочь.

- Не пойти ли нам по селу поколядовать, - предложила она незнакомцу. А тот и рад-радехонек.

Собрались все дети ватагой идти и Лайку с собой взяли. Старшего брата «березой» выбрали, то есть главным. Среднего – латковым (собирать сало и колбасу). Младшего – хлебоношей, а самые маленькие – звонарём, танцором и скрипачом назвались. Пошли по дворам с колядками, с щедровками, смеясь и дурачась, снежками кидаясь, с горок ледяных гурьбой весёлой сбегаля.

Возле родника задержалась Маричка, гостя за руку взяла, говорит:

- Люб ты мне, если одну мою просьбу исполнишь – пойду за тебя.

- Проси что хочешь, любое желание могу исполнить!!!

Достала дивчина бабкин рай-дидух. При луне засветились колоски чудесным светом, каждое зёрнышко золотым сиянием заискрилось.

- Кровью и потом выращены эти колосья, пропитаны верой и любовью, согреты солнцем, всему жизнь дарующим, омыты дождями рек и озер наших, заговорены волшебными, добрыми словами. Каждому, кто коснется их, обещано Божье благословение! Возьми их в руку, назови свое имя – и я пойду за тобой на край света.

Засмеялся незнакомец, схватил букетик... а тот вдруг расплелся, рассыпался в одно мгновение... покатались зёрна золочеными бусинами по снежной, ледяной тропинке.

Кинулся он их собирать, а Маричка тем временем кольцо с пальца снять пытается – прикипело оно к коже, печёт, словно шипами вонзилось – не снимается, еле-еле сорвала, руку до крови изранив, бросила его в снег. Покатилось оно со звоном, вокруг чародея крутнулось... и превратился он в голубя. Клюёт он зерна

пшеничные, ржаные, овсяные и становится всё больше и больше... вот уже и клюв его в крючковатый нос превратился, крылья рукавами шубы собольей обернулись, спина горбом изогнулась!!! Закричала девушка от ужаса, а бежать нет сил – ноги ко льду словно примёрзли.

Лайка нос сморщила, ошетичилась, зарычала – острые клыки блеснули и, прежде чем колдун успел в полный рост выпрямиться, кинулась на него, стала рвать в клочья. Откуда ни возьмись, прямо из снежных сугробов выскочили крылатые скакуны аравийские, гривы развеваются на ветру метелью, иглами лунного инея сверкают. Вьюга небывалая закружила, засвистела, побелело все вокруг – ни зги не видно, Маричка закрыла лицо ладошками, упала на сильные руки снежного вихря и как будто в сон провалилась...

Рис. В. Лукиной

Открыла глаза – братья над ней и старшие, и младшие, склонились:

- Вставай, без тебя колядки петь не будем! Пойдем скорее, а то мороз щёки щиплет, руки зябнут. А где же твой дружок чернявый? И Лайки что-то не видать!

И действительно – исчез и колдун, и кони, и пёс голубоглазый... только несколько зёрен золотых огоньками остались гореть на снегу. Собрала их Маричка бережно в платочек, узелком крепко-накрепко завязала, спрятала в варежку, а варежку за пазуху, под тулупчик, у самого сердца положила, а когда в дом принесла – как зеницу ока хранила, до самого следующего Рождества!

Сом вздохнул, радуясь, что сможет, наконец, вздремнуть:

- Вот, дети мои, и сказке конец! А теперь вам спать пора, да и мне тоже...

Притихшие рыбёшки сбились в стайку, а Русалочка задумчиво вскинула свои зелёные глазки, с недоумением пожала плечиками:

- И почему эти зёрнышки такими волшебными оказались? Они же на самом деле были обыкновенными, в поле выращенными?

- Не зря, видно, люди говорят: «Хлеб - всему голова!» Пшеница – символ вечной жизни, растят её с любовью, лелеют каждый колос, а он чуткий к доброте... как аукнется, так и откликнется! Ну, вот и всё! С Рождеством Христовым, рыбятня! Ступайте, поколядуйте немного... Рака-отшельника проведите, к зубастой Тётке Щуке загляните, к Зеркальному Карпу хоть на пару минут заплывите - только не советую на его зеркальных боках гадать на суженого-ряженого! А вот вам и колядка маленькая, которую ещё в те самые давние времена на Украине пели:

*Бігла теличка, тай з бережичка,
Тай в Дядин двір,
Я тебе Дядю, заколдую,
Дай пиріг!
Не даси Пирога -
Візьму вола за рога,
А кобилу за чуприну,
Тай продам за Шажок,
І куплю Пиріжок, щоб не побіг
На біленький сніжок...*

Примечания:

Улики (укр.) - улы.

Гарбуз (укр.) - тыква.

Рушник (укр.) - вышитое полотенце.

Бричка - открытый экипаж для прогулок, охоты.

Парубок (укр.) - молодой парень.

Овин - хозяйственная постройка, в которой сушили снопы перед молотьюбой.

Крынка (укр.) - глиняный сосуд.

Вода непочатая (укр.) - свежая, которую никто ещё не пил.

Горилка (укр.) - водка.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПРОРУБЬ

Хорошенькая речная Русалочка, в окружении радужных рыбок, подплыла к старому Сому:

- Дедушка, проснись! Речку лёд сковал – ни неба, ни звезд не видно! Скучно нам, расскажи сказку!

Сом вздохнул, приоткрыл один глаз:

- Сегодня новогодняя ночь, как же без сказки, когда всё вокруг пропитано чудесами?

- А какие они, новогодние чудеса? – спросила Русалочка.

Сом окончательно проснулся, зевнул и, улыбаясь во весь рот, пробормотал:

- Ох, рыбятня! Всё равно ведь, пока не расскажу – не оставите меня в покое! Ну, слушайте...

Рис. В. Лукиной

В Новый год мир там, наверху, напоминает страну чудес – необыкновенных, волшебных, с долгожданными сюрпризами. Вы только представьте: кружится снег - это как выбеленные жарким летним солнцем песчинки, а вблизи глянешь на каждую снежинку – крошечный ажурный цветочек напоминает или ветром сорванный лепесток полевой кашки. Удивительное это зрелище, а ведь каждая снежинка - это всего лишь капелька воды, в которой на холоде образуются кристаллы льда. Слышал я, что даже двух одинаковых снежинок не бывает, каждая из них - неповторима!

Зимой повсюду - в городах и сёлах, в лесах и полях, хозяйничает Метелица. Разодета она в бело-голубые меха, пуховые белоснежные шали её на ветру развеваются, бахромой из звонких сосулек звенят. Летит она в ледовой колеснице - то с облаками снежными, то с позёмкой морозной, и укрывает землю хрустящими, крахмальными покрывалами, чтоб в лютые морозы не вымерзли маковки-семена предстоящего лета.

А ещё под Новый год там, наверху, фейерверки в небе сверкают, музыка со всех сторон звучит, окошки в домах подмигивают разноцветными ёлочными гирляндами... люди все дарят друг другу подарки, а детям их приносит Дед Мороз!

Русалочка от восторга захлопала в ладоши:

- Как замечательно! Я мечтаю, чтобы в нашем подводном царстве тоже на Новый год была нарядная ёлка и еще хочу, чтоб Дед Мороз подарил мне куколку с золотыми волосами!

- Э, нет – ёлки под водой не растут, а вместо куклы... вон - рыбку запеленан в лист кувшинки и нянчи себе на здоровье! - Сом рассмеялся.

- Дедушка! – Русалочка нахмурила бровки, - а откуда ты всё знаешь?

- Как это откуда? Жизненный опыт! – он подмигнул радужной рыбке, - давным-давно, когда был я еще глупеньким, несмышленным мальком, заметил как-то светлый круг проруби, кинулся к нему – и попался на крючок. Бросили меня в ведёрко с водой – а там родни и соседей полным-полно. Дядьки мои Карп, Ёрш и Судак всё твердили, что великая честь оказаться в большой кастрюле и называться ухой. Настроение у них было приподнятое, тем более что рыбаки нас на мотоцикле с коляской прокатили, сами понимаете – новые ощущения, ожидание праздника! В доме склонились над нами хозяйка и дети – улыбаются, рады видеть нас! Потом всех по очереди стали вынимать из ведра и подготавливать к ухе, а на меня –

никакого внимания. Когда остался я один, подошёл мальчик – глазёнки голубые-голубые, как река Тихоня в ясный день, а в них – зелёные крапинки, точно ряска с Тихони осенней. Глянул он на меня и говорит:

- Какой маленький Сомик! Можно я его себе возьму, а утром обратно в прорубь отпущу?
- Забирай, Захарка, - ответил его отец, - навару с него всё равно не будет.

Вот так я в банке с водой и Новый год встретил. Всё мне было оттуда видно – и стол, уставленный разными вкусностями, и ёлку до потолка, украшенную зеркальными шарами – синими, алыми, жёлтыми... и огонь в камине, и свечи, и игрушки на ветках – белочки, зайчики, пингвины... и конфетти разноцветное, и огни бенгальские! Смотрел я и не мог налюбоваться на всю эту красоту, а из-под ёлки Дед Мороз в красном тулупе – белобородый, румяный, улыбнулся мне и рукой в красной варежке помахал! Добрый знак – значит, удача будет в Новом году!

Гости от волшебного сундука, телевизором называется, глаз не отводили, маленькие человечки оттуда шутят – все хохочут, а как запоем – все им подпевают, чудно! Веселился и я всю ночь – крошками вкусными меня угощали, с серпантинным хвостиком я играл, а как воды водопроводной, удивительной на вкус, напился – даже голова закружилась, впрочем, как и у всех за праздничным столом.

Утром отнёс меня мальчик к реке, опустил в прорубь, а напоследок сказал:

- Плыви Сомик, и не забывай меня, Захарку! С Новым годом!

Доплыл я до самого дна, улёгся в теплой ложбинке в гамак из мягких водорослей и проспал целые сутки. Снились мне дядьки мои – Карп, Ёрш и Судак – счастливые, у каждого во рту лавровый листик и веточка петрушки...

- Дедушка, а где эта прорубь находится? – хитро прищуриив зелёные глаза, спросила Русалочка.

- А тебе зачем? Там может быть опасно! А находится она там, где тёплый подводный источник бьёт – прямо посреди реки, но подплывать к ней не вздумайте! Уха - это ведь на любителя, сами понимаете... а теперь, малышня, марш по домам!

* * *

В канун Нового года, когда старый год, улетая в вечность, уступает место первому январскому денёчку, чудес ждут все, независимо от возраста и положения – и старики, и дети, и президенты, и дворники, и миллионеры, и бродяги.

Как раз такой бродяга и брёл по зимней улице, мечтая наесться досыта и согреться, как следует. Это был высокий, крепкий старик с седой длинной бородой, одетый в куртку с чужого плеча и старые брюки с пузырями на коленях. Мороз постарался на славу – его щёки и нос здорово покраснелись, пальцы на руках едва двигались, а потрёпанные ботинки жалобно поскрипывали – они тоже устали бродить по скользким улочкам.

У булочной витали такие необыкновенные ароматы, что он остановился. Булочник выглянул из окошка и, радушно улыбаясь, протянул пакет с теплой выпечкой:

- Это ты, Борода? Давненько тебя не видел! Угощайся, на здоровье! С наступающим! Желаю тебе найти тех, кого потерял, и вспомнить, наконец, кто ты и откуда!

Бродяга благодарно поклонился и с наслаждением откусил край сдобной плетёнки. Мечтая погреться, он поднялся по ступенькам небольшого магазинчика с надписью «Игрушки» и, незаметно юркнув под прилавок, прислонился спиной к горячей батарее. Как раз в этот момент нахлынула толпа новых покупателей – детей с папами и мамами, выбирающими

подарки – меховых зайцев, медвежат, розовощёких пупсов и солдатиков. Никем не замеченный, бродяга вскоре задремал.

Рабочий день подошёл к концу, магазин закрыли на замок, оставив освещенной только главную витрину. В торговом зале наступила тишина, лишь слышно было, как тикают настенные часы и постукивает по стеклу витрины снежная крупа.

На полупустынные улицы подгоняемая пронизывающим ветром примчалась Метелица в ледовой колеснице. В вихре ажурных снежинок мелькнула она полами расклешенной шубы, взмахнула широкими рукавами с песцовой опушкой, провела тонкой ладонью по окнам – распустились на них цветами морозные узоры. Сквозь стекло витрины заглянула она в магазин сияющими синими глазами, повела веером ресниц, покрытых инеем... и произошло чудо – ёлка качнула ветками, замигала огоньками, а все игрушки ожили и стали перешёптываться. Снеговик спрыгнул на пол и, вздёрнув нос-морковку, громко провозгласил:

- Друзья мои! Очень обидно, что нас сегодня не купили, но предлагаю не унывать, а устроить праздничный концерт! Ведь сегодня Новый год!

- Я умею танцевать, - робко пролепетал плюшевый медвежонок.

- А мы – кувыркаться и садиться на шпагат, - хором сказали два весёлых акробата.

- А я умею щебетать, - тоненько пискнула пестрокрылая птичка в клетке.

- А я могу говорить «ма-ма» и петь, - нараспев сказала кукла с золотистыми волосами.

Она запела – раздался хриплый стон, переходящий в храп и бормотание. Все с недоумением замерли. Кукла залилась румянцем, а сообразительный Снеговик деловито заглянул под прилавки и увидел спящего бродягу у батареи.

- Так-так-так, - он в раздумьях почесал свой плюшевый затылок, - борода белая, слегка кудрявая, тулупчик – хоть и дырявый, но красненький, ботинки – стоптанные... Это же Дед Мороз! Вы только полюбуитесь, как сладко спит – устал, наверное!

Он подошёл к бродяге и похлопал его по плечу:

- Просыпайся, дорогой! Вижу – мешка с подарками у тебя нет, но мы сами упакуемся, ты нас только к детишкам отнеси, сегодня ведь ночь особенная!

Через полчаса из магазина вышел отдохнувший и повеселевший бродяга. На его голове красовался колпачок с помпоном, а в руках – полный мешок игрушек. Настроение у него было отличное – ведь быть Дедом Морозом это так здорово! Как он мог забыть об этом? Последнее, что он помнил – это визг тормозов и мчащийся на него автомобиль. С тех пор прошло уже несколько лет, он начал жизнь заново, в заброшенной деревне, среди незнакомых людей, но под Новый год обязательно, сам не зная почему, приезжает в этот город и бродит по улицам как неприкаянный.

Борода зашёл в первый попавшийся дом и постучал в дверь. Вышла приветливая женщина в белом халатике.

- С Новым годом, хозяйushка! Я вот ребятам подарки принёс, - громогласно заявил он.

- Спасибо, - улыбнулась нянечка, - в Доме малютки уже все спят, но вы можете оставить подарки под ёлкой. Утром детишки будут в восторге – ведь у большинства из них нет ни отца, ни матери, это всё обездоленные дети, у них нелёгкое детство...

Дед Мороз развязал мешок и высыпал гору игрушек:

- Здоровья, счастья всем вам! А каждому малышу желаю найти семью, в которой его будут любить и беречь!

Он вышел за порог, но няня догнала его и посоветовала:

- На левом берегу есть интернат для детей постарше, зайдите и туда!

Борода посмотрел по сторонам – в обход по мосту идти далеко, а поскольку морозы стояли крепкие, река замёрзла, и пройти по ней - дело десяти минут. Он спустился с набережной к реке Тихоне. Широким шагом двинулся по припорошённом снегом льду, на котором тонкими зигзагами сверкали следы от коньков и узких полозьев финских санок. На самой середине поскользнулся, упал и вдруг... почувствовал, что хрустнул под ним лёд, разошёлся чуть в стороны. Моментальные изломы разбежались лучами, ноги его провалились в ледяную воду, а уже в следующую секунду он оказался в ней по пояс. Хватаясь за края льда, он только ломал его и погружался всё глубже. Одежда намокла и камнем тянула вниз. Вскоре его руки и ноги сковал холод, и Борода ушёл под воду с головой...

* * *

- Дедушка! Дедушка Сом! – закричала Русалочка, - скорее, беда! Настоящий Дед Мороз провалился в нашу реку, он очень тяжёлый, мы с рыбками не можем его спасти!

- Какой такой Дед Мороз? – удивился Сом, давно уже не верящий в его существование.

- Точно такой, как ты рассказывал – с белой бородой, в красном тулупчике, с мешком подарков! Дедушка, скорее – он пришёл поздравить нас и провалился в прорубь! Русалочка заплакала, а радужные рыбки, повторяющие за ней абсолютно всё, тоже скривились, собираясь разрыдаться.

Сом на удивление оказался очень расторопным. Не прошло и минуты, как он домчался до места происшествия. Подтолкнув утопающего своей огромной головой, он поднял его на поверхность и мощным толчком выбросил на лёд, пригляделся – действительно, на Деда Мороза похож, только уж больно громаден!

Открыл старик глаза, глянул в них Сом и обомлел – голубые-голубые, как река Тихоня в ясный день, а в них – зелёные крапинки, точно ряска с Тихони осенней.

- Захарка?! – воскликнул он, - я тебя не забыл!!! Постарели мы с тобой, дружище, но глаза твои такие же! Помнишь, как мы Новый год вместе встречали? Банку из-под соленых огурцов матушка твоя вымыла, водой из крана залила – и я из-за её стеклянных стенок телевизор вместе со всеми смотрел, помнишь? А еще ты меня угощал кормом для аквариумных рыбок, дафнией сушёной, я её никогда не забуду, настоящий деликатес!

Отполз бродяга от края, закрыл лицо руками, простонал:

- Сомик, не забыл и я тебя! Отец меня Захаркой звал, а мама только – Захаром, повзрослому... Вот чудеса, теперь и ты мне жизнь спас! Знаешь, я всё вспомнил - на левом берегу в угловом доме на пятом этаже ждёт меня жена, сын и двое внучат-близняшек! Домой мне пора, целую вечность не видел их... Ох, и холодно мне, замерзаю... бежать надо! С Новым годом!

Он дополз до безопасного места, встал в полный рост и помахал Сому рукой в красной варежке. А потом заторопился туда, где его всё ещё ждали, надеясь на чудо...

* * *

Русалочка развязала мешок. Белый плюшевый Снеговик выбрался ей навстречу и, лучезарно улыбаясь, бросился обниматься, за ним выплыли ёлочные игрушки – шары, зайчата, белочки, пингины... серебристый, блестящий дождик и прелестная куколка с золотистыми волосами – именно о такой и мечтала Русалочка.

На самом дне мешка оказалась маленькая искусственная ёлочка, усыпанная пластмассовыми шишками. Её нарядили, как полагается, и всю новогоднюю ночь речные

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

жители не сомкнули глаз – веселились и играли под щебетание канарейки, кувыркание акробатов и нежное пение куколки.

В новогоднюю ночь речка Тихоня не была похожа на саму себя – она словно пританцовывала под ледяной крышкой, выплёскивая сквозь трещины у волшебной проруби свои весёлые прозрачные волны. Луна и звёзды сияли ярче обычного, напоминая праздничную гирлянду из миллионов мерцающих огоньков. На рассвете они погасли, уступая место первому январскому денёчку...

Рис. В. Лукиной

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Зинаида Кокорина

(МОССАЛИТ, Королев)

НОВОГОДНИЕ СТИХИ

Новый год наступит в срок

Мчится Дед Мороз на санках.
Ждёт его лесной народ,
Возле ёлки на полянке
В полночь будет хоровод.

По пушистому снежку
Свежие следы бегут:
Птицы, белочки, зайчата,
Волки, лисы, медвежата...
Скоро, скоро весь народ
Дружно встретит Новый год.

Только Вьюге нет покоя:
- На снегу следы!? - Такое
Не по нраву вовсе ей -
Надо спрятать их скорей!
За подругой побегу,
Разбудить пора Ягу.

Пусть она своей метёлкой
Разметёт следы под ёлкой:
ХОРОВОД не соберётся,
ДЕД МОРОЗ с пути сойдёт,
НОВЫЙ ГОД не достигнет -
И зима тогда продлится...
Эй, Яга, пора вставать,
Нужно время задержать!

Про дела проказниц двух
До Совы прокрался слух.
- И опять же им неймётся...
Средство против зла найдётся!
Совы, филины, слетайтесь,
Плотной тучей собирайтесь,
Встанем на пути у Вьюги
И Яги – её подруги.

Дружно птицы взмыли ввысь,
Крыльями переплелись,
Встали плотно стеной
Перед Вьюгой и Ягой.

Вьюга выла, с тучкой билась,
Обессилев - испарилась...
С помела Яга свалилась
В вихре вьюжном растворилась...

Пусть запомнят наперёд:
Новый год в свой срок придёт!

Мчится Дед Мороз на санках,
Ждёт его лесной народ.
Возле ёлки на полянке
Веселится хоровод!

Секрет

Расскажу тебе я тайну
Про секрет мой. Од-но-му...
Только ты о ней случайно -
Ни словечка, никому...

Целый день живую ёлку
Наряжали мы вчера.
Три гирлянды на иголках
Ярко светятся... Ура!

Все желание загадали,
Потому что Новый год
(Так сказала тётя Валя)
Без подарков не придёт.

Вот и долгожданный праздник,
Ярко ёлочка зажглась!
Даже Васька, кот-проказник,
Веселился возле нас.

А когда на ужин мама
Нам нажарила котлет...
Вот тогда и этот самый
Появился - мой секрет.

Я подумал: если ночью
Ходит в гости Новый год -
Он голодный будет очень,
Он же в каждый дом идёт...

Т-с-с-с!!! Под ёлочку тогда-то
Я и спрятал свой секрет.
Только утром он куда-то
Вдруг исчез... Секрета нет!..

Если в гости этой ночью
Заходил к нам Новый год...
То теперь-то, знаю точно,
Он с подарками придёт!

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Светлана Берсенева

(Москва)

«Мне 12 лет. Начала писать в 9 лет, но у меня плохо получалось. Это были стихи. Я люблю изучать языки. Мой любимый предмет биология. Сейчас коллекционирую марки, собрала уже большую коллекцию. В этом году начала заниматься гольфом. Ещё я люблю выращивать кристаллы. Пишу друзьям письма».

Светлана Берсенева, 6 "а" класс, лицей 1575

БЕСПОРЯДОК

В небольшом пятиэтажном доме живет мальчик Саша, который не любит делать уборку, и в его комнате вечно беспорядок. Приходит однажды Саша домой и садится играть на компьютере. Играл Саша, играл и решил посмотреть ужастики. Тем временем мама с папой ушли в кинотеатр на премьеру фильма. Было уже девять часов, а Саша всё смотрит телевизор. Досмотрел мальчик фильм и лёг спать. Ворочается, ворочается, не может уснуть. Вдруг все вещи поднялись с пола и пошли к Саше.

Он испугался и решил не шевелиться. Все вещи сели вокруг Саши и стали говорить.

- Эх ты, Саша. Меня, между прочим, тебе тетя подарила, - сказал рюкзак.

- А нас ты купил вчера, - сказали новые наушники.

Все вещи начали громко ругать, кусать, царапать Сашу.

И вдруг кружка сказала:

- Так, тихо! Давайте на один день превратим его в кого-нибудь из нас. Будем Сашу швырять, пачкать. Посмотрим, как он будет потом себя вести.

Все громко сказали:

- Давайте.

У Саши на глазах появились слёзы. Он не хотел, чтобы с ним так плохо обращались. Кружка взяла волшебную книгу и начала говорить заклинание, чтобы превратить Сашу в вещь. Он громко заплакал и вдруг проснулся.

Мальчик убрал в своей комнате, разложил всё по полочкам. Зашла в комнату мама и, увидев такой порядок, широко улыбнулась, потому что в это время Саша держал кружку в руках и протирал тряпочкой.

ВОСПОМИНАНИЯ О НОВОГОДНИХ ПРАЗДНИКАХ

Ян Кауфман

(МОССАЛИТ, Москва)

МОЙ ПЕРВЫЙ ВОЕННЫЙ НОВЫЙ ГОД

Сегодня я не спеша иду по оживлённым улицам Москвы, и, глядя на предновогоднее изобилие, на сверкающие ёлочные базары, на беззаботно играющую повсюду детвору, радуюсь.

Но невольно вспоминаю военную Москву конца сорок первого, когда мне исполнилось девять лет.

Глядя из окна нашей комнаты, я вижу, как ранним утром немногочисленные прохожие пробираются на работу по заснеженным ещё тёмным улицам. Витрина магазина, когда-то именовавшегося мясным, что напротив нашего дома у Яра, почти до самого верха укрыта мешками с песком, по скользкой дороге мчатся куда-то грузовые машины. А по ночам доносятся взрывы бомб и выстрелы зениток. Брата тогда уже призвали в армию, а отец всю войну мотался по химическим предприятиям, выпускающим ОВ. Поэтому 1942 год мы встречали втроём: я, мама и больная, уже прикованная к постели бабушка.

Собственно, о встрече Нового года, как в прежнее довоенное время, конечно, никто и не мыслил. Какие ёлки могли прийти в голову, когда и есть-то было нечего!

Мама, папа, брат и я в 14 лет

Благо мама работала на дому в художественной артели вышивальщицей, делая вручную военные знамёна и вымпелы. Я с удовольствием ей помогал закручивать золотые шнуры, на которые подвешивались кисти с кручёной бахромой. Вот благодаря этой работе мы имели три карточки, на которые мама получала кое-какие продукты. Конечно, от довоенных запасов ничего уже давно не осталось. Иногда артель находила возможность выделить какие-то продукты. До сих пор ощущаю во рту вкус «паштета», который мама готовила из трёх килограммов дрожжей, полученных однажды в артели. Кормила этим паштетом, наверное, полмесяца...

Отец только с сорок второго года получил возможность хоть изредка нас навещать.

Запомнилась обычная картина: вечер, бабушка, лежащая на кровати, мама в очках, сидящая близ стола с мерцающей на нем свечкой и вышивающая целыми днями знамёна. В

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

комнате с затемнёнными наглухо окнами было постоянно холодно. Печка буржуйка, которую мама топила, экономя уголь, тепло почти не держала. Какие-то радио новости, периодически прерываемые объявлениями о тревоге, были мне, мальчишке, не интересны. Из-за больной бабушки прятаться от бомбёжки в метро мы с мамой уже не бегали. Электричество все чаще отключалось.

Помню, что в тот последний вечер сорок первого, мама устроила мне праздничный ужин из одной отваренной картофелины и куска розового свиного сала. А к чаю вручила целых три карамельки в красивых обёртках, которые случайно нашла в глубине буфета, и уложила спать. На часах, что висели на стенке около радио, было девять часов вечера.

**Александр Гуляев. Новый год.
1967 г.**

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведёт Анна Народицкая

(МОССАЛИТ, Москва)

ВСЯКОМАНИИ, или С НОВЫМ ГОДОМ!

Оставляя следы на пушистом снегу, я вхожу в свое любимое кафе. Сажусь к окошку, как обычно. Можно даже не смотреть в меню, знаю его наизусть. Сегодня возьму что-нибудь особенное, не как всегда. Скоро Новый год, и настроение такое славное! Посижу, получу положительные эмоции в сочетании с калориями. Ничего, иногда можно себе позволить.

- Будьте добры! – зову я официантку, - капучино, пирожное брауни и два шарика мороженого. Какого? Фисташкового.

Ну что ж, буду ждать заказ.

- Анюта! Ты что, поселилась за этим столиком? – прозвучал знакомый голос моей давней приятельницы.

- Это ты?! Как я рада тебя видеть! Присаживайся. Не ожидала, что сегодня мы встретимся здесь. Что делаю? Да ничего не делаю, сижу, пью кофе, думаю. О чём? Да так, ни о чём серьёзном. Вот задумалась, замечталась: сейчас повсюду суета и ажиотаж, а меня почему-то смех разбирает. Всякие размышлизмы одолевают. Какие? Знаешь, кажется мне, что живем мы по большей части очень бестолково. Ведёмся, как говорится, на стадное чувство, и овладевают нами тогда всякие мании. Особенно перед большими праздниками. Вот, например, Новый год. Каждый раз мы даем себе слово готовиться заблаговременно! Составить список подарков и одариваемых, меню праздничного стола, план на каникулы - куда пойти, с кем. Но всё бесполезно.

Нам вечно некогда, и снова мы устраиваем гонку накануне тридцать первого декабря.

Но, понимаешь, если бы только это! Я ведь не зря упомянула мании, по-другому это праздничное сумасшествие не назовешь. Причем у каждого своя мания.

Некоторые уделяют особое внимание гороскопам наступающего года - **«гороскопомания»**. Для этой категории людей становится жизненно важным вопрос: что надеть в новогоднюю ночь? Какие блюда можно готовить, а какие нельзя? Не дай бог, поставить на стол курицу в год петуха! Ай-ай-ай! Будут неудачи преследовать весь год. А свечи? Какого цвета свечи должны гореть на столе? Какие украшения разрешаются в этот раз, золотые или серебряные? Могут ли быть в украшениях драгоценные камни? Если да, то какие? И уж конечно, нельзя забыть написать на папиросной бумажке желания, поджечь и съесть пепел. И непременно успеть проделать все эти манипуляции, пока бьют куранты!

Другая часть предпразднично настроенного населения носится в поисках подарков родным, близким друзьям, коллегам по работе - **«подаркомания»**. Тут в ход идут всяческие ухищрения, ведь делать подарки очень не просто! Если ты не знаешь, чему конкретно

обрадуется одариваемый, задача усложняется в разы. В последнее время стало популярным дарить сертификаты на покупку, такие карточки. Ну, конечно, ты знаешь, тебе дарили. И мне дарили. Иногда это очень даже удобно. Но гораздо приятнее запакованный в красивую бумагу подарок! Ты разворачиваешь и волнуешься, что там? Это так здорово! Но порой бывают такие ситуации, когда подарок - как бы поделикатней сказать? - в общем, подарок, как говорится, «ни уму, ни сердцу».

И тогда в ход идет заветная полка, или даже чуланчик, где копятся такие ненужные подарки. Порой там хранятся стопки конфетных коробок – мало ли, пригодится.

И ведь пригождаются! И подарки, и конфеты передариваются. Правда, тут главное не забыть, кто и что подарил, чтобы не передарить ненужную вещь тому, от кого, собственно, ты и получил этот бесполезный дар.

Есть еще мания, я называю ее на английский манер – *«beautymania»*, мания красоты! И подвержены ей не только женщины. Эти граждане тратят кучу средств и времени на салоны и магазины, чтобы в новогоднюю ночь сразить своей красотой наповал всех, кто окажется в опасной близости. Маски, пилинг, массажи и маникюр с педикюром! Укладки и стрижки, макияж с блестками и духи с феромонами! А уж сколько сил уходит на поиск платьев и костюмов! Нужно сначала поразить воображение сослуживцев на корпоративе, а потом еще новенькое что-нибудь, на сам новогодний праздник. И неважно, что потом эти наряды будут висеть в шкафу забытые весь год. Цель спринтерская – одна ночь!

Следующая часть «маниакально-праздничного заболевания» - это люди с кулинарными пристрастиями. Для них, разумеется, важно, и как выглядеть, и что подарить. Но самое главное, каким будет стол!

«Кулинарные маньяки» - так я их называю. У них перед праздником и в самом деле начинается абсолютное безумие! Продукты скупаются в огромных количествах, ведь перечень блюд в новогоднем меню нескончаем. Закуски, салаты, горячее и холодное, рулет и студень, пироги и торты. Изобилие фруктов наполняет хрустальные вазы, конфеты яркой россыпью падают из переполненных конфетниц. А на подоконниках и в холодильниках стройными рядами выстроились шампанское, вина сухие и сладкие (вдруг кто-то захочет), водочка (куда ж без нее?), обязательно кока-кола и всякие разновидности воды, соков. Подготовка идет не на шутку, словно грядет не праздник, а голодное зимование. И что интересно, в этих семьях всю праздничную ночь едят и пьют в таких количествах, словно в последний раз в жизни. Или будто цель праздника - уничтожить все в холодильнике за двадцать четыре часа, и тогда приз!

Всю ночь друзья, болеющие кулинарной манией, ходят друг к другу есть. Пробуют салаты, студни, делятся рецептами. А потом еще упаковывают в судочки «с собой». Мол, «наше-то вкуснее».

Ну чего ты хихикаешь? Ведь и правда, словно Новый год в нашей стране не ежегодный праздник, а какое-то экстраординарное событие, которое должно сопровождаться тоннами еды и центнерами петард и салюта. Да, конечно, не все так празднуют, а я и не утверждаю, что все население делится строго на группы и подгруппы. Но такие явления присутствуют, ты не можешь не согласиться.

Ну, расскажу тебе и про последних, одержимых *«ёлкоманией»*. Эти соревнуются, кто круче и нарядней украсит дом и ёлку, обязательно высокую и пушистую! Тут всё внимание игрушкам. Они могут быть старинными или современными, дорогими и не очень, авторскими или заводскими, пластмассовыми. Игрушки привозятся из-за рубежа, покупаются в винтажных магазинах, изготавливаются самостоятельно из подручных материалов. Важно, чтобы ёлка поражала воображение. Хозяева супердерева заинтриговывают вас: «Заходите к нам! Вы же еще не видели нашу ёлку! Она у нас два метра! Французская! Заходите, вы просто обалдеете!»

Рис. А. Народицкой

И вы действительно обалдеваете, потому, что ёлка не просто дерево, она как произведение искусства, как предмет гордости, традиция, переданная из поколения в поколение.

М-даа... Знаешь, а я очень люблю Новый год. Вот подсмеиваюсь над соотечественниками, а сама, если бы могла объять необъятное, заболела бы всеми маниями сразу! Потому что эти «всякомании» очень добрые и неопасные болезни. И длятся они всего ничего, только пока продолжается праздник. Куда хуже, когда Новый год проходит без ёлки, без нарядного платья, с пустым столом. Таких людей тоже немало. Кто-то от бедности не празднует, кто-то от одиночества не хочет отмечать. Грустно, но это происходит. Может, в соседнем доме, может, на соседней улице. Слушай, а вот было бы хорошо, если бы все, у кого много подарков, нарядов и праздничной еды, заходили в такие «грустные квартиры» и, поделившись по-дружески, от души поздравляли: «С Новым годом! Счастья вам!!!» Может, тогда «грустных квартир» станет меньше?

Ты-то чего грустишь? Мы с тобой сидим в уютном кафе, за окном падает снег, а у нас на столе всякие вкусности. Ах, это я тебя расстроила... Не огорчайся, пожалуйста, приезжай ко мне на Новый год, будем вместе встречать! И заболеем «всякоманиями» вдвоем и сразу. Договорились? Вот и хорошо, ты уже улыбаешься.

А самое главное, перед праздником - что? Правильно! Хорошее настроение! Ну, что ж, с наступающим тебя!!!

Снегопад

Облака пух опустился с небес?
Нет, это просто в ночи снегопад.
Мягкий над крышами белый навес
Улицы все осыпает подряд.

Ах, эта ночь тихой тайной полна!
Сотни снежинок кружат по двору.
Нет, не до сна мне теперь, не до сна,
Жаль, если сказка растает к утру.

Всё ворожит снегопад за окном,
И в небеса я молитву шепчу:

Светлым стели впереди полотном!
Я ведь не многого в жизни хочу.

Снежную нежность свою подари,
Припороши прошлых лет канитель,
Ну, а еще, до холодной зари,
Кружевом сна мне наполни постель.

Будет шептать снегопад до утра,
Землю устелет пушистый покров.
Он убаюкал меня, мне пора
В царство уютных и радостных снов.

ВОСПОМИНАНИЯ О НОВОГОДНИХ ПРАЗДНИКАХ

Константин Суханов

(Москва)

Академик, специалист в области механики полета и процессов управления. Долгое время работал на должности заместителя генерального конструктора, начальника комплекса навигации и управления полетом в ФГУП «НПО им. С. А. Лавочкина», преподаватель МАИ.

Премия Ленинского комсомола (1973), Государственная премия СССР (1982), Орден Трудового Красного Знамени (1986), медали СССР, России и РАН.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ: НОВЫЙ ГОД В 1948

Если меня попросят рассказать что-то веселое – о том, например, как мы праздновали Новый год, то почему-то мало что вспоминается. В чем причина? Не знаю. Могу догадываться. А может, я просто не романтик.

Праздники вообще у меня, сначала маленького, потом подростка, всегда были связаны с какими-то хлопотами, магазинами и очередями – словом, с какой-то домашней суетой.

Жил я с мамой, Лидией Ильиничной Сухановой, и бабушкой – матерью моего отца. Отец ушел на войну и больше к нам не вернулся, а бабушка Шура по-прежнему жила с нами.

Шура, Александра Александровна Суханова (в девичестве – Солис) была женой Константина Суханова¹⁹, моего деда, которому во Владивостоке поставлен памятник и его именем названа улица. Он был революционером, председателем Владивостокского Совета. Его расстреляли белочехи в возрасте 25 лет якобы при попытке к бегству.

Бабушка Шура меня очень любила. Она курила «Беломор» и жила в своей отдельной комнате. А жили мы в общей квартире на 8 соседей, где были единственными, кто имел две комнаты.

Квартира была в Козицком переулке, рядом с Елисеевским гастрономом на улице Горького (сейчас это улица Тверская).

¹⁹ Суханов К. А. (1894-1918) - член Дальневосточного СНК (Совет народных комиссаров), председатель исполкома Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов с ноября 1917 г. по июнь 1918 г. В июне 1918 после свержения советской власти во Владивостоке чешскими легионерами был арестован, затем расстрелян. По версии властей — убит при попытке к бегству во время перевода из лагеря на Первой речке в гражданскую тюрьму. О судьбе Константина Суханова снят художественный фильм «Владивосток, год 1918». Во Владивостоке есть Дом-музей семьи Сухановых, где представлена история семьи до настоящего времени.

Московский BAZAR, № 4 (10) 2013 г.

Там, во второй комнате, ставилась ёлка, большая, примерно 4,5 метра. Ёлка ставилась на деревянный крест, живая, настоящая, пахучая. Ёлку ставила мама.

Припоминаю, что основу игрушек на ёлке составляли флажки, мандарины, конфеты и различные самоделки. Покупных игрушек у нас было очень мало, за исключением стеклянных бус. Собственно, большинство флажков тоже можно отнести к самоделкам. Обычно в течение года собирались красивые серебряные и, если попадались, золотые обёртки от шоколадных конфет и шоколада для изготовления различных самоделок, в частности блестящих орехов и блестящих шариков, делались и флажки.

А еще почему-то помню, что на окнах были ставни.

В 1948 г., когда мне было 7 лет, как раз под Новый год со мной произошел такой случай. Бабушка Шура (и это уже со слов мамы) поставила на подоконник чайник, только что вскипевший и принесённый из общей кухни. А я, чтобы посмотреть, что делается на улице Горького, открыл ставню. И...(!) опрокинул чайник с крутым кипятком на себя. И тут же в комнатах погасили свет, и стало темно. Тогда меня это сильно удивило, а теперь я понимаю, что просто потерял сознание. Так что Новый год я встретил в больнице, которая находилась где-то за театром Пушкина. Вот такой был Новый год.

**Федор Решетников. Прибыл на каникулы.
1948 г.**

НОВОГОДНИЕ ПРЕДСКАЗАНИЯ!

Анна Народицкая

(Моссалит, Москва)

С НОВЫМ ГОДОМ!

Чу! Раздался звук копыт!
Хоть Змея еще в короне,
Лошадь бодро к нам спешит,
Заменить Змею на троне.

Лошадь цвета изумруд,
С деревянными ногами.
С февраля осядет тут,
И весь год пробудет с нами.

Романтична и умна,
Бескорыстная трудяга,
Даст лошадка нам сполна
Силы выжить в передрягах.

А творцам осветит путь,
Награждая вдохновеньем,
Чтоб с дороги не свернуть,
Чтоб творилось с упоеньем!

Если ж молитесь деньгам,
Лошадь справится с такими!
Деньги будут только там,
Где не гонятся за ними!

В браке будьте начеку,
Берегите отношенья!
Сколько было на веку
Из-за ревности мученья!

Прославляйте коллектив,
Вместе по колено море!
Излучайте позитив,
И награда будет вскоре.

Моссалитовцы! В седло!
Дружно! Рысью! К нашей цели!
Чтобы всем нам повезло
Получить всё, что хотели!

И какая б ни была
Тридцать первого погода,
Ваши главные дела -
Поздравленья с Новым годом!

В эту ночь грустить нельзя!
Пусть боятся нас ненастья.
Поздравляем вас друзья!
С Новым годом!
С новым счастьем!

Московский Салон Литераторов (МОССАЛИТ)

www.mossalit.ru
mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ, 2013